

А
Ф
И

Академия Фундаментальных Исследований

ИСТОРИЯ

С. С. Пасков

Япония В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ *VII–XII века*

*Исторические
очерки*

С. С. Пасков

**ЯПОНИЯ
В РАННЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
VII–XII ВЕКА**

Исторические очерки

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. И. Подпалова

Издание второе

**URSS
МОСКВА**

Пасков Станислав Соломонович

Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки /
 Отв. ред. Г. И. Подпалова. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
 2011. — 208 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Настоящая книга содержит очерки, в которых на основе оригинальных источников и исследований японских авторов рассматриваются важнейшие проблемы социально-экономической истории, а также идеология, политика, духовная и материальная культура, быт основных классов японского раннефеодального общества. Описывается социальная революция и политический переворот в Японии VII века. Существенное внимание уделено ключевой проблеме истории японского феодализма — становлению вотчинной системы, проанализированы главные этапы ее формирования в VIII–XII вв. Рассматривается становление самурайства в Японии. В заключение выделены типологические черты японского раннефеодального общества как системного образования.

Книга рекомендуется историкам, востоковедам, философам, культурологам, студентам исторических и восточных факультетов вузов, а также всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 13. Звк. № 4597.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02013-8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011

10289 ID 123131

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ВВЕДЕНИЕ

Научная и практическая актуальность изучения феодализма определяется рядом объективных причин. Далекое прошлое оставляет следы в современном экономическом строе, социальных отношениях, политической культуре, национальных обычаях, которые могут быть объяснены лишь на основе исторического подхода.

Остро стоят проблемы феодализма в идеологической борьбе. Как известно, буржуазные историки, отрицающие марксистскую категорию «общественно-экономическая формация» и социологические закономерности, противопоставляют им формально-юридические и поверхностно-политические концепции феодализма, односторонне сводящие данное понятие к политической раздробленности, вассально-ленным отношениям, феодальному праву, иерархической собственности. Обращение к проблемам истории раннего средневековья используется буржуазными авторами для попыток доказать извечность социального неравенства [67, гл. 1–2]. В современной Японии весьма распространены антикоммунистические по содержанию исторические и социологические теории, в которых Япония как элемент структуры капиталистического мира, взращенного феодализмом, противопоставляется развивающимся и социалистическим странам, якобы миновавшим этот этап развития и не сумевшим достичь уровня Японии и Западной Европы (см., например, [405]).

Задачей предлагаемых очерков является освещение основных сторон развития и функционирования японского раннефеодального общества на основе марксистско-ленинской концепции феодализма. Преимущественное внимание уделяется вопросам, наименее изученным в советской историографии. Не все они, однако, могут быть изложены с достаточной полнотой, что определяется как социально-классовым характером источников, так и степенью разработки их в японской историографии. Отмеченное обстоятельство относится в первую очередь к истории раннесредневекового крестьянства. Сведения письменных источников о крестьянстве весьма скудны, и его история не может быть освещена так же детально, как история правящих кругов, хорошо известная и из официальных хроник, и из художественной литературы.

Вместе с тем стремление приблизиться к целостному рассмотрению японского раннефеодального общества и подойти к пониманию характера взаимодействия его структурообразующих элементов побудило автора данных очерков затронуть и те вопросы, которые продолжительное время плодотворно разрабатываются в советском японоведении, — прежде всего развитие литературы и искусства.

Понятия «ранний феодализм» и «раннее средневековье» рассматриваются в данных очерках как хронологически совпадающие. Социально-экономическое содержание раннего этапа развития японского феодализма составляло существование государственной собственности на землю, наделной системы крестьянского землепользования, утвердившейся к концу VII в., и становление вотчинной системы, протекавшее с VIII в. Завершение формирования вотчинной системы к середине XII в. определило конечный рубеж раннего феодализма и начало его перехода в развитую стадию. Отмеченное обстоятельство повлекло за собой обострение борьбы за власть как следствие усилившегося противоречия между базисом и надстройкой. Поэтому в заключительном разделе гл. 6 рассмотрена политическая борьба 50—70-х годов XII в.

Существенное значение имеют вопросы этнической истории, дающие возможность расширить представление об условиях жизни основных классов общества и проследить истоки формирования современных обычаев, традиций, элементов культуры, лучше понять процесс развития производительных сил.

Для изучения отдельных сторон исторического процесса полезны данные и методы и других смежных и вспомогательных дисциплин. В частности, корреляционный анализ ренты отдельных буддийских храмов в XI—XII вв. позволил подтвердить тезис, что переход с XII в. от арендного хозяйства к держаниям крестьян был выгоден прежде всего феодалам. Но, разумеется, необходимой предпосылкой применения вспомогательных методов является качественная социально-классовая характеристика исторического общества. В феодальной Японии существовала, наконец, проблема трехязычия. Изучение ее истории требует наряду со знанием разговорного и письменного японского языка (бунго) работы с древнекитайским письменным языком — вэньянем (камбуном), с VIII в. ставшим языком официальным¹.

Источники

Современное теоретическое источниковедение выделяет письменные, вещественные, изобразительные и фонические источники [112, с. 143]. Ставится вопрос о вычленении вспомогательных, потенциальных — в частности, естественно-географических источников [192, с. 266]. Письменные источники остаются, разумеется, наиболее важными с точки зрения информативности.

В Японии сборником, систематизацией и изданием письменных источников занимается Институт собирания исторических источников при Токийском университете, созданный в 1888 г. вместо существовавшего с 1869 г. Управления официальной истории. Институт ставит своей целью выявление событий, ежедневно происходивших в Японии с конца IX в., т. е. с того времени, когда прекратилось составление официальных императорских историй. Завершить эту работу предполагается в середине XXI в.

Не все этапы и не все стороны истории японского раннефеодального общества в равной степени обеспечены письменными источниками. Первая группа источников — документы как непосредственные свидетельства своего времени стали составляться в Японии в весьма большом количестве с начала VIII в., когда свод законов «Тайхо рицурё» (701 г.; Тайхо — девиз годов правления императора, рицу — уголовное право, рё — гражданское и административное) установил, что все распоряжения, указы, отчеты должны предоставляться в письменной форме (на вэньяне), а не передаваться устно, как прежде.

Сохранилось около 12 тыс. единиц документов VIII в. Подавляющее их большинство находится в Сёсоин — Императорской палате, хранилище драгоценностей в Нара, расположенной рядом с известным памятником культуры VIII в. — буддийским храмом Тодайдзи. Доступ к оригиналам затруднен, так как охраняется право собственности на них императорской семьи, однако имеется многотомное издание этих документов [24] — ценный источник по социально-экономической истории VIII в. Среди изданных исторических памятников — книги подворных переписей (косэки), проводившихся с 690 г. до конца VIII в. через каждые шесть лет, ежегодные учетные книги (кэйтё), содержащие данные о населении провинций с учетом пола и возраста, ежегодные доклады губернаторов провинций центральному правительству (тёсютё), включавшие описание водных бассейнов, судов, оборудования присутственных мест, почтовых лошадей, синтоистских храмов и другие сведения, официальная переписка центральных и местных властей. Эти источники позволяют уяснить не только государственные установления и события политической истории, но и, что гораздо важнее, положение и борьбу общественных классов, жизнь и быт крестьянства, феодалов и рабов, практическую реализацию земельного закона и эволюцию аграрного строя.

Число дошедших до нас документов IX—XII вв. значительно меньше — около 10 тыс. единиц. Документы этого времени, собранные, систематизированные и впервые опубликованные Такэути Ридзо (род. в 1907 г.) в 1947—1960 гг. [43], являются основным источником изучения процесса становления вотчинной системы. Они содержат переписку землевладельцев и правительственных ведомств, документы о приобретении, захвате и разработке земель, о создании и расширении вотчин, признании их имунитетов, аренде вотчинных земель, формировании крестьянских держаний и т. д.

С середины 70-х годов токийское издательство «Есикава», специализирующееся на издании исторической литературы, приступило к выпуску серии источников по истории отдельных вотчин, охватывающих весь период становления, развития и распада вотчинной системы (VIII—XVI вв.) и включающих наряду с документами выдержки из исторической и художественной литературы на древнекитайском и японском языках. В частности, первый том документов одной из наиболее изученных вотчин, Курола

(провинция Ига, ныне — территория города Набари в префектуре Мизэ), охватывает 750—1145 гг. и содержит 252 документа, расположенных в хронологическом порядке [45].

Правительственные указы и императорские эдикты конца VIII — начала X в. — дополнения к законодательству VIII в., также включающие материал о вотчинах и позволяющие судить об экономической политике властей, реформах в целях сохранения государственной собственности на землю и начале государственного регулирования вотчин, — в упомянутые собрания документов не входят, так как сохранились в том виде, в каком они были систематизированы в X в., и издаются отдельно [36]. К этой группе источников примыкают также комментарии к тексту законов, писавшиеся в VIII в. [32; 33; 34].

Вторая группа непосредственных источников — дневники аристократов, писавшиеся с VII в., но получившие особенное развитие с X в. Речь идет не о литературных произведениях на японском языке, таких, как книги Ки-но Цураюки, или Мурасаки сикибу² [88, гл. 2], имеющие характер мемуаров или путевых заметок, а о дневниках в строгом смысле слова, содержащих записи о событиях в столице, при дворе, церемониях, поступках людей, изложение бесед и т. д. Часто такие дневники передавались по наследству и служили руководством в политической деятельности. Этот вид источников даже в Японии изучен пока недостаточно. Степень их достоверности выше, чем ряда документов, которые могли быть искажены, особенно если использовались в имущественных спорах или политической борьбе. Дневники, как правило, не имеют позднейших наслоений, а объем содержащейся в них информации больше, чем в других источниках, однако она ограничена столичной жизнью.

Высокой степенью достоверности отличается также датировка событий в дневниках, поскольку они писались на календарях, ежегодно составлявшихся для аристократов в правительственном ведомстве астрономии и календаря. С точки зрения же языка дневники представляют наибольшую сложность для анализа: записи их краткие, написаны одними иероглифами, но грамматические правила взъятия авторы соблюдали далеко не всегда; иногда пренебрегали ими, иногда писали по правилам японской грамматики. Есть неточности в иероглифах, пропуски, сокращения. Сложна также расшифровка названий дневников, требующая в ряде случаев привлечения дополнительных источников: название могло состоять из отдельных иероглифов наименования должности автора, псевдонима, названия его усадьбы или даже отдельных элементов иероглифов (чаще всего — ключевых), обозначавших должность.

К этой же группе источников можно отнести и эпиграфические памятники. Известно до двух десятков надписей на могильниках и буддийских статуях, сделанных до конца VII в.; памятники IX—XII вв. воспроизведены в специальном томе вышеупомянутых хэйанских документов, собранных Такэути Ридзо.

Третья группа письменных источников — шесть официальных историй (риккокуси), составившихся по китайскому образцу с 720 г. по 901 г. Все они написаны на взъяне, хорошим стилем — к их созданию привлекались наиболее образованные аристократы, — хотя и уступают по образности языка китайской династийной истории «Хань шу», что отчасти объясняется большей сжатостью изложения событий. Объект описания — политическая история правящих кругов, события придворной жизни, краткие биографии политических деятелей и поэтов. В них упоминаются или излагаются также отдельные императорские и правительственные указы, имеется материал о развитии буддизма и синтоизма. Очень скупы, разумеется, данные о крестьянстве и его борьбе.

Основная идея, пронизывающая все шесть официальных историй, — якобы божественное происхождение императорского дома, — как известно, наиболее полно воплощена в первой из них — «Анналы Японии» («Нихон сёки») [31].

Значительную ее часть составляют мифы. Повествование о реальных событиях основано на конфуцианском принципе наказания зла и торжества добродетели; под злом понимается ущерб, нанесенный императорскому дому, под добродетелью — верная и честная служба ему. Очень отчетливо это обнаруживается, например, в драматизированном описании политического переворота 645 г. «Анналы Японии» вообще более подробны и образны, чем последующие пять историй; китайское влияние здесь тоже наиболее заметно — и в стиле изложения, и в использовании китайских легенд, выдаваемых за события японской истории.

Текст «Анналов Японии», в частности описание событий конца VI—VII в., содержит бесспорно доказанные позднейшие наслоения. Они обнаруживаются при анализе стилистических особенностей самого текста, переработанного авторами-составителями, сопоставлении словоупотребления «Анналов Японии» с эпиграфическими памятниками и документами начала VIII в. (наиболее существенные моменты, относящиеся к документам VII в., входящим в «Анналы Японии», будут рассмотрены в гл. 1).

Следующие пять официальных историй — от «Продолжения анналов Японии» («Сёку Нихонги») [37], написанного в конце VIII в. и охватывающего 697—791 гг., до «Хроники трех императоров Японии» («Нихон сандай дзицуоку») [30] — в целом не противоречат данным других источников.

Насыщенным и многосторонним источником являются произведения японской раннесредневековой литературы, значение которых в этом плане далеко не исчерпывается изучением собственно истории литературы. Романы, повести, легенды на японском языке, стихи на древнекитайском и японском языках не только передают атмосферу эпохи, но и содержат множество сведений, которые могут быть использованы при изучении этнической и социальной истории, материальной и духовной культуры, а также политических событий.

Одно из крупнейших произведений мировой средневековой литературы, «Повесть о принце Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), позволяет составить представление об обычаях, условиях жизни, верованиях, культуре аристократии. «Повести о прошлом и настоящем» («Кондзяку моногатари») включают данные о жизни различных классов и социальных слоев раннефеодального общества. В «Новых записях о комических представлениях — саругаку» («Синсаругакки») есть описание дома, хозяйства и быта крестьянина-арендатора, которого не найдешь ни в одной официальной истории. Поэтическая антология VIII в. «Сборник множества стихов» («Манъёсю») включает стихи крестьян. И даже из лирической поэзии, передающей чувства и ощущения авторов, можно извлечь информацию о тех обычаях и привычках — любовании луной, багряным кленом, — которые остаются элементом национальной культуры и современных японцев.

Разумеется, сведения, почерпнутые из художественной литературы, как и из других источников, требуют сопоставления и проверки. В одних случаях доказательством достоверности служит неоднократность повторения факта — это относится прежде всего к обычаям и культуре. О сезонных любованиях природой, например, часто говорится в литературе, становились они и сюжетом живописи. Намного сложнее проверить точность описания политических событий в исторических повестях, таких, как «Повесть о процветании» («Эйга моногатари»), или в житиях монахов. Идеализация авторами своих героев часто такова, что без дополнительных данных установить подлинность даже тех фактов, которые лишены внешней фантастичности и могут восприниматься как реальные, не представляется возможным. Примером может служить «Житие великого будды Сётоку» («Дзёгу Сётоку хоотэй сэцу») [25] — жизнеописание идеализированного монахами принца Сётоку.

Кроме издания полных текстов письменных памятников японские издательства выпускают тематически подобранные извлечения из разных источников. К их числу относится, в частности, многократно переиздававшийся четырехтомник «Поступь Японии в исторических источниках» [46; 47] — комментированная хрестоматия, включающая разбитые по темам выдержки из документов, официальных историй, художественной литературы на языке оригинала. Эти выдержки служат подтверждением наиболее существенных фактов истории Японии — в данном случае раннефеодальной. Возможности использования их в исследовательских целях, конечно, очень ограничены, но как иллюстративный материал они весьма полезны. Требуется, однако, сопоставление их с оригиналом, так как в издании имеются опечатки, хотя и немногочисленные.

К числу изобразительных источников относятся в первую очередь произведения живописи и скульптуры. Как и художественная литература, они важны для изучения не только истории искусства, но и этноса, социальных отношений, идеологии.

Без рассмотрения буддийской скульптуры, эволюции буддийской живописи трудно изучать развитие буддизма как идеологии. Искусство, особенно с X в., все шире использовалось в религиозной пропаганде, а технология изготовления буддийских статуй — один из важных элементов, характеризующих материальную культуру.

Произведения светской живописи, рассмотренные в связи с другими произведениями искусства и литературы, дают возможность выявить закономерности развития духовной культуры, а их сюжет позволяет расширить представления об обычаях, мировоззрении, социальном положении представителей различных классов и слоев японского общества, зримо представить их образ, а в ряде случаев — подтвердить данные письменных источников. Первостепенное значение имеет, конечно, непосредственное знакомство с оригиналом произведений (автор имел возможность ознакомиться с частью оригиналов, о которых говорится в очерках), однако для использования в качестве источников большую ценность представляют и издаваемые в Японии систематизированные собрания репродукций, в частности живописи в свитках (эмакимоно), и скульптуры [51; 52].

Вместе с тем неразработанность методики использования изобразительного искусства как исторического источника обуславливает сложность такого использования. Когда по произведениям живописи изучается жилище или костюм, то главную роль играет точность, реалистичность изображения. Для анализа же взаимоотношений людей — не в личном, а в социально-историческом плане, — их материального положения, социальной принадлежности требуются дополнительные данные из письменных или археологических источников. Важно также абстрагироваться от личных склонностей, вкусов, представлений, порождающих опасность произвольного толкования живописи. Иначе говоря, необходимо разграничить субъективное восприятие прекрасного и проблему отражения исторической действительности в искусстве, которая не может быть решена лишь путем анализа собственно произведений живописи или скульптуры, в отрыве от рассмотрения социально-исторических условий и мировоззрения. Поэтому искусство не может быть единственной основой реконструкции исторического прошлого, а должно рассматриваться во взаимосвязи с другими видами источников.

К классу изобразительных источников относятся также рисунки, карты, схемы. Сохранились рисунки, изображающие отдельные вотчины, усадьбы, хозяйственные постройки. В Японии неоднократно издавались карты размещения вотчин в провинциях, помогающие установить соотношение вотчинных и государственных земель, обрабатываемых и необрабатываемых, доменов и крестьянских держаний. Наиболее полное из существующих изданий вышло в середине 70-х годов [53]. Каталог рисунков, изображающих вотчины, имеется в первом сборнике статей японских историков, посвященном их исследованию [362].

Описание вещественных и естественно-географических источников дается в отчетах и докладах об археологических раскопках и полевых исследованиях. В конце XIX в., а затем в 30-х и с 50-х годов велись раскопки в Нара, где с 710 по 784 г. находилась столица (Хэйдзэй), в Асука, в том числе на территории храма Хорюдзи, построенного в конце VI в., и в других местах. В последние десятилетия проводились полевые исследования территорий бывших вотчин, в частности изучалась топонимика, состояние земель, водных бассейнов, а также храмов и хранящихся в них документов (см., например, [228]).

При подготовке данных очерков выборочно использованы все виды упомянутых источников, прежде всего при рассмотрении ключевых вопросов социально-экономической истории, а также спорных проблем.

Историография

Становление марксистско-ленинской концепции японского феодализма в советской историографии относится к 20—30-м годам — времени формирования марксистской историографии в СССР. Принципиальное теоретическое значение имеет, в частности, обоснованное Н. И. Конрадом, а затем Е. М. Жуковым положение об обозначившемся к VII в. переходе от первобытнообщинной к феодальной общественно-экономической формации, а основанная на нем концепция возникновения первого государственного образования на Японских островах [118, с. 331; 99, с. 10—11] оказала заметное влияние на современную японскую историографию.

Впервые опубликованная в 1936 г. работа Н. И. Конрада о наделной системе [115] явилась, по существу, первым марксистским исследованием генезиса японского феодализма. обстоятельный анализ аграрного строя Японии на основе земельного закона 701 г. позволил Н. И. Конраду сделать вывод о безусловном преобладании феодальной тенденции над рабовладельческой, о внутренней противоречивости наделной системы, открывавшей пути для развития частнофеодальной земельной собственности, и о возобладании последней над государственной собственностью к середине X в. [115, с. 95—98]. Основываясь на этом выводе, Н. И. Конрад считал середину X в. рубежом раннего и развитого феодализма в Японии.

Основные тенденции развития феодализма в Японии были рассмотрены в первом в советской исторической науке обобщающем труде по истории Японии, написанном Е. М. Жуковым (1939 г.). В книге охарактеризованы реформы VII в. и формирование японского государства, экономическая роль рабского труда, истоки развития частнофеодальной собственности, политическая борьба, подчеркнута роль буддийских храмов в становлении японского феодализма [99, с. 10—23].

Развернувшаяся до второй мировой войны дискуссия о так называемом азиатском способе производства [110; 145] мало затронула конкретный материал истории Японии. При этом советские японоведы всегда считали государственную собственность и наделную систему формой феодальных отношений [118, с. 373; 193, с. 14; 87, с. 23 и др.]. Кроме того, несколько десятилетий господства наделной системы — слишком короткий промежуток времени для того, чтобы в его пределах могла развиваться какая-то особая общественно-экономическая формация.

Характерной чертой советского японоведения уже на этапе его становления явился комплексный подход к изучению исторического прошлого. В частности, написанные прекрасным литературным языком статьи и очерки Н. И. Конрада содержат глубокую общую характеристику культуры VII—XII вв. и отдельных произведений поэзии и прозы, сочетающую анализ текста, отраженного в нем мировоззрения и развития литературных форм и жанров [119; 120].

Положение о переходе Японии от первобытнообщинного строя к феодальному, трактовка истории VII в. как времени решающего межформационного перелома, в сущности, качественного скачка в социально-экономическом развитии Японии, комплексный подход к изучению ее истории и культуры утвердились в исследованиях 50-х—начала 80-х годов. Точка зрения Н. И. Конрада о вступлении японского феодализма в развитый этап в связи с распадом наделной системы и вытеснении ее вотчинами (сёэн) в X в. вошла в обобщающие труды и учебную литературу [107]. Эта же концепция хронологических рамок раннего средневековья в Японии изложена в историческом очерке Х. Т. Эйдуса [193, с. 20].

Вместе с тем наметились и другие точки зрения. В частности, Д. И. Гольдберг связывает начало этапа развитого феодализма в Японии с завершением формирования феодального государства в конце XII в. [108, с. 159]. Более важным является, однако, то, что в конце XII—начале XIII в. произошло перераспределение земельной собственности и сложилась ленная форма землевладения. К этому же времени Д. И. Гольдберг относит и возобладание продуктовой ренты над отработочной [108, с. 161]. Отсюда следует, что в данной концепции учтены как политические, так и социально-экономические явления развития японского феодализма.

И. М. Сырицын справедливо считает главным критерием периодизации феодализма смену форм эксплуатации крестьянства. С этой точки зрения он предлагает рассматривать в качестве рубежа раннего и развитого средневековья в Японии конец XIV в. Нельзя не согласиться с его мнением о том, что положение самурайства (само по себе) не может служить основой изучения средних веков [174, с. 186].

Однако для периодизации феодализма важны не только формы ренты, но и вся система социально-экономических отношений, включающая и формы феодальной собственности, и формы

крестьянского землепользования. К тому же переход от отработочной к продуктовой рента имел место в вотчинах во второй половине X—XI в. Для характеристики этапов развития феодализма имеют значение и надстроечные явления. С учетом этих обстоятельств, как уже отмечалось, начало перехода от раннего к развитому феодализму в Японии датируется в данных очерках серединой XII в., когда сформировалась вотчинная система, крестьянские держания стали преобладать над доменными владениями, продуктовая рента — над отработочной, что определило дальнейший прогресс производительных сил. Подчеркнутое Д. И. Гольдбергом перераспределение земельной собственности, последовавшее за установлением самурайского политического режима в конце XII в., было связано с превращением частнофеодалов в условные (ленные), что является характерной чертой этапа развитого феодализма.

Отмеченные разногласия советских историков в определении рубежа раннего и развитого феодализма в Японии связаны прежде всего с недостаточной изученностью в советской историографии социально-экономической структуры Японии IX—XII вв. В исследованиях же истории VII—VIII вв. получила развитие традиция комплексного, междисциплинарного анализа становления японского раннефеодалов общества, в том числе на основе изучения археологического материала и других вещественных, а также изобразительных источников.

В монографии Н. А. Иофан [104] значительное место отведено архитектуре синтоистских и буддийских храмов VII—VIII вв., развитию буддийской скульптуры и живописи в связи с усилением идеологической и политической роли буддийской религии в Японии, формам театральных представлений, музыке, литературе. Анализ духовной культуры предшествует изложению реформ VII в. и законодательства 701 г., отразившего, по мнению автора, возобладание в Японии феодального способа производства [104, с. 97].

В обстоятельном исследовании М. В. Воробьева вопросы социально-экономической и этнической истории и культуры VII в. рассматриваются как итог разложения первобытнообщинного строя. При этом подчеркивается бессинтезный путь генезиса японского феодализма [82, с. 277, 288], а введение государственной собственности на землю и наделной системы оценивается как доказательство формирования раннефеодалов государства. С полным основанием автор обращает внимание на то, что важнейшие преобразования VII в., в том числе повсеместное введение наделной системы, были проведены в конце VII в. (а не в 40-е годы, как до 20-х годов XX в. считала японская официальная историографическая традиция, восходящая к «Анналам Японии»). Характер же этих преобразований оценивается как «реформистский, не революционный» на том основании, что они проводились в интересах эксплуататорского класса [82, с. 212]. Заметим, что много и не могло быть при переходе от первобытного

общества к классовому, и если преобразования, принявшие форму реформ, способствовали утверждению качественно иного общественного строя, то они имели характер социальной революции.

Отмеченная же трактовка М. В. Воробьевым типологии генезиса феодализма в Японии имеет принципиальное значение для изучения японского средневековья и в целом утвердилась в советской историографии. Известно, в частности, что академик Е. М. Жуков считал Японию характерным образцом автохтонного развития. В одной из последних работ Е. М. Жукова высказано мнение о том, что «важнейшие социально-экономические процессы в этой стране развивались совершенно независимо от того, что происходило на Азиатском континенте» [101, с. 113]. Действительно, Япония заимствовала на материке внешние формы права и культуры, но тенденция развития государственной собственности на землю наметилась задолго до того, как на основе китайского права был разработан японский аграрный закон, а предпосылкой введения наделной системы крестьянского землепользования было подворное распределение земли в дофеодалов общине. Вотчинная же система, начавшая развиваться в раннефеодалов Японии с VIII в., по своей сути сходна с аграрным строем Западной Европы, не имевшей никаких контактов с Японией.

Итоги изучения японского средневековья в советской историографии подведены в статье Г. И. Подпаловой [152], выделившей типологические черты всех трех этапов развития японского феодализма, в том числе раннего.

Значительное развитие получили в советском востоковедении исследования духовной культуры японского раннефеодалов общества, особенно литературы и искусства. Многоаспектный подход, анализ текстов и поэтики, жанровых особенностей и отражения идей, технологии подготовки рукописных книг и каллиграфии, сопоставленный с рассмотрением исторического уровня культуры, отличают монографию В. Н. Горегляда о литературных дневниках и эссе X—XIII вв. [88]. В написанной им же научной биографии одного из наиболее известных поэтов и теоретиков литературы раннефеодалов Японии, Ки-но Цураюки, творческая деятельность поэта исследуется в контексте анализа культурного комплекса, в котором, по справедливой оценке автора, «значительное место занимала литература» [89, с. 9].

Именно данное объективное обстоятельство определило внимание советских японоведов почти ко всем литературным жанрам раннесредневековой Японии, многим произведениям прозы и поэтическим антологиям. В книге И. А. Бороной [71] обстоятельно рассматривается «Повесть о принце Гэндзи», анализируются общекультурные и литературные истоки повести, ее влияние на современную литературу. В работе Г. Г. Свиридова предпринята удачная попытка проследить воздействие прозы сэцува — легенд, преданий, былей — на средневекового читателя [164]. Содержание всех этих исследований выходит за рамки узкоспециального литературоведческого анализа, они в полной мере могут быть

отнесены к более широкой области истории духовной культуры как важного элемента жизни общества.

Большую ценность для изучения истории раннефеодальной Японии, мировоззрения и нравов господствующего класса, религии, обычаев, городской (столичной) жизни представляют переводы литературно-исторических памятников, прозы и поэзии, снабженные вступительными статьями исследовательского характера и комментариями. Переводы с вэньяна (камбуна) выполнялись Н. И. Конрадом и К. А. Поповым, с японского письменного языка — А. Е. Глускиной, В. Н. Гореглядом, Л. М. Ермаковой, Н. И. Конрадом, И. Л. Львовой, В. Н. Марковой и другими.

Рядом статей и монографий представлены искусствоведческие исследования. В книге В. Е. Бродского рассматривается эволюция японской буддийской и светской живописи, подробно анализируются отдельные значительные произведения [72]. Н. А. Виноградова исследует развитие японской скульптуры с ее зарождения [78]. В отдельных статьях, диссертациях, главах монографий анализируется также архитектура (Г. З. Лазарев, Н. А. Иофан), музыка (Н. А. Иофан, В. Сисаури, С. Б. Лупинос), декоративное искусство (Н. С. Николаева), театр (Н. И. Конрад, Н. А. Иофан, А. Е. Глускина) раннефеодальной Японии.

В целом исследования японской литературы и искусства рассматриваемого периода с конца 60-х годов значительно продвинулись вперед по ряду направлений: и в плане изучения отдельных произведений, их перевода и публикации, и в плане обобщающего анализа жанров и форм, их развития во времени.

Усилился также интерес к этнографическому изучению феодальной Японии. К этой области могут быть отнесены и отмеченные выше исследования культуры, и очерки М. В. Воробьева и Г. А. Соколовой, посвященные науке, технике и ремеслу [81], и подробное этнографическое исследование самурайства — военных феодалов, предпринятое А. Б. Спесивовым [171]. Наконец, наметилась тенденция изучения социальной роли буддизма и синтоизма. Отдельные стороны этой проблемы рассматривались и прежде в работах по истории литературы и искусства, в конце же 70-х годов ее исследования были дополнены анализом данных официальных историй, в частности в статьях А. Н. Мещерякова [138].

При разработанности общей марксистской концепции японского феодализма и исследованности ряда проблем, прежде всего истории духовной культуры, практически неизученной остается вотчинная система и социально-экономические отношения в IX—XII вв. С этой точки зрения нуждаются в дополнительном освещении положение основных классов японского общества в VIII в., практика осуществления наделной системы, формы землепользования и ренты. Мало изучены вопросы этнической истории и материальной культуры, большая часть письменных источников на камбуне (не только документы или официальные истории, но и поэзия, наивысший расцвет которой относится к первой половине IX в.).

Вполне очевидно, что при изучении японского феодализма должен учитываться весь положительный опыт, накопленный советской историографией в исследовании феодальной общественно-экономической формации и ее конкретно-исторических форм. Труды советских историков по истории феодализма в России, в том числе — новейшие [147; 163; 74; 54; 194 и др.], в Западной Европе [124; 62; 168; 142; 143 и др.], в отдельных азиатских странах [106; 61; 76 и др.] позволяют более четко оценить явления и процессы, происходившие в раннефеодальной Японии. На опыте конкретного изучения истории отдельных стран разрабатывается типология западноевропейского [181; 182] и азиатского феодализма [55; 177].

Как известно, следствием значительного количественного роста современной исторической науки стал заметный рост интереса к методологическим вопросам. Только в конце 70-х — начале 80-х годов опубликованы обобщающие монографические исследования, сборники и статьи историков М. А. Барга, Е. М. Жукова, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкого, М. В. Нечкиной, А. М. Сахарова, философов А. В. Гулыги, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальсона, В. В. Косолапова, А. И. Ракитова и других по методологическим проблемам исторического познания. Эти труды позволяют углубить марксистский подход к анализу конкретной истории.

Наиболее распространенная в японской историографии концепция феодализма восходит ко взглядам буржуазных историков первой четверти XX в. Утида Гиндзо (1872—1919) и Хара Кацуро (1871—1924), впервые выделивших средневековый период японской истории на основе социально-политических критериев и связывавших возникновение феодализма с установлением господства самурайства в конце XII в. [407, с. 1—2; 419]. Утида же, явившийся одним из основоположников социально-экономического направления в японской буржуазной историографии, на рубеже XX в. впервые исследовал наделную систему крестьянского землепользования с позиций общинной теории [97] и в сопоставлении с китайским законодательством. Такой анализ дал ему основание для вывода о существовании подворного распределения общинной земли в Японии задолго до введения государственной собственности [406].

К первой же четверти XX в. относится формирование основных тематических направлений исследований истории Японии, в том числе VII—XII вв., — социально-экономического, историко-правового, культурно-исторического. Особое место в изучении ряда существенных проблем истории Японии занимали междисциплинарные исследования Цуда Сокии (1873—1961), заложившего основы исторической критики в Японии. Труды Цуда отличали предельно широкая для своего времени источниковая база и тщательность анализа. Цуда доказал не только научную беспочвенность официальной концепции «мифологической истории», сделав вывод о том, что обозримая история Японии начинается с первых веков нашей эры, но и наличие позднейших наслоений

и политического вымысла в тех частях «Анналов Японии», где говорится о событиях VI—VII вв. [438; 439]. Это во многом объясняет тот факт, что Цуда, будучи по политическим взглядам убежденным монархистом, после второй мировой войны стал особенно популярен среди историков, настроенных резко анти-монархически.

Авторитет Цуда как ученого бесспорен для большинства направлений современной японской историографии, хотя его выводы по отдельным конкретным вопросам неоднократно подвергались переоценке. Главное, однако, заключается в том, что он преодолел и официальную концепцию исключительности национальной истории, и преклонение перед официальными источниками, особенно усилившееся с конца 80-х годов XIX в., после распространения в Японии исторической концепции немецкого консервативного историка Л. Ранке (1795—1886). Вместе с тем идеалистическая основа исторических взглядов Цуда стала непреодолимым препятствием для объяснения глубинной сущности тех явлений и процессов этапа установления классового господства в Японии, внешнюю сторону которых он сумел обнажить.

Существенное место в научной деятельности Цуда заняло фундаментальное исследование истории отражения мировоззрения и идей японцев в литературе. Первый том этого труда, вышедший в 1916 г. и охватывающий период от зарождения литературы в Японии до XII в. [436], положил начало подробному изучению жизни и быта господствующего класса раннефеодальной Японии, а также широкому использованию художественной литературы как исторического источника. Цуда детально рассмотрел представления аристократии в VIII—XII вв. о власти и религии, ее отношение к крестьянам и самураям, представления об окружающей природе, человеческих взаимоотношениях, любви. Его историко-литературный анализ содержит немало тонких наблюдений и оригинальных оценок. Однако не без влияния иррационалистической «философии жизни» В. Дильтея (1833—1911) и др. Цуда трактовал историю общества, отраженную в литературе, лишь как проявление стихийных жизненных условий, вне связи с объективным положением классов.

Представители историко-правового направления японской буржуазной историографии в первые десятилетия XX в. подвергли детальному изучению законодательные акты средневековой Японии. Они же, в частности Наката Каору (1877—1967), обратили внимание на правовой аспект истории японских вотчин. Наката, опиравшийся на сравнительно-исторический метод, предпринял попытку сопоставительного анализа налогового иммунитета и территориальной неприкосновенности японских вотчин с иммунитетом во Франкском государстве [320]. Социально-экономическая же сущность вотчинной системы оставалась вне поля зрения историков права.

Если последние отдавали себе отчет в том, что объектом их анализа является одна из сторон исторического прошлого Японии,

и даже включали историю права в более широкую в их понимании область истории культуры, то культурно-историческое направление заявило претензию на создание целостной истории, толкуя историю культуры как универсальную и всеобъемлющую. В наиболее полном виде эта идея была сформулирована в курсе лекций Нисида Наодзиро (1886—1964), впервые прочитанном в Киотском университете в 1924 г. и изданном отдельной книгой в 1932 г. [330]. Одной из сильных сторон исторической концепции Нисида явился вывод об общем характере западноевропейского и японского феодализма, сыгравший положительную роль в борьбе с официальной концепцией исключительности и неповторимости национальной истории и культуры. Однако определяющими у Нисида были духовные явления истории феодального общества, что обуславливалось философско-исторической основой его взглядов, сформировавшихся под влиянием неокантианства, неогегельянства и «философии жизни» В. Дильтея. В культурно-исторической теории Нисида оказалось отвергнутым даже то позитивистски ограниченное понимание закономерностей и прогресса в истории, которое было присуще взглядам его университетского учителя Утида Гиндзо.

Отмеченное обстоятельство указывает на кризисные явления в развитии японской буржуазной историографии, обнаружившиеся к середине 20-х годов. Каждое из названных направлений, в сущности, не вышло за рамки попыток объяснить какую-либо одну из сторон исторического процесса, а выдвигение на первый план духовной стороны истории, усиление субъективистских тенденций в историческом познании только лишь усугубили эту односторо- нность.

Качественно новые представления об историческом прошлом внесла марксистская историография, сформировавшаяся в Японии во второй половине 20-х—начале 30-х годов и рассматривавшая феодализм как общественно-экономическую формацию. В то же время некоторые японские историки-марксисты полагали, что возникновению данной формации в Японии предшествовало существование рабовладельческого общества. Эта точка зрения получила определенное распространение и в послевоенной японской историографии (см., например, [185, с. 32]).

Независимо от конкретной датировки перехода Японии к феодализму (X в., XII в. либо позднее) современные японские историки-марксисты исходят из определяющей роли социально-экономических отношений. В частности, Нагахара Кэйдзи, продолжительное время отстаивавший мнение о становлении японского феодализма в XIV—XVI вв., считает решающим фактором распад вотчинной системы и формирование нового слоя землевладельцев, ведущих собственное хозяйство [317; 318, с. 99]. Однако акцент на отдельных сторонах социально-экономических отношений представляется недостаточным для характеристики феодализма. Тип ведения хозяйства, сложившийся в конкретно-исторических условиях, или формы эксплуатации крестьянства, безусловно, очень

важны, но они определяют общественный строй не сами по себе, а как элементы всей системы господствующего способа производства.

Концепции японских историков — сторонников существования рабовладельческой формации в Японии неоднократно анализировались советскими востоковедами (см., например, [153; 172; 173; 174; 175]). В частности, И. М. Сырицын с полным основанием видит истоки этой концепции в неправомерном отождествлении отработочной ренты с рабовладением [174, с. 185].

Диапазон мнений о времени возникновения феодализма в Японии, представленных в современной японской буржуазной историографии, весьма широк, причем отсутствие методологического единства болезненно осознается буржуазными исследователями. Именно отмеченным обстоятельством Сэра Тэрусиро, в частности, объясняет многообразие точек зрения японских историков, связывающих исходный рубеж феодализма в Японии с началом развития вотчин (VIII—IX вв.), с появлением самурайства (XI—XII вв.), с установлением военно-феодального режима (конец XII в.), с феодальной раздробленностью (XIV—XVI вв.), с новым закрепощением крестьянства в XVI в. [375, с. 89].

Однако поиски универсальной методологии истории вне исторического материализма, как известно, не приводили к созданию теорий, позволяющих всеобъемлюще и на основе единых критериев объяснить исторический процесс. Современные японские буржуазные исследователи социально-экономической истории объясняют возникновение феодализма как становлением вотчинной системы, так и образованием самурайства и самурайского режима в конце XII в., отдавая тем не менее предпочтение последнему фактору [382, с. 3—9]. При этом в соответствии с традициями буржуазной историографии из понятия «феодализм» исключается его ранний этап — время становления феодальных отношений. Поскольку же буржуазные историки отрицают существование общественно-экономических формаций, они, как правило, либо не дают качественной характеристики предшествующему периоду — VII—XII вв., либо называют его «аристократическим» или «древним», не вкладывая в это понятие определенного социально-экономического содержания.

Результаты же исследования отдельных, частных проблем медиевистики в японской буржуазной историографии весьма значительны. Высокая степень разработанности источников, введенный в оборот обширный фактический материал, внимание ко многим сторонам жизни общества способствовали существенному расширению представлений о японском средневековье. Быстрый количественный рост исторических исследований в послевоенной Японии создал научные предпосылки для подготовки ряда многотомных трудов по истории Японии, начавших выходить с 60-х годов. В этой работе участвовали и марксисты, и буржуазные историки разных направлений. Позиции последних стали заметно усиливаться с середины 50-х годов, когда укрепилось

положение японской буржуазии и активизировалось наступление буржуазной идеологии и науки на марксизм.

Объемные труды выпущены, в частности, в середине 60-х годов издательствами «Тюо коронся» (26 томов) [337] и «Иванами сётэн» (23 тома) [339]. Традиции позитивизма ощутимо сказались здесь в излишней детализации многих излагаемых событий, подмене анализа подробным пересказом источников, недостаточности существенных характеристик социально значимых явлений. В ряде томов и глав преобладает изложение фактов политической истории в ущерб истории трудящихся масс. Прослеживается в названных изданиях и влияние методологических идей немецкого буржуазного социолога и историка М. Вебера (1864—1920), широко используемых современной японской буржуазной и реформистской историографией в борьбе против исторического материализма. В частности, классы японского общества VII—XII вв. выделяются в указанных многотомных трудах в зависимости от жизненных условий и возможностей, а не по отношению к средствам производства, феодализм определяется как господство военного слоя над не имеющими оружия зависимыми.

К числу же достоинств обоих изданий следует прежде всего отнести то, что они основаны на широком круге опубликованных и неопубликованных письменных и вещественных источников и обобщают результаты многочисленных исследований отдельных проблем японскими историками. Систематизирован большой фактический материал, извлеченный из документов, официальных историй, дневников, художественной литературы, использованы данные археологических раскопок и сохранившихся памятников культуры. Необходимо также подчеркнуть высокий профессиональный уровень и широкую эрудицию авторов, тщательно отработанную методику исследования, благодаря чему названные издания являются безусловно ценными для разностороннего изучения истории Японии, в том числе в VII—XII вв. Вместе с тем вследствие отмеченной выше методологической разнородности в упомянутых трудах не выработано единой концептуальной основы освещения японской истории.

Издание «Тюо коронся» рассчитано на широкий круг читателей и написано живым, образным языком, помогающим читателю ощутить атмосферу жизни раннефеодальной Японии. В рамках каждого тома, подготовленного одним автором, выдерживается хронологический принцип изложения.

Вследствие характера источников наибольшее место отведено деятельности, условиям жизни и быта класса феодалов и его отдельных представителей, оценочным и психологическим характеристикам личностей. Рассматриваются и условия жизни крестьян. Гораздо больше внимания уделено подробному описанию императорского двора и самих императоров, их вкусов, привычек, занятий, семейных отношений.

Весь исторический процесс VII—XII вв. освещается, по сути дела, на фоне частных событий при дворе. Ключевые проблемы

социально-экономических отношений растворяются в этой событийной истории; им, в сущности, отведена роль одного из элементов жизни, не соответствующая ни их реальному, определяющему значению в общественном развитии, ни тому уровню, которого достигла в изучении этих проблем сама буржуазная историография к середине 60-х годов.

Каждый том второго издания («Иванами сѣтѣи») построен по проблемно-тематическому принципу; каждая глава-проблема написана отдельным автором (включая и участников первого издания). Значительно больше места отводится анализу аграрного строя, социальной истории и меньше — императорам и их быту. По сути дела, в данном издании подводятся итоги изучения многих крупных проблем истории Японии в японской историографии, хотя некоторые главы представляют собой сжатое изложение основных результатов исследований их авторов. Но и в данном труде не определена с достаточной четкостью роль социально-экономического фундамента, объединяющего общество в целостную и противоречивую систему — общественно-экономическую формацию.

Отдельные проблемы социально-экономической истории Японии VII—XII вв. — наделная система крестьянского земледелия, формирование вотчин — долгое время изучались в японской историографии преимущественно в историко-правовом аспекте либо с точки зрения экономической политики правительства. Практика же реализации наделной системы непосредственно в деревне, многочисленные нарушения буквы закона, воздействие несоответствия между законом и его осуществлением на положение крестьянства стали объектом детального анализа лишь после второй мировой войны — прежде всего в работах Торао Тосия [402; 401]. Землевладение же в целом, его категории на этапе существования государственной собственности, система налогообложения, размеры и условия обработки полей рассмотрены Иянага Тэйдзо в его исследованиях 60—70-х годов [251].

Весьма плодотворным по сравнению с историей права явился также подход к исследованию вотчины с позиций социально-экономической истории, представленный деятельностью школы Нисиока Тораносукэ (1895—1970) — Такэути Ридзо, уделяющей первостепенное внимание изучению структуры вотчин. Результаты изысканий названных историков и их учеников изложены в серии монографий и сборников статей, посвященных исследованию отдельных сторон вотчинной системы, вотчин, принадлежавших отдельным владельцам и находившихся в различных районах Японии [334; 390; 225; 399; 212; 456; 293; 197].

Заметное развитие получили и исследования культуры, быта, бытаев Японии VII—XII вв., включающие общие работы по истории культуры и специальные исследования литературы, живописи, скульптуры, музыки.

Среди трудов по истории скульптуры особое место занимают работы Куно Такэси, рассматривающего эволюцию стиля скульп-

туры во взаимосвязи с развитием буддийских представлений, влиянием китайской культуры и его преодолением, организацию изготовления буддийских статуй, материалы и технологию [288; 289; 290].

Акияма Тэрукадзу четко выделяет этапы развития светской живописи, связывая их с эволюцией культуры в целом, а также форм правления, и подробно анализирует основные произведения хэйанской живописи с точки зрения истории искусства и с учетом мировоззрения того времени [202].

Ряд трудов Яманака Ютака посвящен политическим деятелям и писателям, духовной жизни хэйанской аристократии и церемониям, исследованию произведений литературы — «Повести о процветании» («Эйга моногатари»), «Повести о принце Гэндзи» — с точки зрения историографии [448; 449; 450].

Отмеченные труды, которыми, разумеется, далеко не исчерпывается изучение этноса и культуры раннефеодальной Японии, посвящены темам, типичным для японской историографии.

С начала XX в. получило развитие изучение вспомогательных дисциплин и применение вспомогательных методов исследования (использование математических методов позволило, например, произвести подсчет населения Японии в VIII в. [335]). Значительный материал дала историкам этнографическая наука, в том числе результаты исследований форм брака, жилища, одежды, медицины, изучение произведений литературы и живописи в качестве этнографического источника (см., например, [377; 425; 321]). Углублению анализа аграрного строя способствовали работы по истории ирригации. Впервые оросительные системы VIII в. были рассмотрены в книге Иянага Тэйдзо [250]. Подробный же анализ ирригации в Японии со времени ее возникновения в первобытном обществе и до этапа развитого феодализма дан в монографии Камэда Такаюки, рассмотревшего устройство оросительных систем, характер общинного и принудительного труда крестьян, создававших эти системы, эксплуатацию последних, технологию создания [262]. С 70-х годов шире, чем прежде, стали изучаться проблемы хозяйства, окружающей среды, исторической географии [285; 340].

Семидесятые годы отмечены бурным количественным ростом исследований средневековой истории Японии, в том числе VII—XII вв. Характерной чертой этих исследований стало усилившееся дробление тематики, сочетающееся, однако, с попыткой переосмыслить накопленный материал на базе резкого роста интереса к методологии и истории исторической науки. Наряду с сомнениями в познавательной ценности исторической науки, выражающими кризис буржуазной историографии, внутри последней существует отчетливое стремление к защите истории как науки, реализуемое, однако, с субъективно-идеалистических позиций. Остается сильным и желание создать комплексную универсальную историю, не выходящее за рамки конструирования многомерных структур человеческого общества [149].

Во второй половине 70-х—начале 80-х годов на первый план стало выдвигаться формирующееся в японской буржуазной медиевистике направление «новая социальная история», появление которого отражает общую черту развития современной буржуазной историографии, переориентировавшейся на междисциплинарный подход к истории. Последнее отвечает и стремлениям японских историков, осознающих невозможность создания целостной истории в узких рамках изучения поверхностно-политических событий жизни правящих кругов. Поэтому сторонники «новой социальной истории» остро критикуют политическое, а также социально-экономическое направления современной японской буржуазной историографии, где по-прежнему сильны традиции позитивистского метода. По той же причине они призывают использовать опыт французской буржуазной историографии, где междисциплинарные исследования получили широкое развитие, хотя попытки создания универсальной глобальной истории оказались неудачными именно вследствие абсолютизации вспомогательных дисциплин и методов [170; 60]. В то же время японская «новая социальная история» открыто противопоставляет себя марксизму [292].

Один из основных объектов исследования нового направления — повседневная жизнь народа, в частности крестьянства и других эксплуатируемых слоев населения феодального общества. Это, безусловно, очень важная и вместе с тем наименее изученная проблематика, хотя к ней неоднократно обращались японские специалисты и до конца второй мировой войны, и в последние десятилетия [336; 333; 380; 250; 308]. Характером исследуемого объясняется также резкая и во многом справедливая критика односторонности официальных источников, попытка расширить их круг, в частности, использовать произведения живописи для изучения социальных отношений [294].

Однако критика официальных источников доводится до их отрицания, а призывы к использованию вещественных и изобразительных источников — до степени абсолютизации последних. Социально-экономической истории, изучению объективных материальных условий жизни масс противопоставляется антропологический подход, приводящий к одностороннему освещению истории народных масс. Отмеченные черты в полной мере проявились, например, в монографии Фукуда Тоёхико, выявившего роль развития коноводства и изготовления металлического оружия в мятеже Тайра-но Масакадо (X в.), но рассматривающего проблемы жизни крестьянства вне связи с аграрным строем [414].

Существуют также исследования французских, английских и американских буржуазных авторов, в том числе изданные или переизданные в 70-х годах. Общий подход западных буржуазных авторов к истории феодальной Японии представляет интерес в плане его критического анализа, поскольку так или иначе буржуазные концепции феодализма строятся на отрицании категории «общественно-экономическая формация». Теоретико-методологические проблемы и социологические концепции американ-

ской буржуазной историографии Китая и Японии обстоятельно проанализированы Л. А. Березным в тесной связи с практическими целями буржуазных историков [68], поэтому автор данных очерков считает возможным не останавливаться на их содержании.

Датировка японского феодализма западными историками, как правило, не выходит за рамки мнений, распространенных в японской буржуазной историографии: возникновение феодализма чаще всего связывается с установлением самурайского режима в конце XII в. [466; 468; 459]. Преимущественное внимание уделяется ими политической истории и праву, государственным институтам, духовной культуре аристократии, а также вопросам этнической истории. Что же касается введенного в научный оборот фактического материала, то в трудах японских историков его объем по вполне понятным причинам (для них это — национальная история) неизмеримо больше.

* * *

В текст предлагаемых очерков включена транскрипция японских исторических терминов, названий исторических и литературных произведений VII—XII вв. Многие термины заимствованы учеными раннефеодальной Японии из китайских письменных памятников. Значения части терминов на протяжении последующей истории неоднократно менялись. В процессе развития японской исторической науки конца XIX—XX в. претерпели изменения и толкования отдельных понятий, употреблявшихся в VII—XII вв. В ряде случаев устойчивое словосочетание *взъяня* (камбура) с самого начала использовалось в Японии в ином значении, чем в Китае. Кроме того, один и тот же иероглиф в разных контекстах (например, в политико-правовом и буддийском) мог употребляться в различных несхожих значениях³. Чтения иероглифов в исторических терминах во многих случаях, как известно, не совпадают с наиболее употребимыми чтениями современного японского языка.

По изложенным выше причинам соотнесение исторических реалий лишь со словарями современного языка в большинстве случаев не позволяет точно определить значение термина, а следовательно, правильно истолковать японский или китайский текст. Многие специальные термины отсутствуют в двуязычных словарях (японо-русских и русско-японских). Поэтому в приложении к данным очеркам дан иероглифический указатель исторических терминов VII—XII вв. Включенные в текст объяснения и чтения терминов проверены по толковым словарям японского и китайского языков, историческим энциклопедиям, японским письменным памятникам VIII—XII вв. и исследованиям японских историков конца XIX—XX в.

К очеркам приложена также таблица соответствия дат начала года европейского (григорианского) и принятого в Японии до 1873 г. китайского луно-солнечного календаря (601—1180),

составленная группой японских историков на основе официальных таблиц 1880 г. и 1951 г., хранящихся в министерстве внутренних дел Японии. Все даты в очерках даны по китайскому календарю. В японских письменных источниках события датируются, кроме того, по годам и девизу правления императоров.

В написании японских имен и фамилий сохранен порядок, принятый в Японии, — на первом месте фамилия, на втором — имя. Сохранен и средневековый обычай связывать фамилию и имя родительным падежом (но).

Становление феодализма на Японских островах явилось результатом внутреннего процесса разложения первобытно-общинного строя, начавшегося задолго до VII в. В родо-племенном союзе Ямато, сложившемся в III в. на территории нынешнего района Кансай (с центром Осака — Киото), возникло два уклада — рабовладельческий и феодальный. Первый не развился в господствующий способ производства, поскольку рабский труд не играл решающей роли в общественном производстве, источники рабства были весьма скудны, а численность общинного крестьянства и земледельцев, прикрепленных княжеским¹ родом и знатью к земле, намного превосходила число рабов. Однако как уклад рабовладения существовало еще несколько столетий.

Власть правителей Ямато первоначально ограничивалась сравнительно небольшой территорией в Кансай. Известен и другой очаг образования классового общества и государства, именуемый в китайских источниках Ямайти [22, с. 445], а в большинстве работ японских историков — Яматай². Японские ученые длительное время дискутировали о том, был ли Яматай тождествен Ямато или же представлял собой самостоятельное образование на Кюсю [82, с. 74—75]. Однако независимо от дискуссии в японской историографии до сих пор преобладает мнение о том, что единственным центром возникновения общества, государства и культуры Японии является Кансай. Данная концепция восходит, по существу, к «Анналам Японии», авторы которых положили в основу освещения истории генеалогическую линию кансайских монархов.

Фурута Такэхико в результате многолетних исследований японских и китайских письменных источников, археологических находок, памятников духовной культуры пришел к убедительному выводу о наличии нескольких очагов возникновения японской цивилизации, в том числе в Кансай, на Кюсю (Ямайти), в районе Канто (с центром в нынешнем Токио) [416, т. 1, с. 2; т. 2; т. 3, с. 209]. В ходе продолжительного соперничества мелких князей позиции Ямато постепенно усиливались, и именно кансайским правителям на этапе формирования раннефеодального государства удалось объединить под своей властью большую часть о-вов Хонсю, Кюсю и Сикоку.

В отличие от ряда стран Западной Европы, где происходило тесное взаимодействие соседних народностей и где феодализм складывался на основе синтеза римских и варварских элементов [181], общество на Японских островах длительное время развивалось в условиях относительной изоляции. Контакты с Азиатским материком были весьма затруднительны. Осуществлялись

они прежде всего в форме обмена дипломатическими миссиями, а также попыток японских князей подчинить себе отдельные корейские государства и их провинции. Военных набегов на Японию с материка в письменных источниках не отмечено, но известны факты переселения из Кореи и Китая в Японию.

Предпосылки возникновения феодальной общественно-экономической формации сложились в Японии к VII в. В процессе хозяйственного освоения земли увеличивались посевные площади, развивались производительные силы. Укрепившийся княжеский род Ямато и родо-племенная знать захватывали свободные и общинные земли, стремились вовлечь в сферу эксплуатации ранее свободных общинников.

Одновременно шел процесс становления раннефеодального государства, превращения знати в чиновников складывающегося государства с отчетливо выраженной тенденцией централизации власти. Оба процесса были тесно взаимосвязаны, поскольку без подъема производительных сил экономическая база центральной власти не могла быть прочной, а без устойчивой власти дальнейшее освоение территории Японских островов становилось затруднительным. Идеологическим оружием формирующегося государства был буддизм, проникший в Японию через Китай и Корею — сначала, во второй половине IV в., на Кюсю, а в VI в. — в Ямато (416, т. 3, с. 277) — и сосуществовавший с развившимся на основе первобытных верований местным религиозным культом синто (путь богов).

С конца VI в. обострилась борьба княжеского рода и знати Ямато за земли, за господство над крестьянами, за влияние в родо-племенном союзе. Внешним выражением этого процесса стала политическая борьба, которая привела к перевороту 645 г., известному в источниках и литературе как «переворот Тайка» (большие перемены) и рассматриваемому большинством исследователей разных направлений как рубеж в истории Японии. В результате переворота была ликвидирована фактическая власть наиболее влиятельного дома Сога, родственного княжескому, последний же значительно упрочил свои позиции. Однако наиболее важным событием в развитии японского общества явился не сам факт переворота, а последовавшие за ним реформы Тайка. В узком смысле под ними обычно подразумеваются реформы 645—649 гг., в широком — весь реформаторский процесс до начала VIII в. Последняя точка зрения представляется более приемлемой, поскольку эдикты 645—649 гг. только наметили направления преобразований, а для их осуществления потребовалось несколько десятилетий.

Но независимо от того, когда были начаты реформы, их конкретное содержание ни у кого не вызывает сомнений. В любом случае к началу VIII в. в Японии («Нихон», как теперь именовался феодализовавшийся союз Ямато) были проведены преобразования, закрепившие перемены в общественно-экономическом и политическом строе страны. К этому же времени кансайский режим

окончательно присоединил к себе всю территорию района Канто и весь Кюсю, разбив в сражении родственный ему дом местного князя [416, т. 3, с. 302—303]. Принятый в 701 г. свод законов «Тайхо рицурё» юридически оформил сложившиеся социально-экономические отношения и политическую организацию общества. Хотя внешняя форма свода была заимствована в Китае, японские законодатели приспособили его к условиям Японии.

В сущности, в течение VII в. в Японии произошел решающий перелом, определивший переход к качественно новой, феодальной формации и имевший вследствие этого характер социальной революции, хотя для окончательного утверждения феодализма потребовалось еще несколько столетий — весь его ранний этап.

Японское общество в конце VI—начале VII в.

К концу VI в. на большей части освоенной земельной площади Японии господствовал принцип общинного владения землей. Из-за отсутствия данных трудно судить о площади пахотной земли, предоставлявшейся каждому двору. Известно, однако, что общинная земля распределялась старейшинами рода по едокам. Именно этот обычай был положен в основу наделной системы крестьянского землепользования, утвердившейся в последние десятилетия VII в.

Вместе с тем в конце VI—начале VII в. усилился процесс формирования частной земельной собственности (тадокуро) знати за счет захвата и разработки неосвоенных земель и княжеских дарений. Факт постепенной концентрации земли в руках знати подтвержден записями в «Анналах Японии».

Третьим видом земельной собственности были княжеские поля главы родо-племенного союза Ямато, о росте которых свидетельствует увеличение числа княжеских амбаров (миякэ) для хранения риса. Княжеские поля находились не только в центральном, столичном районе Кидай, но и на востоке, и на подвластной Ямато части территории Тикуси, как в то время назывался о-в Кюсю. К концу VI в. княжескому дому принадлежали уже не только пахотные поля, но и более обширные территории, равные по площади последующим уездам. В частности, в области Ямато, входившей в столичный район, собственностью князя были земли Такэти, Кацураги, Тотти, Сики, Ямабэ и Со. Пахотные земли и амбары княжеского дома подразделялись на три категории: непосредственная собственность князя и его семьи (мита); собственность всего родо-племенного союза Ямато, находившаяся в распоряжении княжеского дома; поля и амбары, созданные для хранения риса, расходовавшегося на военные нужды, обеспечение дипломатических миссий и т. д. [258; 238; 422].

Как подчеркивал Утида Гиндзо, земли князя и знати занимали сравнительно небольшую часть пахоты: если бы частные земельные

владения получили широкое развитие, то их ликвидация и переход к государственной собственности на землю были бы невозможны [406, с. 172—173]. Иначе говоря, к VII в. частная земельная собственность еще не могла возобладать над общинной, а свободные земледельцы составляли подавляющее большинство населения Ямато.

Княжеские земли и частные поля знати обрабатывались фактически закрепощенными крестьянами. Источником формирования этой категории населения дофеодальной Японии были свободные общинники, а также переселенцы с материка. Закрепощенных земледельцев и ремесленников, обслуживавших княжеский двор, именовали общим термином «бэ», заимствованным в корейском государстве Пэкче и обозначавшим как придворных, выполнявших определенные обязанности, так и зависящих от них крестьян и ремесленников [437, с. 35—37]. Людей, обрабатывавших поля знати Ямато, называли какибэ, а работавших на княжеских полях — табэ. Княжескому роду принадлежали также земледельцы, имевшие особые наименования — «косиро» и «насиро» — категория зависимых, учрежденная, как считала официальная японская историография, якобы для передачи потомкам имен императоров и принцев, не имевших детей. Цуда Сокити в специальном исследовании закрепощенных (бэмин), впервые опубликованном в 1929 г., на основе сопоставления «Анналов Японии», «Хроники древних событий» («Кодзики») и других источников убедительно доказал, что приведенное мнение — не более чем легенда, восходящая ко времени составления «Анналов Японии» (VIII в.), поскольку косиро и насиро получали имена не от имен императоров или императриц, а от названия императорского дворца либо местности, из которой происходили [437, с. 47—55].

Н. И. Конрад, считавший бэмин разновидностью рабов, в то же время подчеркивал, что их положение отличалось от положения последних: бэмин нельзя было продавать, дарить, убивать; работавшие на полях князя и знати были прикреплены к земле [114, с. 52—53]. Кроме того, они платили подати своим владельцам [82, с. 130]. В целом бэмин-земледельцы по своему положению стояли ближе к крепостным крестьянам, чем к рабам, и наряду с землей являлись объектом собственности формирующейся феодальной знати. К тому же после реформ VII в. изменился их юридический статус, а не фактическое положение: став подданными императора и освободившись от частной зависимости, они по-прежнему работали на земле в качестве крепостных.

Источниками рабства являлись военные походы, в рабство обращали также за преступления. Однако рабы исполняли главным образом обязанности домашних слуг.

Свободные общинники, ранее закрепощенные бэмин и постепенно освобождавшиеся рабы явились источником формирования феодально-зависимого крестьянства.

В V—VI вв. существенные изменения претерпела структура родового строя. На смену кровнородственным объединениям

пришла патронимия (удзи). Японские буржуазно-либеральные историки начала XX столетия отождествляли удзи с ирокезским кланом, греческим геносом, римским генсом [428, с. 83—84]. Цуда Сокити обратил внимание на сложную структуру удзи, включавшего кроме свободных рабов, распределявшихся между отдельными семьями, и полусвободных (бэмин), которыми ведал глава рода, и высказал мнение, что это — политическая организация [439]. Его точка зрения получила распространение в современной японской историографии. Нельзя, однако, согласиться с мнением Хирано Кунио, утверждающего, что патронимия была политически организована сверху. С точки зрения Хирано, доказательством этого служит система наследственных титулов — кабанэ [428, с. 84—87]. Однако титулы не могли появиться раньше, чем выделилась родовая знать и укрепились позиции княжеского дома.

Знать получала титулы в зависимости либо от степени родства с княжеским домом, либо — от должностных функций [351]. Выделялась знать старая и новая, центральная (столичная) и местная [428, с. 88—91]. К старой центральной знати относились, в частности, дома Кацураги, Хэгури, Косэ, Сога, Вани и др. Первый, например, происходил из местности Кацураги в области Ямато и усилился благодаря участию в набегах на Корею в конце IV—V в.; дочери Кацураги впоследствии выдавались замуж за принцев. Все названные дома возглавляли патронимии, имели наследственные должности и самый высокий для подданных титул оми [236]. Дом Сога, родственник княжескому и игравший с конца 80-х годов VI в. ведущую роль в управлении формирующимся государством, получил титул великого оми (ооми), указывавший на положение первого среди подданных «великого князя» (окими), как именовался глава союза Ямато.

Титулованная знать в центре и на местах стала ядром формирующегося класса феодалов. При этом существовали тенденции возникновения двух форм феодальной земельной собственности — частной и государственной. Первую представляла прежде всего крупная центральная знать, вторую — формирующийся императорский дом. Однако для установления господства над обширным слоем свободных земледельцев знать нуждалась в аппарате принуждения и, следовательно, была заинтересована в прочной центральной власти, что способствовало последующему возобладанию государственной собственности над частной.

Положение княжеского рода Ямато в конце VI—начале VII в. было, по-видимому, уже весьма прочным и определялось как экономической базой в виде земельных владений, на которую опиралась светская власть князей, так и сложившимся религиозным авторитетом, духовной властью. Во всяком случае, даже наиболее могущественный дом Сога посягал не на трон, а на реальную светскую власть при угодных ему князьях. В правление княгини Суйко (592—628), судя по записям в «Аналах Японии» и этнографическим источникам, вместо титула окими,

с которым прежде правили князья Ямато, стали употребляться титулы сумэрамикото, тэнно (император), указывавшие на возвышение княжеского дома над знатью. Термин «тэнно» — китайского происхождения, но в Китае он не связывался с политической властью, а обозначал небесного, духовного владыку. Вводя данный термин, правители Ямато, видимо, стремились подчеркнуть религиозную власть японского императора, выражавшуюся в его функциях: он должен был молить богов о хорошем урожае, дожде, участвовать в осеннем празднике урожая — ниннамэмацури [325, с. 109—111], пробовать и подносить богам сжатый рис. Однако синтоистский культ не мог еще оформиться в религиозную и идеологическую систему, способную освятить феодальный строй. Поэтому с конца VI в. усилилось распространение буддизма и конфуцианства в Японии.

Активная роль в этом принадлежала принцу Умаядо (574—622) ³, известному более под посмертным именем Сётоку, чья деятельность в целом способствовала утверждению феодализма в Японии, становлению раннефеодального государства. Этим же целям была подчинена и деятельность великого оми Сога-но Умако. Но если мероприятия Сётоку объективно способствовали последующей победе государственной собственности на землю над частной, то Умако и его наследники стремились к расширению частных владений. Они добивались усиления союза знати во главе с домом Сога, укрепления реальной власти последнего в формирующемся государстве и ограничения власти князей, Сётоку же желал безраздельного господства княжеского дома. По этой причине официальная японская историография, исходящая из легенды о божественном происхождении императорского дома, начиная с «Анналов Японии», всячески восхваляла принца Сётоку, а действия Сога-но Умако и его наследников оценивала отрицательно. Более двух десятилетий Сётоку, объявленный в конце VI в. наследником престола, и Умако фактически разделяли власть, сотрудничая и ведя скрытую борьбу.

Одним из выражений процесса становления раннефеодальной государственности явился рост чиновничьего аппарата. В целях его упорядочения в 603 г., по данным «Анналов Японии», была введена система 12 рангов [31, с. 141], что подтверждается также записями в китайской династийной истории «Суй шу». При этом система наследственных титулов (кабанэ) ликвидирована не была; титул указывал на положение патронимии в целом, ранги же представлялись отдельным чиновникам, имевшим титулы ниже ооми и омурадзи. По сведениям «Жития великого будды Сётоку» [25], создателями системы 12 рангов были Сётоку и Умако. При ее разработке был учтен опыт корейских государств Пэкче и Когурё.

Высшими рангами были «большая и малая добродетель» (дайтоку, сётоку). Остальные 10 рангов именовались по пяти конфуцианским добродетелям: большая, малая доброта (дайджин, сёдзин); большое, малое почитание (дайрэй, сёрэй); большая,

малая вера (дайсин, сёсин); большая, малая справедливость (дайги, сёги); большая, малая мудрость (дайти, сёти) [109, с. 53]. Характерно, что в «Хань шу» — официальной истории китайской династии Хань они перечислялись в ином порядке: доброта, справедливость, почитание, мудрость, вера. Дело здесь, однако, не в том, что Сётоку изменил порядок в соответствии со своими политическими идеалами, как считали многие японские историки: 12 рангов основывались на китайской же идее единства пяти элементов (дерево, огонь, земля, металл, вода), которым соответствуют и пять конфуцианских добродетелей в порядке, примененном Сётоку и Умако [325, с. 76—78].

Другим крупным мероприятием начала VII в., о котором сообщается в «Анналах Японии», явилось создание принцем Сётоку этико-политического наставления из 17 статей ⁴ (604 г.) [31, с. 142—146; 18], пронизанного конфуцианскими, буддийскими, легистскими идеями, текст его включает термины из древнекитайской философской и исторической литературы. В наставлении изложены этические принципы взаимоотношений монарха и подданных; при этом сильно выражена идея абсолютной монархической власти: «государство — это небо, подданные — это земля», «в стране нет двух государей, у народа нет двух господ».

Прекрасный стиль древнекитайского языка, на котором написано наставление, слишком широкая для своего времени эрудиция автора, чрезмерное возвышение государства и монарха, не соответствовавшее реальному положению князей Ямато, породили вполне естественные сомнения в подлинности наставления, подкрепленные тщательным филологическим анализом текста, предпринятым в конце 20-х годов Цуда Сокити [439]. В частности, в тексте наставления употреблен термин «куни-но цукаса» («губернаторы провинций»), который появился не ранее 645 г. Цуда пришел к выводу, что наставление из 17 статей было написано в правление Тэмму или Дзито, в 70—90-х годах VII в.

Действительно, при императоре Тэмму культ императорского дома достиг беспрецедентных размеров, а принц Сётоку стал объектом почитания и обожествления. Но точных доказательств того, что наставление из 17 статей было написано именно в это время, нет. Поэтому концепция Цуда остается в известных пределах гипотетической, хотя и весьма влиятельной в современной японской историографии. Существует и компромиссная точка зрения, согласно которой наставление из 17 статей, написанное Сётоку, было утеряно, а известный ныне текст был создан на основе сохранившихся фрагментов и легенд [325, с. 80—83]. Данное мнение представляется вполне приемлемым, тем более что редактирование и переписка составителями «Анналов Японии» дошедших до них документов бесспорны.

Историческая традиция приписывает также Сётоку и Умако первую попытку составления систематической истории Японии. В «Анналах Японии» сообщается, что в 620 г. они писали хроники императоров, провинций, центральной и местной титулованной

знати и народа [31, с. 159]. Большая часть этих хроник не сохранилась, но известно, что их основой являлся миф о божественном происхождении императорской власти, а содержание составляла, по-видимому, генеалогия императорского дома. В сущности, это была попытка идеологического обоснования формирующегося государства. В свою очередь, Сётоку и Умако опирались на имевшуюся в то время генеалогию князей Ямато, предания и легенды, записанные, как доказал Цуда Сокити, еще в VI в. (см. [438]), а позднее, в VIII в., ставшие источником «Хроники древних событий» и «Анналов Японии»⁵.

Современные японские историки предполагают также, что именно Сётоку высчитал мифическую дату вступления на престол первого легендарного императора Дзимму (660 г. до н. э.): в 602 г. из корейского государства Пэкче был привезен китайский календарь, согласно которому 601 год был годом синью (8-й циклический знак и птица) по 60-летнему циклу. По китайским поверьям, в год синью через каждый цикл должно происходить много крупных перемен. От 601 г. было отсчитано 1260 лет и, таким образом, установлена дата возникновения японского государства — 660 г. до н. э. [325, с. 113—114].

Стремление принца Сётоку к возвышению и укреплению княжеского дома, обнаружившееся в упорядочении административного аппарата, создании наставления из 17 статей, обосновании монархической власти, нашло также выражение в попытке взять в свои руки инициативу во внешнеполитических делах, которыми до сих пор ведал Сога-но Умако. Еще в начале 90-х годов VI в. готовился поход в Силла, и на севере Кюсю была сосредоточена 20-тысячная армия. Хотя поход осуществлен не был, государство Силла опасалось вторжения, и в 598 г. правители Силла прислали в дар княгине Ямато двух сорок и павлина, в следующем году из Пэкче были присланы верблюд, осел, два барана и фазан. Однако правители Ямато остались недовольны количеством подарков и в 600 г. направили в Силла 10-тысячную армию под командованием представителя дома Сога. По данным «Анналов Японии», Силла уступила Ямато ряд территорий и обязалась платить дань.

Обещание выполнено не было, и в 602 г. началась подготовка к новому походу. На этот раз была собрана 20-тысячная армия, которой командовал принц Кумэ — младший брат Сётоку. Характерно, что в этой армии не была представлена высшая столичная аристократия — оми и мурадзи. Сётоку пытался опереться на среднюю и мелкую знать, в том числе местную, и сформировать большую армию во главе с представителем княжеского дома. Эта — главная — цель Сётоку, нуждавшегося в военной опоре, была достигнута, а поход в Корею отложен [325, с. 67—72].

В 605 г. принц Сётоку переехал во вновь построенный дворец Икаруганомия, в 20 км от местности Асука, где в VI — начале VIII в. (с перерывами) находилась столица Японии. Нередко императоры меняли свои резиденции, но затем возвращались

в Асука. Факт существования Икаруганомия, о котором сообщается в «Анналах Японии», подтвержден археологическими раскопками на территории буддийского храма Хорюдзи, проводившимися с 1934 г.⁶ Удаленность дворца Сётоку от столицы затрудняла управление государством, но Икаруганомия находился недалеко от дороги, связывающей Асука с Нанива (ныне — территория г. Осака) — морскими воротами района Кансай, через которые знать Ямато выезжала в Китай и Корею. Сётоку придавал важное значение контактам с Китаем. В Икаруганомия он готовил дипломатические миссии в эту страну, изучал буддизм и конфуцианство, принимал иностранных буддийских монахов и ученых [325, с. 85—87].

Деятельность Сётоку и Сога-но Умако привела к укреплению основ формирующегося государства. Вместе с тем принцу Сётоку удалось усилить позиции княжеского дома и в определенной степени поколебать положение Сога.

Политический переворот 645 г.

Ослабление влияния дома Сога отчетливо обнаружилось в вопросе о престолонаследии после смерти императрицы Суйко в 628 г. Реальных претендентов было двое — принцы Ямасиронооэ и Тамура. Первый был старшим сыном Сётоку и внуком Умако по материнской линии, второй — сыном принца Осаканохикохито, двоюродного брата Сётоку⁷. Тамура был женат на дочери Умако и имел от этого брака сына — принца Фурухитонэ. Надеюсь впоследствии посадить на трон Фурухитонэ, Сога-но Эмиси, унаследовавший титул и должность своего отца Умако, умершего в 626 г., добивался, чтобы императором стал Тамура. Посмертная воля Суйко была выражена неясно, и Эмиси толковал ее в пользу последнего.

В 9-м месяце 628 г. Эмиси созвал политический совет высшей знати — маэзукими (см. [421]). Однако если прежде дом Сога легко навязывал свою волю совету, то теперь предложение Эмиси не встретило безоговорочной поддержки. Мнения о наследии престола разделились: пятеро поддержали кандидатуру Тамура, трое — Ямасиронооэ, а один воздержался, так как принадлежал к дому Сога, но был сторонником Ямасиронооэ [369, с. 188—189]. В конце концов Эмиси удалось возвести на трон Тамура, принявшего имя Дзёмэй.

Источники не содержат сведений о каких-либо значительных событиях в годы правления Дзёмэй (629—641), однако позволяют судить о продолжавшемся процессе становления раннефеодального государства. Рост бюрократического аппарата усложнял управление чиновниками. По сообщению «Анналов Японии», в 636 г. один из представителей императорского дома пожаловался Сога-но Эмиси на то, что чиновники отлынивают от службы, и предложил установить обязательные часы присутствия при

дворе — с 6 часов утра и до 12 часов дня. Хотя Эмиси не согласился, необходимость контроля над государственным аппаратом была очевидной. С его расширением связана также потребность в городе — политическом центре. Именно этим объясняется частое строительство новых, все более крупных императорских дворцов и связанные с ним переезды двора в новые резиденции. Дзёмэй, в частности, в 639 г. перенес столицу к р. Кудара, где в то время жили переселенцы из Пэкче (по-японски — Кудара). Одновременно с дворцом строился крупный буддийский храм Кударадзи, т. е. продолжалось поощрение буддизма [325, с. 154—156].

В те же годы Эмиси, а затем и его сын Ирука настойчиво стремились к расширению частных земельных владений, прежде всего своих собственных, причем не только за счет свободных земель, но и за счет императорских владений. Это привело Сога к открытой борьбе с императорским домом. В 641 г. императора Дзёмэй сменила на престоле его жена Когёку. Эмиси не удалось посадить на трон Фурухитанооэ, и в 10-м месяце 643 г. он передал свой пост Ирука.

Спустя месяц Ирука совершил нападение на Икаруганомия — резиденцию принца Ямасиронооэ. Он стремился расширить власть дома Сога, расчистить путь на трон принцу Фурухитанооэ, поскольку Ямасиронооэ по-прежнему оставался одним из возможных претендентов.

Застыгнутый врасплох Ямасиронооэ потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством [31, с. 199—201]. Однако действия Ирука вызвали недовольство не только членов императорского дома, но и части крупной и средней знати. Оппозиция дому Сога начинает быстро расти.

По мнению Сэки Акира, переворот был ускорен международными событиями. Одним из главных источников информации о Китае и Корее наряду с редкими дипломатическими миссиями являлись сыновья знатных японских семей, обучавшиеся в Китае. За рубежом они проводили 10—15, а иногда 20—30 лет, изучая иероглифическую письменность, китайскую литературу, историю, право, религии. В 20—30-х годах VII в. на родину после обучения в Китае вернулась очередная группа японцев, благодаря чему в Японию проникли более подробные сведения о государственном и общественном строе Танской империи, ее положении и политике. Как известно, династия Тан проводила активную завоевательную политику и, в частности, в 11-м месяце 644 г. приступила к захвату корейского государства Когурё. Не исключалась возможность нападения и на Японию, что поставило японскую знать перед необходимостью консолидации [369, с. 198]. Надежную оборону могло организовать лишь государство с сильной центральной властью, политические притязания же дома Сога были чреваты расширением масштабов внутренней борьбы. Поэтому отдельные представители знати надеялись, что устранение Сога откроет путь к укреплению императорской власти.

Инициатором заговора против Сога стал Накатоми-но Камако, происходивший из синтоистских жрецов, но принявший буддизм. Решительную поддержку он нашел у молодого принца Наканооэ, сына Дзёмэй и Когёку. Подробной программы преобразований Наканооэ и Камако не разработали, но, очевидно, вынашивали идею создания бюрократической организации, подобной танской, и передачи всех земель и земледельцев под власть императора [325, с. 179—180]. По своей сущности это — идея утверждения той формы феодальной собственности на землю и людей, единым носителем которой должен был выступать монарх.

Заговор с целью убийства Сога-но Ирука был составлен Наканооэ и Камако строго конспиративно. Даже одного из основных участников, Сога-но Кураямада-но Исикавамаро (из дома Сога, но противника Эмиси и Ирука), посвятили в детали плана лишь за четыре дня до его осуществления. Предполагалось воспользоваться приемом корейских послов в Итабукиномия — дворце императрицы Когёку в Асука. Сигналом к убийству должно было послужить начало чтения доклада императрице. Последнее входило в обязанности Исикавамаро. В качестве непосредственных исполнителей были избраны представители знатных домов, ведавшие военными вопросами; без их поддержки нельзя было рассчитывать на успех, поскольку они несли охрану дворца.

Когда стало известно о прибытии корейских послов в Нанива — в Асука они ожидались лишь месяц спустя, — было решено созвать совет знати и доложить императрице. Заседание назначили на 12-е число 6-го месяца 645 г. Ирука, который после упомянутых событий 643 г. опасался нападения, редко покидал свою резиденцию и не расставался с оружием. Однако на этот раз, вопреки обыкновению, он явился в зал заседаний без меча: когда он входил во дворец императрицы, его меч ловко отцепил шут.

Как только Ирука вошел во дворец, Наканооэ приказал закрыть все двери и вместе с Камако и другими заговорщиками спрятался за колонной, ожидая сигнала [31, с. 208—209].

Переворот был быстрым и успешным. Дом Сога существенного сопротивления не оказал. На следующий день после убийства Ирука, 13-го числа 6-го месяца, Сога-но Эмиси сжег все императорские хроники и другие документы, которые за четверть века до этого стали собирать Сётоку и Умако, и покончил жизнь самоубийством [31, с. 210]. Были спасены и переданы Наканооэ лишь провинциальные (по другой версии — государственные) хроники.

14-го числа Когёку уступила трон своему младшему брату, принцу Кару, ставшему императором Котоку. Наканооэ объявили наследным принцем. (В 662 г. он стал императором Тэндзи.) Занять трон немедленно он отказался, не желая, чтобы его участие в заговоре объясняли стремлением стать императором. Кроме того, Кару был одним из старших принцев, ему было около 50 лет, а Наканооэ — 20. В тот же день было создано правительство, причем новая структура государственного управле-

ния отразила укрепившееся влияние императорского дома. В частности, наследный принц занял второе место в иерархии политической власти после императора, тогда как прежде это место принадлежало ооми — главе дома Сога.

Власть монарха и его наследника была подчеркнута введением поста советника (утицуоми) императора и наследного принца. На эту должность назначили Накатоми-но Камако (получившего затем звучную фамилию Фудзивара — «Поле глициний», а также сменившего имя на Каматари). Вместо прежних высших должностей ооми и омурадзи по китайскому образцу учреждались посты левого (хидари-но омати-гими) и правого (миги-но омати-гими) министров, которые заняли сторонники Наканоэ — Абэ-но Курахасимаро и Сога-но Исикавамаро (последний — активный участник переворота).

Структура правительства отразила и стремление нового режима использовать китайский опыт в государственном управлении. Вводились, в частности, две должности политических советников (куницухакасэ) правительства, которые заняли знатоки Китая. И наконец, впервые, по китайскому же примеру, вводился девиз правления императора — Тайка [325, с. 176—178].

Почти одновременно страна Ямато стала именоваться «Нихон» — Япония. Первым китайским источником, где упоминается это название, явилась «Старая история Тан» — «Цзю Тан шу», сообщающая, в частности, что в 648 г. из Японии (Жибэнь, Нихон) в Китай прибыла миссия.

Значение событий 645 г., безусловно, выходило за рамки дворцового переворота. Устранение дома Сога открывало путь к проведению реформ, в осуществлении которых руководители переворота пытались опереться и на часть столичной знати, и в особенности на местную знать. Последняя более всего была заинтересована в сильной центральной власти из-за своей собственной слабости, неспособности справиться с народными движениями. Сведения о них в официальных источниках, разумеется, крайне скудны, но позволяют заключить, что накануне переворота происходили народные выступления в религиозной форме, подавлявшиеся с помощью центральной власти. Косвенным доказательством роста активности народа может служить и тот факт, что после переворота правительство стало принимать и в ряде случаев удовлетворять иски крестьян [325, с. 193—194].

Н. И. Конрад, опирающийся на источники и исследования японских историков 20—30-х годов, высказывал аргументированное предположение, что социальное движение зависимых (бэ-мин) лежало в основе всей длительной борьбы знати за преобладание в племенном союзе в течение V—VII вв. Это движение «окончательно подорвало последние остатки родового строя, нанесло решительный удар политической форме общеплеменного союза, подготовило формирование государства и поставило во главе этого формирующегося государства наиболее передовые слои тогдашнего общества» [114, с. 63—64].

Переворот 645 г. может рассматриваться как начало заключительного этапа становления японского раннефеодального государства. Особенности конкретно-исторического развития Японии предопределили победу государственной собственности на землю над частной. Потребовалось, однако, еще несколько десятилетий, прежде чем данный принцип вместе с другими реформами и преобразованиями был проведен в жизнь.

Проблема реформ Тайка

Выше уже отмечалось, что факт проведения реформ после переворота 645 г. и их содержание являются несомненно доказанными. Остается, однако, спорным вопрос о времени осуществления преобразований и подлинности ряда документов, на основе которых судят о реформах.

До 20-х годов XX в. японская историография, исходившая из текста эдикта о реформах, имеющегося в «Анналах Японии» и датированного 1-м числом 1-го месяца 646 г., считала, что важнейшие реформы были осуществлены сразу после переворота, во второй половине 40-х годов VII в. Однако Цуда Сокити на основе филологического анализа и сопоставления «Анналов Японии» с другими источниками высказал обоснованные сомнения в подлинности эдикта 646 г. [441], что повлекло за собой дискуссию японских историков о реформах Тайка, не закончившуюся до настоящего времени.

Действительно ли реформы проводились в 40-х годах VII в.? Или они начались после вступления на престол императора Тэндзи — бывшего принца Наканоэ, в 60-х годах, как считают современные японские историки Кадоваки Тэйдзи, Сэкигути Хироко и др. [257; 373]? Действительно ли эдикт о реформах был написан в конце 645 г., накануне того, как был объявлен, или же он сочинен составителями «Анналов Японии» в VIII в.?

Выяснение этих вопросов, безусловно, требует рассмотрения и текста источников, и основных аргументов, приводимых японскими историками — участниками дискуссии в защиту той или иной точки зрения.

Подготовка к реформам, по данным «Анналов Японии», началась спустя два месяца после переворота, в 8-м месяце 645 г. Центральное место отводилось мерам, связанным с последующим введением государственной собственности на землю и людей. В частности, в восточные провинции (Тогоку) были направлены чрезвычайные чиновники⁸ из среды центральной знати, которым поручалось произвести обмер полей и подворную перепись [31, с. 219]. На востоке было много принадлежащих императору крепостных и преданной двору знати. Вслед за этим чиновники с такими же обязанностями были назначены во владения императорского дома в области Ямато, а в 9-м месяце — в остальные провинции. Одновременно знати запрещалось расширять свои земельные владения, а крестьянам — продавать землю.

Для упорядоченного проведения подворных переписей был издан указ, четко отграничивавший рабов от остального населения. Согласно указу, дети от смешанных браков (рабов со свободными) становились рабами, т. е. не подлежали последующему наделению землей. Кроме того, подтверждались права знати на владение рабами в отличие от закрепощенных, которые спустя несколько месяцев были формально освобождены. Был также установлен контроль над буддийскими храмами [325, с. 182—186].

В конце того же года императорский двор, как сообщается в «Анналах Японии», переехал в Нанива, где в первый день следующего, 646 г. и был объявлен эдикт о реформах, состоявший из четырех статей. Содержание этого документа сводится к следующему.

По ст. 1 отменялись все ранее существовавшие права на частное владение землей, упразднялись титулы оми, мурадзи и другие, которые со времени введения принцем Сётоку чиновничьих рангов утратили практическое значение и превратились в почетные звания; вводилась государственная собственность на землю и людей (коти комин). Высшим чиновникам предоставлялись бенефиции (дзикабу) в виде натуральной ренты-налога с определенного числа крестьянских дворов, остальным чиновникам — полотно и шелк.

Ст. 2 устанавливала административное деление страны: столица, столичный район (Кидай)⁹, включавший пять провинций, провинции (куни), уезды (гун), деревни (ри).

Ст. 3 узаконивала подворные переписи и наделение землей.

Ст. 4 вводила новую налоговую систему, в том числе зерновой налог в размере двух снопов и двух связок риса с 1 тана (10,5 ара) земли [31, с. 224—226].

Главным в эдикте являлись ликвидация всех видов земельной собственности, объявление земли и крестьян собственностью государства, введение наделной системы крестьянского землепользования и административного деления Японии, без чего раздача наделов была бы невозможной. Содержание эдикта, таким образом, затрагивало коренные жизненные интересы и крестьянства, и знати, поскольку общинники лишались свободы и прикреплялись к земле, а знать утрачивала земли, хотя и получала компенсацию в виде бенефиций.

Могли ли такие преобразования осуществиться в течение трех-четырех лет даже с учетом того, что в общине существовал обычай подворного распределения земли? Могло ли быть в такой короткий срок осуществлено административное деление при плохом состоянии дорог, транспортных средств, отсутствии разветвленного аппарата управления?

Нельзя упускать из виду и то, что единственным доказательством подлинности эдикта 646 г. является подлинность самих «Анналов Японии». Но этот памятник составлен в 720 г., и его авторы вполне осознавали свою цель — обосновать господство императорского дома.

Цуда Сокити обратил внимание на ряд дословных совпадений в тексте эдикта 646 г. и последующих документов, в частности свода законов «Тайхо рицурё», введенного в действие в 701 г. Историк пришел к выводу, что эдикт, датируемый 646 г., написан авторами «Анналов Японии», источником же послужил свод законов «Оми рицурё»¹⁰, составленный в 668 г. Фудзивара-но Каматари по указанию императора Тэндзи — бывшего принца Наканоэ. Этот же свод, по мнению Цуда, явился основой и упомянутого законодательства 701 г.

Цуда привел следующие аргументы: границы столичного района (Кидай) определены в ст. 2 эдикта неточно, если исходить из того, что столица в 646 г. находилась в Нанива; уезды, обозначенные иероглифом «гун», были введены после издания «Оми рицурё»; тогда же был установлен способ измерения земельной площади и определения зернового налога — два снопа и две связки риса с тана земли, изложенный в тексте эдикта [441].

В 30-х годах против концепции Цуда выступил Сакамото Таро, считавший, что по содержанию текст эдикта мог быть написан в 645 г., но признавший его последующую литературную обработку [359; 360]. Кроме того, существование свода законов «Оми рицурё», на который ссылался Цуда, тоже вызывает сомнение, поскольку текст этого свода не сохранился, а ранние источники, в том числе «Анналы Японии», не содержат о нем никаких сведений. Первое упоминание об «Оми рицурё» встречается в источниках, относящихся к IX в. Поэтому после второй мировой войны ряд историков, прежде всего Иноуэ Мицусадэ, не отрицая общего вывода Цуда о неподлинности эдикта 646 г. или по меньшей мере его отдельных положений, внесли уточнения в аргументацию Цуда и развили его концепцию ([237; 230; 235]; см. также [372; 343]).

Иноуэ Мицусадэ установил, что административное деление на уезды (гун), упомянутые в тексте эдикта 646 г., было введено не в 668 г. сводом «Оми рицурё», а позднее — либо сводом законов «Асука-но киёмихарарё»¹¹, составленным в 681—689 гг., либо сводом «Тайхо рицурё» (701 г.). В отличие от «Оми рицурё» существование «Асука-но киёмихарарё» не вызывает сомнений. Хотя текст последнего также не сохранился, он упоминается в источниках, и на основе записей о мероприятиях 80—90-х годов VII в. можно судить о его содержании. «Асука-но киёмихарарё» послужил, кроме того, базой для последующих сводов: «Тайхо рицурё», а также «Ёро рицурё» (718 г.)¹². Таким образом, дословные совпадения в тексте эдикта 646 г. и свода «Тайхо рицурё» объясняются тем, что они могли иметь общий источник — свод «Асука-но киёмихарарё». Что же касается уездов, то до конца VII в. они именовались не «гун», а «кори» и обозначались другим иероглифом; этот вывод Иноуэ подтвержден эпиграфическими памятниками VII в. [230].

Отдельные возражения, выдвигавшиеся против концепции Цуда — Иноуэ, в целом не опровергают вывода, что текст эдикта

646 г. неоригинален и по меньшей мере подвергся серьезной доработке авторами «Анналов Японии»; это мнение стало общепринятым в японской историографии.

Ряд положений эдикта остается тем не менее спорным. В частности, Сэки Акира, полагающий, что эдикт мог быть объявлен в 646 г., а осуществлен позднее, высказал мнение, что уезды «кори» — это разновидность уездов гун, поэтому данный термин вполне мог фигурировать в эдикте 646 г. Кроме того, Сэки считает, что границы столичного района Кидай были твердо установлены в древности и не изменялись при каждом переносе столицы [369, с. 211].

Другие историки отмечают, что ст. 1 эдикта, вводившая государственную собственность на землю и людей, вполне могла быть написана в 645 г. Кроме того, в ст. 4 эдикта говорится о налоге тканями, определявшимся земельной площадью и основывавшимся на дотайковском обычае. К тому же в «Тайхо рицурё» данный вид налога не фигурирует [325, с. 190].

Вместе с тем остается фактом, что текст об уездах в эдикте 646 г. идентичен соответствующему тексту «Тайхо рицурё» — с той разницей, что первый выделял три вида уездов в зависимости от размера, а второй — пять. Расхождение объясняется тем, что авторы «Анналов Японии», написавшие или доработавшие текст эдикта 646 г., основывались, как уже отмечалось, на своде «Асука-но киёмихарарё» [325, с. 188—189]. Несомненно и то, что установленная эдиктом налоговая система стала применяться не ранее 80-х годов VII в. Не могла быть введена в 40-х годах и падежная система крестьянского землепользования.

Итак, реформы, изложенные в тексте эдикта 646 г., не могли быть осуществлены в течение первых лет после переворота 645 г., но переворот положил начало преобразованиям. «Анналы Японии», законодательные акты конца VII — начала VIII в., эпиграфические памятники, а также результаты анализа и разработки источников в японской историографии дают основания для выделения трех этапов реформ.

На первом этапе (645—649) были намечены направления преобразований, проведены подготовительные мероприятия, осуществлены некоторые реформы административного аппарата в центре и на местах.

Второй этап характеризовался постепенным введением наделной системы крестьянского землепользования, четкого административного деления, разработкой свода законов. Активизация реформ связана с правлением императора Тэндзи (662—671) и деятельностью Фудзивара-но Каматари — руководителей переворота 645 г. Источники не позволяют достаточно основательно утверждать, что Каматари действительно разработал свод законов, известный под названием «Оми рицурё», поэтому первым реально существовавшим сводом можно считать «Асука-но киёмихарарё».

С окончанием его составления (689 г.) начинается третий, заключительный этап реформ (689—701), на котором были завер-

шены социально-экономические преобразования, намеченные после переворота 645 г. и осуществлявшиеся на втором этапе.

В 3-м месяце 646 г. в Нанива, как сообщают «Анналы Японии», были собраны чиновники (куни-но цукаса), ранее посланные в восточные провинции для проведения подворной переписи. В столицу пригласили и представителей местной знати (куни-но мияцукэ), позднее превратившихся в начальников уездов.

Правительственные чиновники представили материалы переписи и обмера полей, послужившие основой для последовавшего затем местного административного деления. На первом этапе, однако, стали вводить только деление на провинции (куни): первым таким актом восточную часть страны — район Канто — разделили на восемь провинций.

Правительство рассмотрело также жалобы крестьян и местной знати на столичных чиновников, пытавшихся обогатиться за счет имущества крестьян и местной знати, и наказало как своих эмиссаров, так и отдельных представителей местной знати, дававшей чиновникам взятки в надежде добиться благосклонности власти имущих. Наoki Кодзиро справедливо замечает, что правительство, стремившееся к осуществлению принципа государственной собственности на землю и людей, старалось не возбудить сопротивления народа и местной знати [325, с. 193—194].

Для введения же государственной собственности необходима была ликвидация частных владений знати. Последняя, однако, не спешила отдавать свои земли и людей под власть императора, так как боялась лишиться уже завоеванных привилегий. Даже принц Наканооэ сделал это лишь в 3-м месяце 646 г. В 8-м месяце правительство еще раз потребовало передачи земель и людей императору. Одновременно знати были обещаны новые должности и ранги [368]. Эта часть реформ проводилась сравнительно быстро, поскольку от рангов и должностей непосредственно зависели бенефиции, гарантировавшие знати устойчивые доходы. Поэтому в 647 г. были введены 13 рангов, а во 2-м месяце 649 г. — новая система 19 рангов, что укрепило экономическую базу столичной аристократии и дало правительству основания требовать передачи земель, все еще находившихся в руках знати.

Этим первый этап реформ был, по существу, исчерпан. Главный их результат — начало введения государственной собственности на землю и людей, первые шаги к введению административного деления и обеспечению привилегий столичной знати. В 650 г. одна из провинций поднесла в дар императору белого фазана. По китайским поверьям, это считалось счастливым предзнаменованием. Поэтому во дворце состоялась торжественная церемония, а император ввел новый девиз правления, названный в честь белого фазана (Хакути) [369, с. 219].

Основное содержание второго этапа реформ, как уже отмечалось, составляло распространение наделной системы крестьянского землепользования, предусматривавшей выдачу крестьянам подушных наделов на основе подворной переписи и обмера полей,

обязанность крестьян трудиться на земле, платить налоги и выполнять повинности. О наделении земель говорилось и в эдикте 646 г., а затем в эдиктах 652 г. [280, с. 146].

Окончательное утверждение надельной системы произошло в конце 80-х годов VII в. До этого времени налоги взимались подворно, с 690 г. — подушно, что соответствовало принципу подушного распределения земли. Переписи населения, а следовательно, и переделы земли до 690 г. не были регулярными. Не было, наконец, завершено осуществление административного деления. В 649—653 гг. были созданы уезды (кори), сначала в восточных провинциях, а затем — в остальных. Для выделения же деревень потребовалось несколько десятилетий — до 80—90-х годов VII в. [304; 369, с. 216—217].

Императору Тэндзи (бывшему принцу Наканоэ) не удалось довести реформы до конца. В конце 671 г. он умер, назначив престолонаследником своего сына — принца Отомо. Однако в следующем году принц Оама, младший брат Тэндзи, предпринял вооруженное выступление против Отомо. Поводом послужило то, что Тэндзи, возлагавший большие надежды на своего сына, нарушил обычай, по которому после смерти императора трон наследовал его младший брат и лишь после этого — старший сын. Выступление Оама известно в японской историографии под названием «мятеж дзинсин»¹³ [274; 273; 262; 323]. Одержав победу, Оама в 9-м месяце 672 г. вернулся в Асука, где в следующем году короновался под именем императора Тэмму.

Правление Тэмму отмечено усилением японского элемента в политической культуре и идеологии в противовес китайскому, укреплением синтоизма, веры в божественное происхождение императорского дома, что отразилось и на конкретном содержании реформ. Так, если с начала VII в. для наименования чиновничьих рангов применялись понятия, обозначающие конфуцианские добродетели, то в новой системе рангов, введенной в 685 г., были использованы традиционные этические категории: ясность, чистота, честность и др. [325, с. 365—366; 204].

Ослабление китайского влияния свидетельствовало об укреплении японского раннефеодального государства и росте этнического самосознания правящих кругов: не случайно именно Тэмму был инициатором составления официальной истории, основанной на легенде о божественном происхождении императорского дома, хотя при его жизни такая история не была создана. Вместе с тем японский императорский двор и знать не отказались, да и не могли отказаться от использования китайских моделей, прежде всего в области права, поскольку сами еще не имели достаточного опыта в этой сфере деятельности. Надельная система утвердилась в Японии не потому, что принципы распределения земли и взимания ренты были заимствованы в Китае, а потому что эти принципы оказались приемлемыми для Японии и соответствовали обычаю подушного распределения земли в японской общине, китайский же закон о наделении земель был приспособлен к обычаям и условиям

Японии. Иначе говоря, почва для введения надельной системы была подготовлена социально-экономическим развитием Японии; в противном случае чуждое условиям страны зарубежное законодательство оказалось бы мертвым.

При Тэмму, в 681 г., началось составление первого достоверно существовавшего свода законов — «Асука-но киёмихарарэ», законченное в 689 г., в правление императрицы Дзито, вдовы Тэмму (см. [275; 324]). Свод обобщал практику проводившихся реформ и содержал ряд новых установлений. Он вводился в действие постепенно, еще до завершения всей работы.

На заключительном этапе реформ стали регулярными переписи населения и переделы земли. Последняя перепись, предшествовавшая составлению свода «Асука-но киёмихарарэ», проводилась в 670 г.; с 690 г. в течение столетия они осуществлялись через каждые шесть лет.

Было завершено административное деление на провинции, уезды и деревни. Уезды стали именоваться гун, их начальники (гундзи)¹⁴ назначались из числа местной знати, носившей прежде титул кун-но мяцую. Начальники уездов подчинялись губернаторам провинций, назначавшимся из среды центральной знати. Уезды в зависимости от числа входивших в них деревень делились на три категории, деревня (ри) состояла в среднем из 50 дворов. Был реформирован также порядок несения воинской повинности: по закону 689 г. вместо осуществлявшегося прежде подворного призыва стали одновременно призывать на службу $\frac{1}{4}$ всех военнообязанных.

Наконец, в 90-х годах VII в. окончательно оформилась организация и центральных органов управления. Правительство — Государственный совет (Омацуригото-но цукаса) — состояло из главного, левого и правого министров, которым через систему секретарей подчинялось восемь департаментов (в отличие от Китая, где существовало шесть департаментов). Кроме того, с 691 г. в источниках упоминается Религиозный совет (Каму цукаса), ведавший синтоистскими церемониями, обрядами и праздниками и существовавший на равных правах с Государственным советом [325, с. 391—393].

Важнейшим итогом реформ VII в. явился переход от первобытного общества к раннефеодальному, становление качественно нового общественного строя. Именно это отличает преобразования VII в. в Японии от реформ, которые многократно проводились на протяжении средневековья в различных странах, в том числе и в Японии, в целях укрепления ранее сложившегося феодального строя.

В ходе реформ VII в. в Японии формируется государственная феодальная собственность на землю и людей, прежняя родоплеменная знать превращается в феодалов, которым на данном этапе давались бенефиции. Постепенно складывается мелкое крестьянское земледелие в виде предоставления крестьянам наделов из государственного фонда. Держатели наделов обязаны были

работать на земле и платить ренту государству, выступавшему по отношению к ним единым феодалом — собственником земли. Процесс формирования феодально-зависимого крестьянства в VII в. становится интенсивным.

Критерием социальных преобразований при переходе от первобытнообщинного строя к классовому в отличие от последующих социальных революций может считаться не ликвидация зависимости эксплуатируемого населения, а фактическое порабощение или закрепощение свободных, что обусловлено качественным отличием первобытнообщинной формации от всех трех эксплуататорских обществ — рабовладельческого, феодального, капиталистического.

Закрепощенные земледельцы в итоге реформ VII в. в Японии не стали свободными, а превратились в зависимых крестьян. Наделение крестьян землей способствовало подъему производительных сил, однако утрата свободы крестьянством не могла не привести к борьбе с феодалами как классом, захватившим землю и власть. Но надельное крестьянство, разумеется, не сразу осознало свое новое положение. Вследствие происшедшего же в дальнейшем захвата крестьянских наделов феодальной знатью, явившегося одной из причин распада надельной системы, классовая борьба усиливается.

Реформы VII в. несомненно стимулировали развитие производительных сил. Для понимания исторического процесса важны, однако, не только реформы, но и социальная практика их осуществления. Здесь, естественно, возникает проблема, насколько соответствовали правовые акты и их реализация друг другу. Рассмотрение ее является задачей следующей главы.

Перемены в социально-экономическом и политическом строе Японии, происшедшие в VII в., были юридически закреплены сводом законов «Тайхо рицурё» (701 г.). Текст свода не сохранился и был восстановлен по комментариям к нему, писавшимся в VIII в., а также по «Продолжению анналов Японии» («Сёку Нихонги»). В 718 г. по инициативе правого министра Фудзивара-но Фухито началась работа по совершенствованию «Тайхо рицурё». Исправленный свод законов, известный под названием «Еро рицурё», после смерти Фухито (в 720 г.) хранился в его библиотеке. В 757 г. он был обнаружен и затем введен в действие вместо «Тайхо рицурё». Правда, оригинал «Еро рицурё» во время средневековых войн и мятежей частично был утрачен, но сохранилась большая часть статей, посвященных административному и гражданскому праву (рё), и часть статей, посвященных уголовному праву (рицу). Остальное было восстановлено по комментариям в XVIII в. Различия между восстановленными текстами «Тайхо» и «Еро рицурё» несущественны, поэтому представляется возможным говорить о них обобщенно, делая оговорки в необходимых случаях (см. [381; 350]).

По сведениям «Продолжения анналов Японии», в 3-м месяце 701 г. императорский двор получил золото с о-ва Цусима, впервые добытое в Японии, в связи с чем девиз правления получил название Тайхо (великое сокровище) [37, т. 1, с. 10]. По этому поводу в императорском дворце состоялась грандиозная церемония, по пышности не уступавшая двум наиболее торжественным в то время событиям — вступлению императора на престол и Новому году.

Церемония началась с подношения императору золота, привезенного крепостным ремесленником (дзакко) Мита-но Ицусэ. Спустя несколько месяцев он был освобожден от зависимости, получил высокий ранг, 50 крестьянских дворов, 10 тё земли (10,5 га) и ткани. Получили награды также сын умершего в 1-м месяце министра Отомо-но Минюки, пославшего Ицусэ на Цусима, и местные чиновники¹ [37, т. 1, с. 12].

На церемонии было объявлено о завершении нового свода законов, введении на его основе новой таблицы о рангах и присвоении их чиновникам. Формально же гражданское и административное право было введено в действие в 6-м месяце 701 г., а составление всего свода закончено в 8-м месяце [37, т. 1, с. 10—12].

«Тайхо рицурё» состоял из 6 свитков, посвященных уголовному праву (рицу) и 11 — гражданскому и административному (рё). Первые основывались на китайском (танском) законодательстве и впервые вводились в Японии, вторые подытоживали реформатор-

скую деятельность второй половины VII в. В «Еро рицурё» все законы были сведены в 10 свитков рицу, насчитывавших 497 статей, и 10 свитков рё, содержавших 953 статьи. «Тайхо рицурё» содержал несколько большее количество статей.

В составлении «Тайхо рицурё» участвовало 19 человек во главе с принцем Осакабэ.

Практическая подготовка к введению нового законодательства началась с 4-го месяца 701 г. В этих целях для принцев и столичной знати были организованы специальные занятия, в ходе которых составители свода законов разъясняли его содержание [207, с. 31—32]. Наиболее существенное значение для крестьянского большинства населения имели разделы «двор», «земля» и «повинности». Первый из них содержал установления, касающиеся местной администрации, семейного и частного права, второй определял виды и размеры феодальной ренты-налога, третий устанавливал виды земельной собственности и содержал закон о наделении земель.

Специальный раздел регулировал синтоистские церемонии при дворе и правовое положение буддийских монахов.

Все остальные разделы были посвящены политико-административному устройству и организации бюрократического аппарата. Для каждого центрального ведомства, губернского и уездного управлений устанавливались номенклатура должностей и штат. Каждой должности соответствовал определенный ранг. Регламентировался порядок замещения вакантных должностей чиновников, размеры должностных и ранговых бенефиций и пожалований. Создавались школы для членов императорской семьи, столичной и провинциальной знати. Регламентировались одежда при дворе, служба и отдых чиновников. Определялся порядок охраны дворца и присутственных мест, военной службы, содержания амбаров и конюшен. Регулировалась полицейская и тюремная служба.

Уголовное право определяло ответственность за нарушение установленных гражданского и административного права. Предусматривались наказания за воровство, убийство, клевету, должностные преступления чиновников. По аналогии с Китаем устанавливалось пять ступеней наказания за уголовное преступление: розги, палка, принудительные работы, ссылка, смертная казнь ([34, с. 6—26]; см. также [404; 403; 245]).

Японское право, представленное сводами «Тайхо» и «Еро рицурё», носило ярко выраженный классовый характер. Оно предусматривало многочисленные привилегии представителям господствующего класса, прежде всего гарантировало им получение феодальной ренты с обширных пахотных полей, во много раз превосходивших крестьянские наделы, возможности увеличения дохода вследствие повышения ранга или должности, а позднее — и путем присвоения нераспаханных земель. Уголовное право тоже защищало в первую очередь интересы власть имущих. Тяжесть наказания зависела от социального положения: рабу назначалось

более жесткое наказание, чем крестьянину, совершившему такое же преступление, знать же могла откупиться от наказания. Закреплялась также привилегия знати на образование. В целом законодательство VIII в. способствовало развитию феодализма в Японии.

Землевладение и землепользование

Хотя юридически вся японская земля считалась государственной собственностью, можно утверждать, что введение «Тайхо рицурё» лишь на сравнительно короткий срок, исчислявшийся тремя-четырьмя десятилетиями, сдержало развитие частной земельной собственности. В течение второй половины VII — первых десятилетий VIII в. бенефициальные владения знати непрерывно увеличивались. Право собственности на них было ограничено, но уже по «Тайхорё» несколько категорий землевладения были отнесены хотя и к временной, но личной собственности (сидэн).

Крестьянское землепользование было связано с гораздо большим числом ограничений. В самом законодательстве существовали лазейки, дававшие знати и зажиточной верхушке деревни возможность под разными законными предлогами — обмена, аренды, взимания недоимок — присваивать крестьянские земли, сначала временно, а затем и постоянно. По мере расслоения крестьянства этот процесс усилился.

Все земли, по «Тайхо рицурё», делились на пахотные, пустоши, огородные и усадьбы, горы и леса. Пахотные земли представляли собой главным образом ранее разработанные заливные (рисовые) поля, в состав которых входили бывшие общинные, императорские и частные поля. Из этого фонда осуществлялась раздача наделов. Моделью японского закона о наделении земель (хандэн сюдзюхо) послужили китайские (северовэйский, суйский, танский) законы о равных полях (см. [406; 115]). Разумеется, они были приспособлены к экономическим и социальным условиям Японии. Японское законодательство учитывало степень освоения земли в стране, меньшую по сравнению с Китаем роль рабского труда, слабое развитие ремесла, обычай распределения земли в дофеодальной общине.

Разделение пахотных земель на общественные (кодэн) и личные (сидэн) указывало не столько на форму собственности, сколько на степень закрепленности полей за различными категориями населения. В частности, все земли, передававшиеся в пользование и крестьянам, и феодалам, относились к категории личных, общественные же поля находились в ведении губернаторов провинций и могли либо сдаваться в аренду, либо, по мере необходимости, переходить в разряд личных (см. [319; 223; 402; 252; 218]).

Единицей измерения земельной площади был тан, равный в то время 10,5 ара, 10 тан составляли 1 тё (1,05 га). По закону, через

каждые шесть лет должен был осуществляться передел земли. Лицам мужского пола из числа крестьян старше пяти лет полагалось в среднем 2 тана (21 ар) земли, лицам женского пола — $\frac{2}{3}$ надела мужчины [32, с. 110]. Надел выдавался пожизненно и подлежал возврату в случае смерти держателя, его бегства либо незаконного захвата земли. Размер надела мог быть увеличен или уменьшен в зависимости от качества земли. В случае стихийного бедствия, в частности наводнения, делавшего обработку земли невозможной, предоставлялся другой земельный участок. То же происходило, если надел конфисковывало государство по каким-либо причинам, не включавшим вины держателя, например для передачи храмам [250, с. 141—144].

Наделы выдавались подушно, но по закону всей надельной землей (кубундэн) распоряжался глава большой патриархальной семьи (гоко), распределявший затем наделы между малыми семьями (боко). На этой основе некоторые японские историки считают, что в японской деревне VIII в. существовала семейная, или патриархально-семейная, община. В частности, Иянага Тэйдзо утверждает, что после введения надельной системы рамки общины сузились и общинные отношения стали реализовываться внутри большой семьи [252, с. 66]. Если иметь в виду характер землепользования и совместную обработку земли, то мнение Иянага не противоречит точке зрения Кадоваки Тэйдзи, рассматривавшего патриархально-семейную общину как форму перехода к сельской общине [259].

Есть, однако, основания считать, что в японской деревне VII—VIII вв. развивалась сельская община. Совместная обработка земли в рамках большой семьи, индивидуальное ведение хозяйства не противоречат этому. Право пользования, реализовавшееся сначала в большой, а с 721 г. — в малой семье, не единственный критерий для определения характера общины. Кроме обрабатываемых полей в деревнях и их окрестностях и в VIII в., и значительно позже существовали необрабатываемые общественные, заброшенные и неразработанные земли. Из общественного фонда выделялись наделы новым семьям, а неразработанные земли с 723 г. могли передаваться крестьянам на льготных условиях. В сущности, это были потенциальные общинные земли, и тот факт, что они юридически считались государственными, в данном случае составлял одну из частных особенностей развития феодальных отношений в Японии на их ранней стадии. Горы, леса, реки тоже считались государственными, но фактически ими пользовались либо община, либо отдельные крестьяне. Наконец, держатели надельных полей пользовались общинными оросительными системами, которые могли быть созданы только в результате совместного труда крестьян.

Закон оговаривал условия держания надельных полей. Их нельзя было продавать и покупать, передавать по наследству и закладывать. В многочисленных документах VIII в. отмечено всего два случая заклада надельных земель — буддийскому храму

Тодайдзи. Однако их нельзя считать в полной мере закладом, поскольку этот акт не влек за собой перехода права на землю к заимодавцу в случае неуплаты долга [252, с. 63]. Допускалась, однако, аренда надельного поля с разрешения уездных властей и не более чем на один год. Вторично земля могла быть сдана в аренду только другому лицу. Существовало две формы аренды (тинсо) — тин, именуемая в официальных источниках «продажей» надельного поля и имевшая в виду предварительную оплату весной, и со, при которой арендная плата вносилась из осеннего урожая [406]. Все прочие условия оговаривались между арендатором и держателем земли. Ответственность за уплату зернового налога-ренты нес арендатор.

Надельные поля нельзя было бросать, а выполнение фискальных обязанностей рассматривалось законом как компенсация за пользование землей. Это означало прикрепление крестьян к земле. По отношению к крестьянам — держателям надельных полей государство, как уже отмечалось, выступало как единый феодал, взимавший ренту, совпадавшую в данном случае с налогом. Такая форма земельных отношений вполне соответствовала уровню развития производительных сил на начальном этапе раннего феодализма в обществе, миновавшем рабовладельческую формацию.

По «Тайхо рицурё», наделы предоставлялись также на рабов (канко нухи кубундэн). На государственного раба полагался полный надел (2 тана), на частного — $\frac{1}{3}$ надела крестьянина.

Сами рабы никаких прав на эти земли не имели. Наделами государственных рабов полностью распоряжалось ведомство государственных рабов (каннудзукаса), к которому они были прикреплены, а позднее — ведомство обслуживания императора (тономори-но цукаса). Ведомство же являлось и собственником всего урожая. Наделами частных рабов распоряжались их владельцы [252, с. 53—55]. В сущности, наделение рабов создавало возможность получения дополнительных доходов государством и частными лицами — прежде всего членами императорской семьи, столичной и местной знатью.

Однако основной доход знать получала с полей, обрабатывавшихся крестьянами. Большие площади пахотных земель вместе с крестьянскими дворами предоставлялись столичной знати в зависимости от должности, ранга и заслуг. Крестьяне, работавшие на этих полях, платили ренту-налог не государству, а знати. Владельцы должностных земель в ряде случаев пользовались налоговым иммунитетом, земли, полученные чиновниками за ранги и заслуги, облагались налогом в пользу казны. Должностные земли (сикидэн, или сикибундэн) давались высшей знати только на период службы, размер их доходил до 40 тэ (42 га). Ранговые земли (идэн) предоставлялись пожизненно и от службы не зависели, площадь их составляла от 8 до 80 тэ (от 8,4 до 84 га) [32, с. 107—109]. Для местной (уездной) знати существовала особая система рангов и наделения земель. Земли за заслуги (кодэн,

или кудэн) давались, как правило, высшей знати. И наконец, существовали еще жалованные земли (сидэн), предоставлявшиеся по особому императорскому указу [115, с. 85—86]. Все отмеченные категории земель формально относились к личным, или частным, но фактически были связаны с определенными условиями службы.

Кроме того, центральная знать по-прежнему пользовалась правом на бенефиции. По «Тайхо рицурё», крестьянские дворы, предоставленные феодалам в качестве бенефиций (дзикибу), уплачивали половину зерновой ренты-налога государству, вторая же половина, а также натуральная рента изделиями домашнего ремесла и отработочная повинность шли в пользу лица, получившего дзикибу. Существовали ранговые (ифу) и должностные (сикифу) бенефиции; в качестве первых могло быть предоставлено от 80 до 800 крестьянских дворов, в качестве вторых — до 3 тыс. дворов [32, с. 172].

В форме должностных и ранговых полей и бенефиций реализовывалась собственность крупных феодалов на землю и людей. Закон создавал возможность обогащения прежде всего крупной знати, в сущности сохранившей и расширявшей прежние владения. Вместе с тем «Тайхо рицурё» отражал стремление правящей верхушки ввести развитие крупного землевладения в определенные рамки, не допустить бесконтрольного захвата земель феодалами. Однако потребность в освоении целины, осознававшаяся господствующим классом уже в первые десятилетия VIII в., вынудила власти снять ряд ограничений, и, когда необходимость подъема производительных сил совпала со стремлением знати к захвату земель, обнаружилось бессилие закона.

Крупными феодалами являлись также храмы. Различие между землями буддийских (дзидэн) и синтоистских храмов (синдэн) заключалось в том, что первые могли продаваться, а вторые нет. Ни те, ни другие налогами не облагались. Поля буддийских храмов появились в конце VI в. Во всяком случае, уже храм Хорюдзи, построенный принцем Сётоку, был землевладельцем. Храмовые поля обрабатывались крестьянами, а также рабами, часть их сдавалась в аренду. Поля синтоистских храмов тоже возникли по меньшей мере до реформ VII в. Они являлись вечным владением. Крестьяне, работавшие на этих полях, уплачивали храму до 70 % урожая. В VIII в. владения храмов расширились за счет императорских пожалований, а затем — и захвата земель.

К особой категории относились земли, принадлежавшие лично императору (по терминологии «Тайхо рицурё» — мита, позднее — кандэн). Они находились в центральных провинциях — Ямато, Сэтцу, Кавати и Ямасиро и занимали общую площадь 100 тё (105 га). Эти поля обрабатывались крестьянами указанных провинций в счет отработочной повинности. Крестьянам, работавшим на таких землях, выдавался тягловый скот из расчета: на 2 тё (2,1 га) земли — одна корова, которую они обязаны были содержать, не имея права использовать в своем хозяйстве. Весь урожай поступал в пользу императора [252, с. 55].

Распаханные земли, оставшиеся после раздачи наделов, должностных, ранговых и иных полей, считались общественными. Ими, как уже отмечалось, ведали губернаторы провинций, сдававшие эти земли в аренду крестьянам. Налог в казну арендаторы не платили, но вносили арендную плату в размере 20 % урожая. По «Тайхо рицурё», она взималась фактически провинциальными властями и расходовалась на местные нужды. Свод «Еро рицурё» установил необходимость пересылки арендной платы правительству. Аналогичный закон был принят в 736 г. Фактически же в столицу посылалась не вся плата, часть ее расходовалась губернаторами на военные и иные нужды. Никаких других повинностей арендаторы не несли. Однако срок аренды одним лицом, как и в случае с надельными полями, не мог превышать одного года [32, с. 109]. В следующем году эта же самая земля могла быть сдана в аренду только другому лицу.

Владение или пользование всеми отмеченными выше категориями пахотных земель было в той или иной степени ограничено законом и контролировалось государством, что не исключало, однако, вероятности их перехода в частные руки. Наибольшими потенциальными возможностями развития частной феодальной собственности располагали храмовые и жалованные земли [115, с. 97]. Безусловно, этому способствовала и постепенная концентрация земель в руках знати. Толчок же развитию частной земельной собственности дали мероприятия, связанные с освоением целины.

Уже в «Тайхо рицурё» говорилось о необходимости разработки пустошей, а эдикт 711 г. поощрял эту разработку. В 4-м месяце 722 г. был принят план освоения 1 млн. тё (1,05 млн. га) земли в целях «поощрения земледелия и [увеличения] сбора зерна» [37, т. 1, с. 93]. Ровно год спустя он был конкретизирован в виде закона «три поколения и одна жизнь» (сандзэ иссин), согласно которому вновь разработанные целинные земли (кондэн) закреплялись на три поколения за теми, кто их освоил, если они при этом создали новую ирригационную систему; если же использовалась уже существующая система орошения, то держание нови ограничивалось одной жизнью [37, т. 1, с. 96]. Но и в этом случае право землепользования было намного шире, чем на надельных, должностных или общественных полях.

Освоенные целинные земли могли закладываться, сдаваться в аренду на длительный срок, наследоваться. Поэтому естественно, что знать, по крайней мере с начала VIII в., стремилась к захвату и разработке пустошей. Кроме того, крестьянская семья была не в силах поднимать целину без помощи общины, а община, связанная фискальными обязанностями, не располагала возможностью оказать такую помощь. К тому же пользование общинными ирригационными сооружениями для освоения новых земель было запрещено. Поэтому в большинстве случаев освоением пустошей занимались феодалы, использовавшие в этих целях беглых и обезземеливавшихся крестьян. Разработанные земли сдавались затем в аренду.

Развитие аграрного законодательства в VIII в. тоже отражало интересы знати и способствовало концентрации целины в ее руках. В частности, закон о вечном владении освоенной целиной, принятый в 5-м месяце 743 г., устанавливал пределы допустимых владений для простого народа и знати. Если собственность лица, не имевшего должности и ранга, в том числе крестьянина, не могла превышать 10 тэ (10,5 га), то принцы и чиновники 1-го ранга могли иметь в частном владении 500 тэ (525 га) земли — в пятьдесят раз больше. Начальникам и вице-начальникам уездов разрешалось владеть 30 тэ (31,5 га) целины, остальным должностным лицам уездных управлений (дзэ и сакан) — 10 тэ (10,5 га) [37, т. I, с. 174].

Невозможность ввести развитие частного землеустройства в определенные рамки заставила правительство и императорский дом позаботиться и об увеличении своих собственных владений. С начала IX в. в источниках все чаще фигурирует категория вновь разработанных земель императорского дома — тэкусидэн². Осваивались они по императорским указам под руководством губернаторов провинций, обрабатывались крестьянами в порядке отбывания отработочной повинности. Государственные (правительственные) земли создавались в IX в. в разных районах страны не только за счет целинных, но и за счет свободных общественных полей и даже наделных полей крестьян. К их числу относились, например, государственные земли (козйдэн) в Сайкайдо (о-ва Кюсю и Цусима), учрежденные в 823 г. Под эти земли было отобрано 8,9 % наделных полей.

Государственные земли обрабатывались крестьянами в зачет налогов и весенней принудительной ссуды риса (суйко) [366], установленной еще «Тайхо рицурё» и подлежащей возврату осенью с уплатой ростовщического процента. Отработка длилась 30 дней; крестьянину выдавалась месячная норма риса для питания — 3,6 л. Всего к работам на указанных государственных землях было привлечено более 60 тыс. крестьян. Урожай, за вычетом ссуды (из расчета 120 снопов риса на 1 тэ земли), налогов, расходов на питание крестьян и на ремонт оросительных систем, поступал в распоряжение правительства.

За счет наделных и общественных земель в 879 г. были созданы также государственные земли в центральных провинциях (кидай кандэн) — всего 4 тыс. тэ (4,2 тыс. га). Структура их была такой же, как и в вотчинах (сээн), — одна часть сдавалась в аренду, урожай со второй (цукуда) поступал в распоряжение правительства и частично расходовался на оплату чиновников [252, с. 55—57].

Приведенные факты подтверждают интенсивный характер развития частнофеодальной земельной собственности в VIII в. Как отмечалось выше, этот процесс был связан с освоением пустошей, целины, право собственности на которую — при условии ее разработки — было признано в первую очередь. Под пустошами в аграрном законодательстве VIII в. понимались земли, пригодные

для заливного земледелия. Однако для их обозначения, по крайней мере до начала активного освоения, употреблялось несколько терминов, и условия, на которых могли разрабатываться пустоши разных категорий, были различны.

Лучшие, плодородные пустоши, не требовавшие строительства оросительной системы (куканти) и, следовательно, сравнительно легкие для освоения, по «Тайхо рицурё» и «Еро рицурё», находились в ведении губернаторов провинций. С 711 г. эти земли с разрешения губернаторов могли разрабатываться знатью, а с 722 г. — и крестьянами. Пользование такими землями было пожизненным. В «Тайхорё» встречается также термин «коти», обозначающий, по мнению Иянага Тэйдзо, пустоши, требовавшие при освоении создания оросительной системы. Ограничений на разработку этих земель, как считает Иянага, не существовало с самого начала, поэтому в «Еро рицурё» термин «коти» не фигурировал — земли, прежде обозначавшиеся им, подпадали теперь под общую категорию пустошей — куканти. К этим категориям примыкали заброшенные поля (кохайдэн) вследствие стихийных бедствий — наводнений, эпидемий, бегства крестьян, резкого падения урожайности из-за низкого уровня агротехники. «Тайхо рицурё» признавал преимущественное право на пользование запустевшими полями за прежними владельцами, «Еро рицурё» ограничил это право трехлетним сроком [252, с. 40—48].

Законодательство VIII в. признавало также право частной собственности на сухие земли — усадьбы, предназначенные для строительства домов (такути), и садово-огородные (энти). Они могли наследоваться, закладываться и с разрешения властей продаваться [32, с. 109]. О критериях предоставления садово-огородных участков, как и вообще об их предоставлении, ясных сведений в сохранившихся источниках нет. Что касается усадьбных земель, то известно по крайней мере, что ни в деревне, ни в городе они не облагались налогом.

И наконец, «Тайхо рицурё» закрепил государственную собственность на горы, леса и реки. Данное положение было заимствовано из танского законодательства и преследовало цель не допустить перехода обширных земель, большая часть которых до реформ Тайка никому не принадлежала, в частные руки. Установление о государственной собственности не означало, что субъектом пользования горами, лесами и реками могло быть только государство или императорский дом. Они скорее находились в общественной собственности, поскольку, за небольшим исключением, могли свободно использоваться для добычи металлов, строительного материала, охоты, рыболовства, орошения [32, с. 334].

Реализация земельного законодательства способствовала углублению пропасти между эксплуататорами и эксплуатируемыми, феодалами и крестьянством. На практике японская знать в VIII в., опираясь на гарантии закона либо обходя его, существенно укрепила свою экономическую базу и в полной мере

смогла использовать расширяющиеся возможности увеличения земельной собственности — как предоставлявшиеся развитием аграрного законодательства, так и за счет эксплуатации крестьянства. Напротив, условия жизни подавляющего большинства населения Японии — крестьян — в действительности были хуже, чем то правовое положение, которое определял для них «Тайхо рицурё», причем ограничения для крестьян возрастали по мере снятия их для знати.

Население и его социальная структура

Точный подсчет численности крестьянского населения в VIII в. был произведен в 20-х годах XX в. Савада Гонти, впервые в Японии применившим количественные методы в историко-демографическом исследовании³. Савада опирался на весь круг источников по истории VIII в. — «Продолжение анналов Японии», книги подворных переписей, данные о числе деревень, воинов, о площади пахотных земель, — использовал источники по экономической истории IX—XI вв. и исследования историков. Окончательный вывод автора сводился к тому, что численность «добротного народа» — крестьян — в VIII в. составляла 5,58 млн. Савада не мог, конечно, показать динамику населения в течение столетия, но и установленная им средняя цифра очень важна для характеристики социального состава японского общества в VIII в., а методика доказательств автора не подвергается сомнениям.

В связи с неодинаковым числом налогоплательщиков в крестьянских дворах, рента с которых шла в пользу знати, получившей бенефиции, правительство в 747 г. установило среднее число налогоплательщиков в деревне — 280 взрослых и здоровых мужчин и 50 юношей и стариков [37, т. 1, с. 192] — всего 330 человек в возрасте от 17 до 65 лет. На основе анализа статистических данных Савада вычислил, что эта категория населения составляла 23,58 %. Отсюда было установлено и среднее число жителей одной деревни — 1399. Помноженное на число деревень — около 4 тыс., — оно дало указанную цифру — 5,58 млн. [355].

Вывод же Савада об общей численности населения в VIII в. — от 6 до 7 млн. — носит в известной мере предположительный характер, что связано с недостаточной изученностью рабства в японской историографии 20-х годов. Современные исследования японских историков показывают, что численность рабов в любом случае составляла менее 10 % численности крестьянства, а не около 1 млн., как полагал Савада. По данным подворных переписей, на севере Кюсю, например, рабы составляли 7 % населения, в районе современного города Гифу — 5, а в районе префектуры Тиба — 0,8 % (см., например, [207, с. 15]). Однако в столице и окружающих ее провинциях их, конечно, было больше. Так или иначе, можно считать, что в среднем население Японии в VIII в. насчитывало около 6 млн. или немногим больше; более

90 % составляли крестьяне, менее 10 % — рабы, менее 1 % — господствующий класс.

Незначительную долю процента составляли крепостные ремесленники (дзакко и синабэ), которые обслуживали в первую очередь императорский дом, знать и правительственные учреждения ([46, с. 140]; см. также [209]). По официальным данным, насчитывалось 2,2 тыс. дворов дзакко и 1,8 тыс. дворов синабэ. Разница между ними из источников неясна. И те, и другие занимались ткачеством, изготовлением обуви, оружия, добычей металлов, рыболовством, скотоводством. Благодаря развитию ремесла и его поощрению и те, и другие к концу VIII в. были фактически освобождены.

Бремя материального обеспечения существования и развития японского общества и государства, его хозяйства и культуры лежало на крестьянстве. Земледелие и рыболовство, ткачество и изготовление сельскохозяйственных орудий, обеспечение основных доходов государства и феодалов, военно-полицейская служба, транспортировка риса в уездные и провинциальные центры и столицу, строительство жилья, дворцов, храмов и строительство столиц в начале и конце VIII в. — все это результат каждодневного тяжелого крестьянского труда.

Социальные условия жизни крестьян в VIII в. изучены японскими историками достаточно подробно для того, чтобы их можно было реконструировать с высокой степенью достоверности [381; 282; 402; 326].

Порядок землепользования регламентировался «Тайхо рицурё», но практика осуществления наделной системы, судя по исследованию Торао Тосия [402], расходилась с законом — разумеется, не в пользу крестьян.

Выдача наделов производилась не сразу по наступлении права на надел, а в наделный год (один раз в шесть лет), причем формальности, предшествовавшие выдаче земли, растягивались почти на три года. Сначала составлялись книги подворных переписей — по состоянию на первую декаду 11-го месяца данного года [32, с. 96—97]. Право на землю имели крестьяне, чьи имена были зафиксированы в этих книгах дважды. Поэтому тот, кто родился незадолго перед переписью, вторично попадал в книги в шестилетнем возрасте, а тот, кто родился сразу после начала переписи, — в двенадцатилетнем. Завершалась перепись в 5-м месяце следующего года. Затем с осени до весны осуществлялась аграрная инспекция (кодэн) — проверялось наличие и состояние пахотной земли, наличие целины, выявлялись факты укрывательства частных земель. И лишь через два года после начала переписи, в 11-м месяце, начиналась раздача наделов, продолжавшаяся до 2-го месяца следующего года. С середины VIII в. аграрная инспекция проводилась в течение двух зим, а выдача наделов завершалась, следовательно, на четвертый год после начала переписи. Поэтому в лучшем случае крестьянин получал землю в 9—10-летнем возрасте, в худшем — в 15—16-летнем [402].

Хотя в среднем крестьянину полагалось 2 тана (21 ар) земли, но в тех районах, где ее было мало, размеры наделов уменьшались. Положения закона о предоставлении земли как можно ближе к местожительству и сплошным массивом тоже соблюдались далеко не всегда: нередко землю давали в соседнем уезде и даже провинции, причем раздробленными участками. Последнее обстоятельство делало бессмысленным строительство временного жилья, и такие земли сдавались в аренду — за 20 % урожая. Поэтому арендные отношения играли немалую роль в японской деревне VIII в. Кроме наделных арендовались общественные, должностные, ранговые, храмовые земли. Например, храм То-дайдзи, имевший владения в разных местах страны, все свои земли в районе Хокурику сдавал в аренду окрестным крестьянам [207, с. 216—218].

Цифры, приводимые Аоки Кадзуо, свидетельствуют, что большому крестьянину в условиях наделной системы прокормиться было нелегко. По данным источников, урожайность на самых лучших землях составляла 50 снопов сжатого (но не обмолоченного) риса с 1 тана, 1 сноп — это 5 сё (3,6 л) риса; в средние века 1 сё был равен 0,72 л, т. е. с 1 тана получали 180 л (1 коку) риса. Однако на средних землях урожайность была 40 снопов (144 л) с 1 тана, на худших — 30 снопов (108 л), на самых плохих — 15 (54 л). Средних и худших полей было вдвое больше, чем лучших. Средняя крестьянская семья из 10 членов (учитывая малолетних детей, не имевших права на надел) держала 1 тё 2 тана 240 бу земли (1,33 га) ⁴ [207, с. 215—216].

Расчеты, произведенные автором данных очерков на основе вышеприведенных сведений, показывают, что без учета налогов и повинностей на одного японского крестьянина в день могло приходиться от 0,63 л риса на лучших полях до 0,19 л на самых плохих (см. табл.). Эти данные относятся к самому благоприятному году. Нельзя, однако, упускать из виду, что неурожайные годы, стихийные бедствия (тайфуны, наводнения, землетрясения), эпидемии немного снижали эти цифры, а многочисленные налоги и повинности лишали крестьян значительной доли урожая, поэтому условия существования основной массы земледельцев были весьма тяжелыми.

Таблица

Урожайность с 1 тана (10,3 ар), снопы, л	Общая урожайность полей средней семьи (в год), л	Объем риса на 1 крестьянина, без учета налогов и повин- ностей, л	
		в год	в день
50 снопов, 180 л	2304	230,4	0,63
40 снопов, 144 л	1843,2	184,32	0,5
30 снопов, 108 л	1382,4	138,24	0,38
15 снопов, 54 л	691,2	69,12	0,19

Расчитано автором по [207, с. 215—216].

Фискальные обязанности крестьянства (буяку, фуэки) разделялись на натуральные налоги и различные виды отработок. Зерновой налог (со) взимался с единицы земельной площади и должен был составлять 3 % урожая. В примечании к «Еро рицурё» говорится, что с 1 тана должно взиматься 2 снопа 2 связки риса [32, с. 107]. Учитывая меры земельной площади, урожайности и меры объема, Аоки Кадзуо полагает, что налог в размере 2 снопов 2 связок риса с 1 тана был собран лишь один раз, после принятия «Тайхо рицурё». Впоследствии же, как и в VII в., размер зернового налога составлял 1 сноп 5 связок риса [208, с. 119—122] ⁵. Трехпроцентный поземельный налог, на первый взгляд, кажется небольшим, однако общая сумма только натуральных налогов, исчисленная в рисе, составляла 20 % — столько же, сколько и арендная плата. Даже без учета отработок это было тяжелое бремя при тогдашнем уровне развития производительных сил.

Второй вид натурального налога (тё) взимался тканями, или другими изделиями домашнего ремесла, или морепродуктами, металлами, другими продуктами горнодобычи в объеме, твердо установленном сначала для каждого двора, а позднее — для взрослых мужчин. Возможность уплаты этого налога обеспечивалась посадкой тутовых и лаковых деревьев, число которых устанавливалось законом в зависимости от площади садового участка.

Третий вид налога (ё) [32, с. 115—117] взимался с взрослых мужчин и поступал в фискальный департамент (минбусё), а затем, с 706 г., — в департамент финансов (окурасё). Эти средства расходовались на строительные работы и оплату принудительных отработок на строительстве. Налог ё уплачивался тканями в таком же размере, как и налог тё, а с 706 г. — в половинном размере, кроме того, рисом, солью и другими продуктами. Крестьяне, отбывавшие отработку на строительстве, от этого налога освобождались [208, с. 128, 130].

Отработочная повинность (буяку) выполнялась в пользу правительства — главным образом в столице, на строительстве (сайяку), и в провинциях. К работам в столице чаще всего привлекались крестьяне центральных провинций (Кидай) — здоровые мужчины в возрасте от 21 до 60 лет. После принятия «Тайхо рицурё» строительные отработки стали оплачиваться тканями и рисом [250, с. 88—100; 205].

В столицу крестьяне отправлялись пешком, под охраной солдат, имея с собой запас продуктов на дорогу. Отработка длилась 50 дней, в течение которых выдавались продукты питания — 8 го (1,44 л) неочищенного риса и 1 сяку соли на 10 человек в день ⁶, т. е. на каждого работавшего в день приходилось 0,144 л неочищенного риса. В дождливые дни, когда работа не велась, а также в случае болезни паек уменьшался вдвое. Крестьяне работали от зари до захода солнца, без выходных дней; только в два летних месяца в жаркое время дня предостав-

лялся двухчасовой перерыв. Оторванность от дома действовала на крестьян угнетающе, контакты между ними были затруднены из-за диалектов, что усиливало тяжесть отработочной повинности [207, с. 75—78].

Отработки в провинциях (дзацуё) контролировались губернаторами и, по «Тайхо рицурё», не должны были превышать 60 дней в год [32, с. 126—127]; в этот срок не входила транспортировка риса и других натуральных налогов в столицу. Привлекались к отработкам, включавшим строительство и ремонт дорог и ирригационных сооружений, взрослые мужчины, но в ряде случаев губернаторы заставляли работать и женщин, стариков, детей, о чем свидетельствуют жалобы крестьян центральному правительству [206; 208, с. 131—134; 217].

Воинская повинность была связана с охраной границ и выполнением полицейских функций. По «Тайхо рицурё», на военную службу одновременно призывалась $\frac{1}{4}$ часть взрослых крестьян, по «Еро рицурё», — $\frac{1}{3}$ [32, с. 183]. Учения проводились в 10 смен по 10 дней, поэтому каждый воин был занят на них 36 дней в году. Кроме того, воинов использовали на строительных работах.

И наконец, «Тайхо рицурё» предусматривал весенние принудительные ссуды риса крестьянам (суйко), подлежащие возврату после сбора урожая с уплатой ростовщического процента — 50 %, если ссуда выдавалась государством, и 100 %, если ее предоставляли частные лица [32, с. 337]. Ссуды позволяли государству и феодалам не только увеличивать доходы, но и обновлять запасы риса, которые должны были храниться от 10 до 30 лет, крестьян же ссуды лишали еще одной части урожая.

Тяжесть фискальных повинностей приводила к нарастанию социального протеста крестьян. В VIII в. были распространены главным образом низшие формы классовой борьбы: петиции и бегство. Некоторые крестьянские выступления VIII в. происходили в форме религиозных движений.

Более всего крестьяне страдали от отработочной повинности, поэтому бегство с отработок распространилось раньше всего. Уже в конце первого десятилетия VIII в. оно стало постоянным явлением [276]. Пойманных наказывали 30 ударами розг и возвращали на работу. Положение беглецов тоже было трудным: плату за строительные работы (ткани, а с 708 г. — металлические деньги) выдавали после их окончания, но истратить ее можно было только в столице, так как за ее пределами рынков в то время не было, запаса продуктов у крестьян тоже не было, а если беглецу и удавалось каким-то образом получить рис, то сварить его, не привлекая к себе внимания, было нелегко. И все же случаи бегства учащались, распространялось коллективное бегство: от нескольких человек до нескольких десятков. Убегали не только крестьяне, но и надзиравшие за ними воины. В документах VIII в. имеются донесения столичных чиновников губернатору провинции Идзумо о фактах коллективного бегства крестьян, посланных в 734 г. на строительные работы в Нанива; вместо

беглецов губернатор обязан был прислать такое же число людей [207, с. 78—79].

В начале VIII в. отмечены и случаи возникновения религиозных движений, возглавлявшихся буддийскими монахами, покинувшими официальные храмы Асука. Основной формой этих движений были молитвенные собрания. Местная знать пыталась использовать крестьян, бежавших с земли и участвовавших в движении, для освоения целины и строительства храмов в провинциях. Правительство же строго запретило монахам проповеди среди беглых крестьян и принимало меры к возвращению последних на землю [281, с. 270—272].

И тем не менее в конце 20-х годов VIII в. социальные волнения крестьянства усилились. В императорском указе, изданном в 9-м месяце 730 г., говорилось о распространении в столице и провинциях грабежей, пиратства, о молитвенных собраниях в провинциях и окрестностях столицы, в которых участвовало до 10 тыс. человек, об антиправительственных проповедях. Указ предписывал арестовывать нарушителей закона, использовать для борьбы с ними воинов [37, т. 1, с. 123]. В следующем году в ряд провинций были посланы карательные отряды для розыска и ареста «смутьянов» [207, с. 306; 307].

Кроме крестьян борьбу с властями вели также племена эдзо (айну), жившие на востоке и северо-востоке Хонсю и Хоккайдо, и хаято, населявшие юг Кюсю. В VIII в. эти племена, притеснявшиеся феодальным режимом, неоднократно поднимали восстания, жестоко подавлявшиеся властями. Часто совершались походы против эдзо и хаято с целью подчинить их центральному правительству.

Захваченные в плен аборигены являлись почти единственным источником рабства в VIII в., не считая крестьян, совершивших преступления, и, конечно, детей рабов. Отчетливо выраженный процесс становления феодальной общественно-экономической формации ослабил развитие рабовладельческого уклада. Дело здесь не только в значительном количественном превосходстве крестьянского населения над рабами, но и в формах собственности и роли рабского труда.

Рабы, работавшие на земле, не были, разумеется, заинтересованы в результатах своей деятельности, поскольку не могли распоряжаться урожаем, а в обслуживании господствующего класса участвовали не только рабы, но и крепостные ремесленники, и крестьяне. Падение роли рабского труда в VIII в. нашло выражение в законодательстве: с 723 г. наделы на рабов выдавались не с 5-летнего, а с 12-летнего возраста, а в 791 г. выдача наделов на рабов была прекращена [252, с. 55]. Это объяснялось и уменьшением числа рабов вследствие их освобождения, и сокращением фонда наделных полей, захватывавшихся знатью.

По «Тайхо рицурё», рабы делились на пять категорий: рабы при императорских гробницах (рёко), рабы правительственных учреждений (канко), домашние рабы (кэнин), государственные

рабы (кунухи), частные рабы (синухи) (32, с. 103—105). Закон разрешал семейную жизнь только первым трем категориям. Более половины всех рабов составляли наследственные частные рабы. Категория канко пополнялась за счет крестьян, обращенных в рабство за преступлением, а также детей домашних, государственных и частных рабов, рожденных от членов семьи хозяина [265; 239].

Не приходится говорить о полном бесправии рабов, юридически являвшихся движимым имуществом рабовладельца, приравненным к тягловому скоту. За одинаковое преступление рабу, как уже отмечалось, назначалось более тяжелое наказание, чем крестьянину. Специальных невольничьих рынков в Японии не было, но работорговля существовала. Корова стоила в VIII в. 600—700 снопов риса [2160—2520 л], лошадь — 800—1000 снопов [2880—3600 л]; столько же или несколько больше стоил раб. Ясно, что крестьянину покупка раба была недоступна. Большая часть рабов принадлежала центральному правительству и феодальной знати [207, с. 229—230].

Жизнь и быт господствующего класса VIII в., в особенности столичной аристократии, изучены японскими историками достаточно подробно на основе документов, сведений официальных историй и художественной литературы. Правда, в источниках нет подробных описаний имущественного положения знати в VIII в., но о нем можно составить представление по отдельным, разрозненным фактам. Родовая аристократия (кидзоку) получала земли, бенефиции, разного рода выплаты за службу, пользуясь при этом налоговыми и иными льготами, владела домами, храмами и весьма большим числом рабов [249; 390].

Правом на бенефиции пользовались принцы и высшие чиновники 1—3-го рангов, получавшие все три вида натуральной ренты (со, тэ, ё) с определенного числа крестьянских дворов. Чиновникам 4—5-го рангов вместо бенефиций выдавалось пожизненное ранговое жалованье (ироку) шелком, шелковой ватой и полотном. Остальные представители столичной знати, имевшие ранги от 6-го и ниже, правом на это жалованье не пользовались. Однако часто они были родственниками высшей знати: сыновьями и внуками чиновников до 3-го ранга и сыновьями чиновников 4—5-го рангов; поступая на службу, они автоматически получали ранги на 3—4 ступени ниже отцовского. Кроме того, все чиновники дважды в год — в первой декаде 2-го и 8-го месяцев — получали сезонное жалованье (кироку) при условии, что в минувшем полугодии они прослужили не менее 120 дней. Это право распространялось и на тех, кто имел ранг, но не имел должности (санъи): в этом случае вместо службы они должны были с раннего утра до полудня присутствовать в департаменте церемоний и чинов (сикибусё), ведавшем назначением и перемещением чиновников. Доход от ранговых и должностных земель и бенефиций давал чиновникам высших рангов более 6 тыс. коку (1080 тыс. л) риса в год [207, с. 138—140].

Налоговые льготы столичной знати тоже были весьма значительны и зависели от ранга и социального положения. Чиновники до 3-го ранга, а также их отцы, деды, братья, сыновья и внуки, чиновники 4—5-го рангов и их сыновья освобождались от всех видов налогов, кроме зернового. Остальные чиновники, дворцовая охрана и обслуживающий персонал государственных учреждений освобождались от отработочной повинности (32, с. 92). При этом привилегии аристократии не ограничивались налоговым иммунитетом. Установленные «Тайхо рицурё» пять видов наказания за преступления распространялись на эксплуатируемые классы и слои населения; аристократ же наказывался лишением должности и ранга, а его родственники — отец, мать, жена, дети — могли откупиться медью в количестве, зависящем от тяжести преступления.

Столичная знать владела также родовыми храмами, а храмы, в свою очередь, — землями. Почин положила жена одного из руководителей переворота 645 г., Фудзивара-но Каматари, решившая после его смерти, в 669 г., превратить один из домов в буддийский храм. Строительство этого храма, Кофукудзи, было завершено в VIII в.⁷ Другой аристократ, один из составителей «Тайхо рицурё», Симоцукэ-но Комаро, владел родовым храмом Симоцукэнодзи. О богатстве Комаро свидетельствует также случай его обращения к императору с просьбой разрешить ему освободить 600 рабов [207, с. 134]. Кроме рабов чиновникам до 5-го ранга предоставлялись слуги и телохранители, а принцам — пажы из числа сыновей и братьев чиновников низших рангов.

Почти все представители столичной знати несколько раз в течение жизни командировались на 2—3 года (по закону — на 4—6 лет) в провинции, на должности губернаторов (куни-но цукаса, куни-но ками), вице-губернаторов (сукэ) и других чиновников губернаторских управлений [219]. Служба в провинциях давала столичной знати дополнительные возможности для обогащения за счет обработки пустовавших земель и усиления эксплуатации крестьянства. В первые десятилетия VIII в. среди этого слоя знати были и чиновники, стремившиеся строго следовать «Тайхо рицурё» и препятствовать росту частнофеодальной собственности. К их числу относился, например, один из составителей этого свода, а затем губернатор провинций Этиго и Биго (на о-ве Кюсю) Мити-но Обитона, активно проводивший государственную политику поощрения земледелия. В этих целях он настойчиво привлекал крестьян к расширению заливных полей и созданию искусственных озер, но всемерно сопротивлялся захвату освоенных целинных земель столичной и местной знатью и храмами. Этим же отмечена деятельность Фудзивара-но Мутимаро на посту губернатора провинции Оми в 716 г. [281, с. 269—270].

К местной знати (кодзоку) относились начальники уездов (гундзи) и другие уездные чиновники (гэкан) и их родственники. По «Тайхо рицурё», уезды в зависимости от числа деревень

делились на пять категорий. Для местной знати существовала своя система рангов (гайи).

Уездные чиновники в отличие от губернских занимали свой пост пожизненно, при их назначении главное внимание уделялось наследственному положению. В VIII в. это были еще главным образом потомки бывших кун-но-мияцуко, управлявших до реформ VII в. теми же территориями. Общественное положение уездных чиновников было ниже, чем губернских, но имущественное — в ряде случаев выше. По закону о церемониале уездный чиновник, встретив по дороге любого губернского чиновника, даже самого низшего по должности и рангу, обязан был сойти с лошади и приветствовать его. Должностные же надельщики начальников уездов (6 тэ, т. е. 6,3 га) значительно превышали надельщики губернаторов (максимум — 2 тэ 6 тан — 2,73 га). Вице-начальник уезда получал 4 тэ (4,2 га), остальные уездные чиновники — по 2 тэ (2,1 га) земли [271, с. 96—97]. Разумеется, владения и имущество губернаторов далеко не ограничивались должностными землями, а уездные чиновники не получали сезонного жалования, но последние имели возможность обогащаться за счет крестьян и, кроме того, владели рабами, на которых выдавался надел и которые работали на должностных полях.

Закон гарантировал местной знати ряд привилегий. В частности, сыновья и младшие братья уездных чиновников имели право на обучение в провинциальных школах (кокугаку), существовавших во всех провинциях, за исключением центральных (Кидай). Принимали в эти школы в 13—16-летнем возрасте, обучение длилось до девяти лет. Успешно учившиеся и желавшие продолжить образование молодые люди отправлялись в столицу, сдавали экзамен в департаменте церемоний и чинов и в зависимости от его результата могли быть зачислены в столичную высшую школу (дайгаку). Тем же, кто по окончании провинциальной школы хотел сразу поступить на службу, после сдачи экзамена в столице присваивался чиновничий ранг ([32, с. 129—130]; см. также [309]).

Другой привилегией сыновей и младших братьев уездных чиновников, прежде всего начальников уездов, была служба в дворцовой охране. Сначала это была повинность, превратившаяся, по мнению Киси Тосио, в привилегию благодаря выгоды положения охранников (хэсэ). Обязательным условием для вступления в эту должность было умение хорошо стрелять из лука и ездить верхом. В каждом из двух управлений дворцовой охраны (хэсэфу) служило примерно по 400 человек. Из одного уезда туда посылали обычно одного человека: в дворцовой охране служили также старшие сыновья столичных чиновников низших рангов — от 6-го до 8-го. Охранники получали сезонное жалование и ранги [271, с. 94].

Дочерей и сестер начальников и вице-начальников уездов также посылали на службу — во дворец на должность, называвшуюся «унэмэ». Обычно из $\frac{2}{3}$ уездов на службу во дворец

посылали мужчин, а из $\frac{1}{3}$ — женщин. Последние были прикреплены к управлению обслуживания императора (тономори-но цукаса) при департаменте дворцового хозяйства (кунайсэ); их обязанностью было прислуживать императору во время обеда во дворце императрицы. Унэмэ должны были обладать хорошими внешними данными; посягать на их честь строго запрещалось. Жениться на них было трудно; их мужьями, как правило, становились столичные аристократы. Хотя должность унэмэ была одной из низших при дворе, среди них встречались женщины, дослужившиеся до 4-го и даже 3-го ранга, дававшего право на высокий пост в правительстве [246; 260]. Правда, на практике женщины не занимали правительственных должностей.

Положение уездных чиновников во многом зависело от губернаторов провинций, в компетенцию которых входили назначение начальников уездов и оценка их деятельности. Ежегодно губернаторы обязаны были объезжать все уезды и определять результативность деятельности местной администрации. Соответствующие доклады посылались в департамент церемоний и чинов, и хотя начальники уездов назначались пожизненно, низкая оценка их деятельности влекла за собой отстранение от службы. Критерии оценок были разработаны в 712 г. [37, т. 1, с. 48]. Нередко, однако, губернаторы по собственному произволу смещали начальников уездов и назначали на эти должности угодных им лиц [37, т. 1, с. 52]. От губернаторов зависели также прием родственников уездных чиновников в провинциальные школы, аттестация их в конце учебного года по результатам экзаменов, назначение в дворцовую охрану и выбор унэмэ [271, с. 100—101].

Рассмотренное выше положение классов и слоев японского общества позволяет заключить, что естественный процесс феодализации, вызвавший к жизни политику поощрения земледелия, привел к усилению имущественного и социального неравенства, углублению пропасти между знатью и крестьянством. Социально-экономическая роль крестьянства в VIII в. возросла, усилилась его эксплуатация, обострились социальные противоречия. Труд прикрепленного к земле крестьянина в лучшем случае давал ему возможность как-то прокормиться, результатами же его труда пользовался господствующий класс. Земля формально принадлежала государству в лице императора, но доходы от ее обработки распределялись среди знати, феодалов.

Эксплуатация крестьянского труда дала знати имущество и свободное время — условия, необходимые для литературного творчества, удовлетворения эстетических потребностей, развития культуры в целом.

Этнос и культура

В материальной и духовной культуре японцев в VIII в., безусловно, отчетливо прослеживаются классовые различия. Вместе с тем в культуре антагонистических классов обнаруживается

формирование некоторых черт, которые, развиваясь и распространяясь на протяжении последующих столетий, в совокупности с другими элементами, возникшими раньше или значительно позже, составили характерные признаки культуры японского этноса в целом. К их числу относятся, например, сезонное любование природой — распускающимися листьями деревьев, цветами, багряным кленом, первым снегом. Этот обычай стал распространяться в VIII в. — сначала как элемент культуры аристократии.

В первую очередь обращают на себя внимание коренные различия в материальной культуре феодалов и крестьянства, обнаруживающиеся в жилище, пище, условиях труда и быта, а следовательно, в обычаях, нравах, мировоззрении.

При известной разнице в географических условиях, положении, размерах деревень [264] крестьянское жилище VIII в. в основном было однотипно. Заметные различия в жилье крестьян в пределах одной деревни начали появляться в IX—X вв. и были связаны с процессом имущественной дифференциации крестьянства; на этапе развитого феодализма они стали уже значительными. Общеяпонский же тип жилища, по мнению этнографов, сформировался только в первой половине XIX в. [58, с. 230].

В VIII в. крестьянское жилище представляло собой землянку или полуземлянку, резко контрастировавшую с домами знати. Из раскопанных японскими археологами жилищ этого времени наиболее известны сохраняющиеся ныне в качестве музеев под открытым небом остатки деревень в Токио и вблизи Екантиба в префектуре Яманаси. Автор данных очерков в 1981 г. имел возможность ознакомиться лишь с полуземлянками первых столетий н. э., существенно отличающимися от жилищ VII—VIII вв. и размерами, и внутренним устройством, и формой крыши. Поэтому мы сошлемся на описание японского историка Аоки Кадзуо, осмотревшего в 1958 г. жилище из деревни Хираидэ в префектуре Нагано. Это — землянка глубиной 50—60 см, относящаяся к III в., однако существование такого жилища и в VIII в. не было редкостью (раскопки велись с 1947 по 1953 г. токийскими археологами под руководством Оба Ивао).

Конструктивную основу жилища составляли четыре несущих столба, на которых укреплялась тростниковая крыша, низко спускавшаяся к земле и почти закрывавшая стены. Над входом часть крыши была приподнята. Высота жилища — 5—6 м, размеры — примерно 6 м с каждой стороны. Пол — земляной, ночью на него стелилась солома. Внутри стены дома были покрыты древесной корой; никаких перегородок в крестьянском доме в отличие от домов горожан не было. В противоположном от входа скате крыши — отверстие-дымоход. Слева от входа располагался большой глиняный очаг, по обеим сторонам которого были вырыты углубления для хранения пищи. Глиняная утварь — кувшины, горшки — стояли вблизи очага. В таком доме жила семья, состоявшая из 9—10 человек [207, с. 201—205].

Год крестьянской семьи начинался с синтоистского праздника весны, восходившего к первобытной традиции и проводившегося накануне вспашки поля. Крестьяне собирались на праздник с едой и сакэ. В раннее средневековье торжествами руководили синтоистские жрецы. Стержнем праздника были моления о хорошем урожае; крестьянам сообщалось также содержание новых законов и императорских указов. После праздника крестьяне приступали к обработке поля, для чего применялись железные мотыги двух видов — ски и кува. Первые были заостренными и использовались для вскопки земли, вторые имели форму угла, ими переваливали землю. По данным археологических раскопок, в VIII в. железные мотыги были распространены довольно широко; письменные источники свидетельствуют, что металлические сельскохозяйственные орудия ценились весьма высоко: их выдавали части чиновников, а на столичном рынке мотыга во второй половине VIII в. стоила 5,4 л риса.

С древности было известно два способа посадки риса — семенной, непосредственно в грунт (дзикамаки), и рассадой, выращенной на специальном поле (навасиро). Последний способ был распространен в районах с поздней весной и ранней осенью, а также с недостаточным орошением и требовал меньшего количества семян. Однако при посеве непосредственно в грунт всходы были сильнее, а корни не подвержены болезням.

Во время жатвы тоже использовались металлические орудия — железные серпы. Жали рис также двумя способами — без стебля под колос (эйто) и со стеблем, срезая его непосредственно над землей. В первом случае сжатые колосья толкли пестиком в деревянной ступке. Вторым способом, видимо, применялся чаще. В этом случае рис извлекали в два этапа: сначала отделяли стебли, а затем извлекали нелущеный рис. Солому использовали для изготовления мешков и для постели.

Зерновая рента-налог взималась нелущеным рисом; семенной рис необходимо было хранить со стеблем, иначе не было ясно, ранний или поздний это сорт. В качестве платы за ссуду (суйко) взимался рис, сжатый под колос.

После сбора урожая устраивался синтоистский праздник благодарения богам. Зимой мужчины часто отбывали отработочную повинность, женщины ткали, плели мешки, лущили рис [207, с. 218—221].

Собранный с крестьян зерновой налог не расходовался, а складывался в уездные и провинциальные амбары; там же хранили вареный высушенный рис (хосини), который употребляли в пищу сразу после размачивания водой, сакэ, соль и просо. Большая часть налогового риса в 708 г. на случай неурожая или стихийных бедствий была опечатана как неприкосновенный запас и изъята из ведения начальников уездов и губернаторов провинций. В IX в. эти запасы были свезены в столицу для раздачи феодалам, а в X в. в связи с распадом надельной системы никаких запасов не осталось. В столицу отправлялся очищенный

белый рис (сёмай), который был легче сжатого под колос [208, с. 142—144].

В 3-м месяце 710 г. столица Японии была перенесена из Фудзивара в Хэйдзэй [37, т. 1, с. 43], построенный в местности Нара. Причинами были голод и эпидемии, а также потребность растущего государства и господствующего класса в более обширных дворцах, присутственных местах для чиновников, территории для строительства домов знати, буддийских храмов [316; 445]. Хэйдзэй оставался столицей до переноса ее в 784 г. в Нагаока, хотя и в течение этих десятилетий императорский двор несколько раз временно переезжал в другое место.

До конца XIX в. о Хэйдзэй было известно главным образом из скудных письменных источников. Местонахождение отдельных его частей, в частности императорского городка (дайдайри), где находились и правительственные учреждения, обнаружил в 1899 г. инженер Сэкино Тадасу, занимавшийся ремонтом храмов в Нара [374]; археологические раскопки Хэйдзэй велись в 50—60-х годах XX в. [50].

Хэйдзэй был построен по образцу китайской столицы Чаньани, занимал площадь около 20 кв. км, а его население насчитывало почти 200 тыс. В архитектурном облике городка — дворцах, домах знати, буддийских храмах — сочеталось два стиля: китайский, танский, и японский [130; 117]. Регулярные связи с Китаем, прерванные в начале 70-х годов VII в., возобновились с 701 г. Японская знать изучала китайскую духовную культуру, из Китая ввозились предметы роскоши, в Китае учились японские буддийские монахи.

Императорский дворец (дайри) в Хэйдзэй был построен в японском стиле [263; 195], а окружающие его здания и дома знати в китайском. Традиционные японские здания опирались на столбы, врытые в землю. Пол строили высоко над землей, стены были деревянными, крыша — из тростника и коры дерева хиноки (разновидность кипариса). Буддийские храмы в китайском стиле строились еще в VII в., а жилые дома знати — в начале VIII в., что подтверждается археологическими раскопками 30-х годов. Они возводились на каменном фундаменте, имели колонны, окрашенные в красный цвет, белые стены, пол из обожженного кирпича (сэн) и черепичную крышу.

Бедные горожане Хэйдзэй, занятые обслуживанием знати, подобно крестьянам жили в полуземлянках. Однако власти, озабоченные внешним обликом столицы, в 724 г. издали указ, предписывавший всем горожанам строить дома в китайском стиле, с красными колоннами и белыми стенами. По китайскому же образцу в Хэйдзэй высаживали зеленые ивы [207, с. 84—87].

Столица просыпалась рано. На рассвете звонили колокола в буддийских храмах. В управлении астрономии и календаря (онтёре) специальный чиновник (рококу хакасэ) наблюдал за водяными часами, и по его указанию его помощники (сюсинтэй) подавали сигналы времени — ударяли в маленький барабан опре-

деленное число раз. Одновременно охрана открывала ворота дворцового городка.

Примерно через час раздавался второй сигнал, вместе с которым открывались двери правительственных учреждений, а чиновники в служебной одежде должны были отправляться в присутствие. Звук барабана, по мнению специалистов, слышался на расстоянии в 1 км. Улицы быстро заполнялись чиновниками, которые пешком и на лошадях спешили на службу. Во дворец, в зависимости от сезона, направлялись также губернаторы провинций со свитой либо их гонцы — для докладов по административным и финансовым вопросам.

В полдень снова раздавался удар барабана, чиновники покидали присутственные места, открывались базары — восточный и западный, куда перемещался центр послеполуденной жизни города. Продавали ткани, одежду, пищу, домашнюю утварь, сельскохозяйственные орудия. Торговали и краденым — сохранились документы о краже вещей низшими чиновниками.

Вечером в дворцовом городке снова бил барабан, а в городе звонили храмовые колокола. Закрывались ворота дворца и базары. Вечером в Хэйдзэй было тихо, трактиров в японской столице в отличие от Чаньани не было, ходить по улицам ночью без особой необходимости запрещалось. Слышались только лай собак и шаги патрульных.

Осенью и в начале зимы в городе наступало оживление. В 10—12-м месяцах из провинций привозили натуральную ренту; в район, где находились амбары финансового и фискального департаментов, пригоняли коров и лошадей, на которых привозили рис и ткани, приходили крестьяне, переносившие грузы на себе. Зимой в Хэйдзэй было много крестьян, отбывавших отработки на строительстве [207, с. 87—91].

Власти насаждали среди чиновников конфуцианство, в школах для детей знати изучались конфуцианские книги и практика применения конфуцианских идей в государственном управлении (кэйгаку), двор требовал соблюдения этикета (ли) в присутственных местах. Но если в служебных отношениях чиновников принципы конфуцианства так или иначе соблюдались, то жизненной моралью, нормой личной жизни знати оно не стало.

В начале VIII в. идеалом японской аристократии стал тип «благородного мужа» (мияби), нашедший отражение, в частности, в поэтических антологиях VIII в. Признаком благородства были сезонные любования природой и садами, светские приемы и пиры, чувственная любовь [281, с. 267—268]. Развлечением на приемах были стихи и песни; в некоторых домах знати по вечерам читали книги при свете масляного светильника. Угощение на пирах было весьма обильным. В источниках упоминаются овощи, мясо, птица, морская трава, ракушки и рыба. Поскольку Хэйдзэй находился сравнительно далеко от моря, то последние употреблялись, как правило, в сушеном или соленом виде. В повседневной жизни и знать, и крестьяне чаще всего ели рис.

Питание у всех классов общества было двухразовым; крестьяне питались почти исключительно рисом. В императорских указах регулярно говорилось о буддийском запрете уничтожать живое, однако на жизни аристократии это не отражалось. Знать требовала от крестьян соблюдения запретов, но сама употребляла в пищу мясо [207, с. 145—146].

Большой ущерб наносили обществу стихийные бедствия и болезни. В «Продолжении анналов Японии» отмечаются довольно частые землетрясения и эпидемии, во время которых погибало множество людей — и крестьян, и знати. В столице и провинциальных центрах жили лекари, лечившие феодалов, но против эпидемий они были бессильны. Рабы изготавливали и продавали крестьянам какие-то таблетки и порошки, однако, судя по источникам, это было мошенничеством — такие лекарства в лучшем случае оказывались безвредными. В правительственных указах больным крестьянам строго запрещалось употреблять такие таблетки и порошки.

Одной из самых губительных была эпидемия оспы, начавшаяся в 735 г. на о-ве Кюсю и за два года распространившаяся на всю страну. В 6-м месяце 737 г. правительство разослало во все провинции инструктивное письмо о лечении оспы, поручив губернаторам сообщить его содержание всем крестьянам. В письме подробно описано течение болезни: сильный жар, сыпь, появляющаяся через несколько дней на 3—4 дня, жажда, которую нельзя утолить, понос, начинающийся после того, как пройдет сыпь и спадет жар. Болезни могут сопутствовать кашель, рвота, кровохарканье, кровотечение из носа. Основной метод лечения — диета и тепло: необходимо хорошо укутывать живот и поясницу, ни в коем случае не переохлаждаться, не лежать на земляном полу; кормить больного надо жидким рисом и супом из проса. Нельзя есть свежую рыбу, холодное мясо, сырые овощи, фрукты, пить сырую воду. При поносе необходимо как можно больше употреблять вареного лука и лука-порея, но если жар не спадет, то можно пить только морковный отвар. Диета должна соблюдаться и 20 дней после выздоровления. В это время нельзя переохлаждаться, находиться на улице под дождем и при ветре. Через 20 дней можно есть хорошо прожаренные рыбу и мясо, но следует воздержаться от употребления скумбрии, ставриды и вяленой рыбы [207, с. 314—316].

С эпидемией 735 г. связано усиление социальной роли официального буддизма. Разумеется, эпидемия была только одним из поводов для развернувшегося строительства новых храмов. Более глубокие причины заключались в стремлении пресечь отмеченное выше антиправительственное религиозное движение, подавить чувства народа величием огромных храмов и буддийских статуй. Это отвечало и желанию императора Сёму — поклонника буддизма, приблизившего к себе монаха Додзи, который, в частности, настаивал на повышении роли монахов в государстве. Сказалось и китайское влияние.

В 737 г. было учреждено правительственное ведомство по созданию буддийских статуй, начальником которого назначили Косэ-но Надэмаро [281, с. 283—284]. В том же году был издан указ о создании в каждой провинции по одной статуе Будды и по две статуи бодхисаттв [37, т. 1, с. 143].

Вслед за этим началось строительство официальных провинциальных храмов (кокубундзи), в каждом из которых устанавливалась статуя сидящего Будды высотой 4,8 м (дзёроку) [27; 415; 240; 229]. Главным из этих храмов стал столичный Тодайдзи; в основном его здании (высотой 49 м) и ныне находится самая крупная в Японии 16-метровая статуя Будды Вайрочана (Бирусяна). Императорский рескрипт о создании статуи датируется 10-м месяцем 743 г. [37, т. 1, с. 175].

Строительство храмов сопровождалось ростом их земельных владений не только за счет освоения целины, но и в результате императорских пожалований из государственного и общественного фонда. Так, в 12-м месяце 749 г. храму Тодайдзи было передано 4 тыс. крестьянских дворов в качестве бенефиций и, кроме того, подарено 200 рабов [31, т. 1, с. 206].

Создание статуи Большого Будды Вайрочана было завершено в 752 г. По этому случаю император посетил Тодайдзи [31, т. 1, с. 213—214], где состоялась торжественная церемония с участием знати и 10 тыс. монахов. Китайца Сигэо с полным основанием видит историческое значение создания Большого Будды в слиянии государства и буддизма, в объединении правящих кругов и верхушки буддийских монахов, в ослаблении религиозного движения крестьян [281, с. 291—293].

Кроме официальных строились родовые храмы аристократии (удзидзэра), религиозных организаций монахов. В Хэйдзэй были перевезены также крупнейшие храмы из Фудзивара — Кофукудзи, Якусидзи, Дайандзи и др. Усиление роли буддизма объективно способствовало развитию архитектуры и скульптуры [105; 342; 338; 354; 228].

Буддийские статуи стали изготавливать в Японии начиная с 50-х годов VII в. Ранее всего распространилась бронзовая и деревянная скульптура, в 70-х годах VII в. — начале VIII в. — из папье-маше и глины. В VIII в. главное место занимала скульптура из бронзы, папье-маше и глины, изготавливались также деревянные и каменные. Большинство сохранившихся до настоящего времени статуй, датируемых VIII в., изготовлено в упомянутом правительственном ведомстве, но в Хэйдзэй существовали и не связанные с ним цехи.

Бронзовая скульптура конца VII — начала VIII в. представлена известной триадой (сандзон) из храма Якусидзи, изображающей будду Якуси, излечивающего людей и предотвращающего стихийные бедствия, и обычно сопутствующих ему бодхисаттв лунного сияния (Гакко босацу, справа) и солнечного сияния (Никко босацу, слева). Храм построен в конце VII в. по указанию императора Тэмму в связи с болезнью его жены (позднее —

императрица Дзито), а в 710 г. перевезен в Хэйдзэй. Письменные источники сообщают, что статуя Якуси изготовлена в 697 г. Этой же точки зрения придерживаются многие японские историки и искусствоведы. Однако вопреки мнению Иэнага Сабуро [109, с. 61] она не является полностью доказанной. Ряд специалистов полагают, что статуя Якуси изготовлена в Хэйдзэй, т. е. после 710 г. Работы, в которых обосновывается данная точка зрения, продолжают выходить. В частности, Мацубара Сабуро высказал мнение, что вся триада отличается от раннетанского стиля и была изготовлена в 717—728 гг. [299].

Установление времени изготовления триады из храма Якусидзи имеет существенное значение для выявления процесса развития буддийской скульптуры в Японии. Нам, в частности, представляется наиболее обоснованной концепция Куно Такэси, сводящаяся к тому, что раннетанский стиль буддийской скульптуры определился в 644—658 гг. Особенности его — круглое лицо Будды, мягкое выражение лица, тонкая одежда Будды. К 675 г. формирование раннетанского стиля завершилось — лицо Будды приобрело черты взрослого, зрелого человека, стало глубокомысленным. В этом стиле, заимствованном Японией, и выполнена, по Куно, в 90-х годах VII в. триада из храма Якусидзи. Действительно, главная статуя (хондзон) Будды Якуси находится на постаменте, с которого низко свисает тонкая материя. Лицо Будды — круглое, волосы на голове уложены в форме ракушек. Щеки сильно напряжены, подбородок — двойной. Брови — тонкие, глаза — удлинённые, в форме разрезанного абрикоса (может быть, оттого что абрикос использовался как лечебное средство). Улыбка исчезает с губ, на лице нет страдания. Складки одежды близки к естественным. Фигуры бодхисаттв немного согнуты в поясе, одна нога согнута в колене, другая опирается на постамент. Для сохранения равновесия верхняя часть тела немного отклонена назад. Однако голова обращена прямо вперед, как у совершенно вертикальной статуи. По-видимому, это объясняется тем, что мастера скульптуры не научились еще передавать большую статую в движении. Наконец, лица Будды и бодхисаттв в отличие от более ранних статуй имеют уже не детский, а взрослый облик [288, с. 330—334].

Вершиной бронзовой скульптуры VIII в. являлась упомянутая выше статуя Большого Будды из храма Тодайдзи, первоначально отлитая под руководством скульптора Куни-но Кимимаро, потомка переселенцев из корейского государства Пэкче. Однако вследствие пожаров статуя неоднократно повреждалась, а затем восстанавливалась. Большая часть ныне существующей статуи изготовлена в XVII в., с VIII в. сохранилась только часть колена и лепестки лотоса [288, с. 337].

Широкое распространение получила в VIII в. скульптура из папье-маше (кансицудзо), технология изготовления которой была заимствована в Китае. Поскольку термин «кансицу» употреблялся для обозначения двух типов скульптур — из папье-маше

и деревянных с лакированным покрытием, то для уточнения в первом случае иногда применяется заимствованный в Китае термин «даккацу» (даккацу кансицудзо). Скульптура этого типа изготовлялась следующим образом: сначала лепилась глиняная основа, на которую с помощью лака в несколько слоев плотно наклеивалось полотно. Сверху наносился слой размельченной в порошок глины, а затем — несколько слоев лака, в котором предварительно хорошо размешивался порошок шлифовального камня. После этого внутренняя глиняная основа извлекалась, и скульптура отделялась, рисовались брови, зрачки, ресницы.

Ценность представляет скульптура небольшого зала Сангацудо в храме Тодайдзи. В настоящее время там находится 14 статуй VIII в. — из папье-маше и глины. Глиняные статуи перенесены в этот зал в связи с повреждениями или разрушением залов, в которых они находились прежде. За исключением одной, относящейся к 822 г., все они изготовлены во второй половине VIII в. Скульптуры из папье-маше созданы до 748 г. под руководством Куни-но Кимимаро и с самого начала были установлены в Сангацудо. Крупнейшая из них — четырехметровая статуя одной из семи бодхисаттв Каннон (Авалокитешвара) — Каннон с поясом (Фукукэнсаку Каннон), стоящая на лепестках лотоса. Величавая поза, живое лицо взрослого, зрелого человека. Губы сжаты. Три глаза. Одежда тонкая, через нее виден изгиб колена. С груди свисают украшения. Слегка расставленные ноги и согнутые колени говорят о тяжести верхней части тела, имеющей шесть рук. Шапка украшена 30 тыс. драгоценных камней, в ее передней части — маленькая серебряная статуя Будды. В руках — цветок лотоса, буддийский посох — предостережение силам зла, с рук свисает широкий пояс — символ спасения всего живого. Эта статуя представляет зрелый стиль японской буддийской скульптуры VIII в. [288, с. 338—339].

Справа от Каннон в настоящее время находятся глиняные статуи бодхисаттв Никко и Гакко (высота — 206,8 см). Тела их пропорциональны, одежда производит впечатление тонкой. Изящные лица очень похожи — видимо, статуи были изготовлены в одной форме, а затем подправлены. Они еще оригинальны, впоследствии же, во второй половине VIII в., в связи с ростом числа буддийских статуй усиливается их формализация, типизация. В это же время распространяются деревянные статуи с лакированным покрытием (мокусин кансицудзо). Для их изготовления из дерева вырезалась форма, на которую затем наклеивалась материя и наносилось несколько слоев лака. И наконец, в конце VIII в. начинает широко распространяться чисто деревянная скульптура (из дерева хиноки), которая в IX в. заняла главное место в японской буддийской скульптуре [288, с. 340—342].

Развитие духовной культуры японской аристократии в VIII в. тесно связано с письменной традицией. Здесь китайское влияние оказалось весьма плодотворным и неискоренимым (и в современном японском языке до 70 % слов, большая часть пословиц,

поговорок, идиом имеет китайское происхождение). Заимствование сложной, многозначной, но удобной, богатой многообразными оттенками иероглифической письменности, где каждый знак — не просто символ, а передатчик смыслового значения (а нередко — ряда значений) и к тому же — богатый историко-культурный источник, дало толчок развитию литературы, образования, историографии.

Один из основных способов использования китайских иероглифов был заимствован в Пэкче и заключался в том, что к японским словам (сначала — к существительным, а затем и к другим частям речи) подбирались соответствующие по смыслу иероглифы. Этим способом, получившим название «манъёгана», написаны первый историко-литературный памятник японской письменности — «Хроника древних событий» («Кодзики»), поэтическая антология «Сборник множества стихов» («Манъёсю»). Вместе с тем среди знати получил распространение древнекитайский письменный язык *вэньян*, именовавшийся в Японии, как и в Корее, «ханьским письмом» (камбун) [346; 345].

С развитием письменности связано распространение поэтического творчества и создание антологий. Стихи сочиняли феодалы, императоры, крестьяне.

Первая антология (на древнекитайском языке) — «Думы о ветре» («Кайфусо») — появилась в 751 г. и была составлена из стихов второй половины VII — первой половины VIII в. Более известна упомянутая выше вторая антология — «Сборник множества стихов», включающая около 4,5 тыс. стихов и песен, в основном VII—VIII вв. Имена составителей и точная дата завершения сборника неизвестны, но известно, что много сил в его подготовку вложил Отомо-но Якамоти (718—785).

Среди известных авторов песен «Сборника множества стихов» — Каки-но Мотохитомаро, Ямабу-но Акахито, Нуката-но Окими. Круг авторов был весьма широк: члены императорской семьи, аристократы, монахи, крестьяне, воины. Содержание песен — красота природы, любовь, урожай, крестьянский труд [19]. Наряду с художественными достоинствами и бесспорной литературной, эстетической ценностью обе антологии содержат богатый материал о жизни, быте, обычаях феодалов и крестьянства, и с этой точки зрения тоже привлекают возрастающее внимание историков и этнографов [321].

Тогда же, в VIII в., были созданы первые исторические памятники — «Хроника древних событий» и «Анналы Японии». Попытки описать происхождение японского государства и передать потомкам знания о прошлом, как уже отмечалось, предпринимались и раньше, но до конца доведены не были. История создания «Хроники древних событий», судя по предисловию составителя О-но Ясумаро, восходит к указу императора Тэмму (672 г.), в котором говорилось, что в имеющихся императорских анналах и древних хрониках появилось много ошибочного и ложного и они утратили свой первоначальный смысл. Между тем

эти документы — основа управления государством, деятельности императора и воспитания народа. Указ предписывал собрать сохранившиеся документы, исправить их и записать для потомков. Эта работа была поручена 28-летней придворной Хиэда-но Арэ, отличавшейся феноменальной памятью. Однако в то время хроника не была написана, ее по поручению императрицы Гэммё в 711—712 гг. составил О-но Ясумаро [48, с. 12—13; 119; с. 54—78].

Работа над «Анналами Японии» тоже началась в правление Тэмму. В 681 г. император собрал во дворце 11 принцев и аристократов и приказал им составить историю. Сначала использовались только императорские анналы, дневники и хроники, но затем количество источников возросло за счет документов правительства, буддийских храмов, дневников отдельных лиц, китайских и корейских исторических сочинений [234, с. 13—14]. Однако эта работа также осталась незавершенной. Она была возобновлена по указу императрицы Гэммё, изданном во 2-м месяце 714 г. [37, т. 1, с. 55], и закончена в 720 г. Руководителем подготовки «Анналов Японии» на заключительном этапе был принц Тонэри. Участие О-но Ясумаро в этой работе сомнительно. Во всяком случае, в «Продолжении анналов Японии», где говорится об этой работе, его имя в этой связи не упоминается. Ничего не говорится и о тех фактах, которые О приводит в предисловии к «Хронике древних событий».

Мифология, занимающая значительную часть «Хроники древних событий» и «Анналов Японии» и объясняющая происхождение Японии божественным творением, отвечала политическим интересам господствующих кругов. Как известно, до поражения японского империализма во второй мировой войне она использовалась империалистической пропагандой в целях обоснования превосходства японцев над другими народами. В остальном же она представляет интерес как с литературно-художественной точки зрения, так и для анализа мировоззрения древних японцев.

Сами по себе мифы как форма доисторического мышления не могли отражать реальных событий, но могли быть затем дополнены фактами, превратившимися в легенду. Однако в каждом конкретном случае подлинность такого факта, а тем более — аллегории, нуждается в тщательной проверке и доказательствах.

В японской официальной историографии последних десятилетий XIX — первых десятилетий XX в. наряду с верой в подлинность основания государства в 660 г. до н. э. мифическим императором Дзимму, восходящей к раннефеодальной традиции, распространялась плоская и бездоказательная рационализация мифов, начатая учеными-конфуцианцами еще в XVIII в. Основоположник научной критики письменных памятников VIII в. Цуда Сокити в ряде исследований, опубликованных во втором-третьем десятилетиях XX в., убедительно доказал, что нет оснований для такой рационализации. На базе анализа широкого круга источников Цуда пришел к выводу, что ни письменные, в частности китайские,

ни археологические и другие источники не подтверждают реальности событий, которые обнаруживались конфуцианцами-рационалистами и их последователями в мифах и легендах «Хроники древних событий» и «Анналов Японии». Действительно, отождествление «небесной страны» Такаманохара с какой-то заморской страной, сказочной змеи Ямато-но ороги⁸ — с племенем эмиси или попытка увидеть поездку принца Инахи за пределы страны в том факте, что он «вошел в море», — это не более чем произвольное, ненаучное толкование текста мифов, в лучшем случае не выходящее за пределы недоказуемой гипотезы [438, с. 5—7]⁹.

В конце VIII в., в 791—797 гг., была написана вторая из шести официальных историй — «Продолжение анналов Японии», охватывающая, как уже отмечалось, 697—792 гг. По сравнению с «Анналами Японии» — это более сжатые, сухие императорские анналы, содержащие краткие сведения об основных событиях при дворе и в стране, изложение императорских указов, сведения о награждении знати, присвоении рангов, официальных церемониях. «Продолжение анналов Японии» состоит из двух равных по объему частей, первая охватывает 61 год, вторая — 34, поэтому вторая часть несколько подробнее. Ее основным автором был правый министр Фудзивара-но Цугутада, умерший в 796 г. Работу над первой частью завершил воспитатель наследного принца Сугано-но Мамити. На первом плане, как и прежде, была морально-назидательная функция истории. Авторы «Продолжения анналов Японии» полагали, что история должна описывать лишь то, что имеет воспитательное значение, и то, что нравственно, а не жизненные подробности; именно поэтому была сокращена первая часть, сначала состоявшая из 30 свитков, а в процессе работы сведенная к 20 [207, с. 8—10].

Еще одним видом письменных памятников VIII в. являются отчеты губернских управлений, позднее получившие название «Историко-географические описания провинций» («Фудоки»). Составлены они по указанию правительства от 2-го числа 5-го месяца 713 г. в связи с проверкой и разделением провинций. Термин «фудоки» впервые упоминается в докладе чиновника Миёси-но Киёцура, относящемся к 914 г. [207, с. 129—130]. Сохранились описания провинций Харима, Хитати, Идзумо, Бунго и Хидзэн [13; 14].

Подъем культуры в VIII в. стал предпосылкой ее дальнейшего развития: совершенствования уже сложившихся форм, видов и жанров, появления новых, освобождения от преобладающего китайского влияния и развития японских элементов, расширения субъекта культурной деятельности, прогресса техники сельскохозяйственного производства, ткачества, строительства. Но прогресс культуры был бы невозможен без развития ее материальной основы — роста производительных сил.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ ВОТЧИННОЙ СИСТЕМЫ. КРЕСТЬЯНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

Возникновение и развитие вотчинной системы, включавшей феодальное землевладение и крестьянское землепользование и существовавшей в Японии более восьми столетий (середина VIII—XVI в.), — ключевая проблема социально-экономической истории японского феодализма, остающаяся, однако, практически неизученной в советской историографии. В данной главе ставится задача рассмотреть генезис вотчинной системы в рамках ранне-средневекового периода истории Японии.

В процессе хозяйственного освоения японской земли во второй половине VIII в. отчетливо обнаружились противоречия принципа государственной собственности на землю и практики его осуществления. И столичная аристократия, и местная знать, не довольствуясь предоставленными по закону землями, бенефициями и привилегиями, стремились к всемерному расширению своих владений. Государственная политика поощрения земледелия при всех попытках сохранения наделной системы так или иначе приводила к постепенному снятию ограничений для развития частной феодальной собственности. Переход земли в частные руки, начатый с освоения целины в VIII в., распространился и на крестьянские наделы, захватывавшиеся феодалами путем принудительного обмена плохих земель на плодородные, покупки либо вследствие бегства крестьян.

Процесс обезземеливания и расслоения наделного крестьянства во второй половине VIII в. зашел уже весьма далеко. Беглые и лишившиеся земли крестьяне, обязанные, однако, выполнять фискальные повинности, стремились освободиться от государственной зависимости, но, переходя с этой целью во владения феодалов, меняли лишь форму кабалы. Наиболее зажиточные крестьяне за счет аренды и покупки полей укреплялись на земле, пополняя ряды мелких землевладельцев, большинство же по мере захвата земли феодалами попадало в зависимость от крупных собственников, становясь арендаторами или держателями земельных участков. Сословное бесправие усиливало эту зависимость.

Основной формой крупного землевладения, развившейся в ходе разложения государственной собственности, стали феодальные вотчины (сёэн). Существование государственной собственности обусловило длительность процесса становления вотчинной системы в Японии, охватывающего более четырех столетий (середина VIII—середина XII в.). На протяжении этого времени менялись формы крестьянской зависимости, ренты, вотчины

расширялись, усиливалась эксплуатация. Складывались феодальная иерархия и феодальное право, реализовывавшееся не в форме общегосударственных законодательных актов, как при наделной системе, а в виде признания права владения и иммунитетов отдельных собственников.

Выше уже отмечалась деятельность школы Нисиока Тораносукэ, внесшей заметный вклад в конкретные исследования вотчинной системы и ее структуры. Еще в довоенных работах Нисиока отчетливо выделялось два типа образования вотчин: на целинных землях и в результате пожертвования [335]. Первые (дзиконтикэй, кондэнтикэй) возникли вследствие разработки государственных земель, вторые (кисинтикэй) — в результате пожертвования мелкими местными землевладельцами своих полей крупным феодалам при сохранении права на часть ренты. Причиной пожертвований было стремление получить налоговый иммунитет, следствием — вассальная зависимость жертвователя. В послевоенных исследованиях японских историков был выделен и третий тип — вотчины, созданные на государственных землях вследствие постепенного перехода права на ренту из рук государства в руки отдельных феодалов [311, с. 43—44]. В этом случае возникновению поземельного господства предшествовало установление господства над людьми.

Однако критерии, положенные в основу такой типологии, различны: в одном случае — это объект земельной собственности, в другом — способ получения владения, в третьем — иммунитет. Разработка целины велась как столичной знатью, так и местными землевладельцами, причем в последнем случае целина одновременно была и объектом разработки, и объектом пожертвования; права феодалов на ренту и налоговый иммунитет были признаны практически за всеми вотчинами, поэтому иммунитет не может считаться основным критерием типологизации вотчин.

Анализ генезиса вотчинной системы предполагает выделение ряда типологических групп в зависимости от объекта формирования и субъекта земельной собственности, способа ее приобретения, форм ренты и крестьянского землепользования, объема прав вотчинника.

Источником формирования вотчинных земель стали разрабатываемая целина, должностные и ранговые владения знати, а также храмов, наделные поля крестьян и свободные общественные земли, находившиеся в ведении губернаторов провинций. Целина осваивалась на законном основании, крестьянские и общественные земли, как правило, захватывались, что приводило к конфликтам между губернаторами и землевладельцами, к усобицам феодалов и крестьянским выступлениям. Пожертвование земли являлось добровольным актом, однако его объектом были земли, уже превращенные в частную собственность. Вотчины создавала столичная аристократия, храмы, средняя и низшая титулованная знать, местная знать (служащие уездных управлений) и общинная верхушка.

Формы ренты и землепользования, объем прав землевладельцев изменялись в процессе становления вотчинной системы, прошедшего три основных этапа.

Первый из них — середина VIII—середина X в. — характеризовался активным захватом и освоением земель, формированием ранних вотчин, разделением полей на домен (цукуда) и земли держателей и арендаторов (сёдэн). В доменах преобладала отработочная рента. Правительство (министры, фискальный департамент) признавало право крупных собственников на землю, что сопровождалось выдачей официального документа или отправкой соответствующего письма феодалу либо губернатору провинции. Кроме обрабатываемых полей крупные феодалы приобрели в это время большие массивы неразработанных земель.

На втором этапе (вторая половина X—XI в.) произошло укрупнение вотчин за счет пожертвования и захвата новых земель, установления господства над слоем формально независимого крестьянства. Преобладающей формой крестьянского землепользования стала аренда, решающее значение приобрела продуктовая рента. Внутри вотчин сократилась доля доменов и увеличилась площадь земель держателей. Сложилась феодальная иерархия во владениях и военных и гражданских собственников. Многие вотчины получили налоговый иммунитет и право территориальной неприкосновенности.

Завершилось становление вотчинной системы в первой половине XII в., когда арендные земли были превращены в держания крестьян. Рента взималась в смешанной форме (продуктовая и отработочная), ее объем и виды значительно возросли. Усилилась личная зависимость крестьян от феодалов, заметно повысилась норма эксплуатации.

Разумеется, конкретные процессы развития вотчинной системы сложнее и многообразнее отмеченных типичных признаков; смена форм землепользования или ренты происходила в результате длительного развития, и ни одна из них не существовала в чистом виде; пожертвование земель имело место и до X в., а арендное хозяйство в вотчинах получило заметное развитие с середины IX в. Имелись определенные различия форм развития вотчин в столичном районе (Кидай), на востоке — северо-востоке Хонсю, на Кюсю. Однако эти различия не изменяли социально-экономической сущности вотчинной системы.

Развитие вотчин
и распад наделной системы
(середина VIII—середина X в.)

Упомянутый выше закон 743 г., признававший право вечной частной собственности на вновь разработанные целинные земли, стимулировал развитие вотчин, захват земли и расслоение крестьянства. Столичная знать, периодически служившая в губер-

наторствах и управлявшая землями провинций, всемерно использовала свое положение для захвата земель. Ведая раздачей узаконенных принудительных ссуд (суйко) крестьянам, губернаторы значительно превышали установленный объем ссужаемого риса, а полученные в качестве процентов излишки присваивали. Накапливаемые запасы использовались для посевов на частных землях. К обработке своих полей губернские чиновники привлекали крестьян, отбывавших трудовую и воинскую повинности.

Со второй половины VIII в. губернские чиновники, увеличившие свои владения, после окончания срока службы нередко оседали на земле либо оставляли во владениях своих сыновей [283, с. 82—83].

Освоением земель занимались также уездные чиновники и зажиточные крестьяне — общинная верхушка. И те и другие использовали труд беднеющих и обезземеливающихся крестьян, страдавших из-за тяжести налогов и повинностей. Вследствие этого бегство крестьян с земли во второй половине VIII—IX в. приобрело массовый характер и вместе с развитием частнофеодальной земельной собственности стало одной из причин разложения государственной надельной системы [423; 306].

Местные землевладельцы наряду с ведением собственного хозяйства управляли частными землями принцев и родовой аристократии, используя влияние своих столичных сюзеренов в целях укрепления собственных владений. Для обработки полей управляющие (сётё, дэнси) и местные землевладельцы (сизйдэн рёсю) мобилизовали окрестных крестьян. Важным трудовым ресурсом ранних вотчин были также беглые крестьяне [198]. Поскольку эти крестьяне не работали на надельных полях, они не могли платить государству ренту-налог зерном, однако обязаны были вносить остальные виды натуральной ренты [283, с. 93—94].

Эти крестьяне жили в домах, принадлежавших землевладельцу, и выполняли в его пользу барщинную повинность. Хозяин земли распределял между ними поля для обработки. Весь урожай домена поступал в распоряжение землевладельца [46, с. 276], оставлявшего крестьянину минимальное количество риса для питания и на семена. Кроме того, крестьяне использовались на строительстве ирригационных систем, для транспортировки риса, охраны вотчин [46, с. 276—277]. Зависимость данной категории крестьянства носила, по сути дела, крепостной характер.

Следствием начавшегося разложения надельной системы стало резкое сокращение доходов казны. Поэтому власть имущие, захватывая земли, в то же время стремились ограничить рост частнофеодальной собственности, прежде всего местных землевладельцев, усилить государственную зависимость крестьян и укрепить надельную систему. Этим целям служили реформы, проведенные в правление императора Камму в конце VIII—начале IX в. и выразившиеся в серии указов, само содержание которых позволяет судить об изменениях в аграрном строе.

Злоупотребления губернаторов, в частности использование ими государственных амбаров в целях эксплуатации частных земель, привели к тому, что с середины VIII в. передача дел вновь назначенным губернаторам затягивалась на многие месяцы. По «Тайхо рицурё», новый чиновник должен был выдать своему предшественнику передаточную грамоту (гэюдзё), в которой характеризовалось состояние дел в провинции, прежде всего финансовых. Грамота служила основным документом, позволявшим чиновнику покинуть пост, вернуться в столицу и получить очередную должность. Новые губернаторы, не удовлетворенные состоянием финансов, нередко отказывали в выдаче грамот. Правительство, стремясь еще больше ужесточить контроль над провинциями, учредило должность инспекторов по передаче дел чиновниками (кагюси), а указом 782 г. Камму ограничил срок передачи дел губернаторами 120 днями. Не сдавшие дела в течение этого времени наказывались лишением бенефиций и ранговых выплат [37, т. 2, с. 488].

Ряд указов (784, 798, 801 гг.) был издан с целью пресечь захват неосвоенных земель. Управляющим владениями столичной знати и принцев запрещалось превращать целину в свою собственность. Ограничивалась хозяйственная деятельность буддийских храмов — приобретение земли, предоставление частных ссуд крестьянам. Одновременно предпринимались попытки поддержать надельную систему. За 24 года правления Камму трижды проводилась аграрная инспекция, выявившая состояние надельных полей. В частности, из материалов инспекции 785 г. следует, что столичные и местные землевладельцы повсеместно обменивали свои плохие поля на лучшие земли крестьян, а неудобные для обработки — на удобные. В одних случаях феодалы выплачивали крестьянам небольшую компенсацию, в других — прибегали к силе. В результате самые плодородные и удобные земли концентрировались в руках феодалов, а надельному крестьянству доставались наихудшие поля.

Подобные факты отмечены уже в первые десятилетия VIII в. К IX в. они распространились настолько широко, что губернские и уездные чиновники, захватывая поля крестьян, саботировали аграрную инспекцию и передел земли, сквозь пальцы смотрели на упадок общинных ирригационных сооружений. Поэтому правительство требовало от губернаторов ежегодных отчетов о состоянии ирригационных систем, а вновь назначенным губернаторам предписывалось обращать на них особое внимание. Но сопротивление провинциальных чиновников сыграло немаловажную роль в удлинении сроков передела земель. В правление Камму он был осуществлен дважды, а в 801 г. был издан указ о производстве передела один раз в двенадцать лет [283, с. 86—88, 97].

Реформы затронули также область налогов и повинностей. В 795 г. срок отработочной повинности в провинциях был сокращен вдвое, а ссудный процент уменьшен с 50 до 30 %. Однако эти меры были направлены не столько на облегчение положения

крестьян, сколько на ограничение деятельности местных землевладельцев. В том же году правительство начало взимать недоимки с губернских и уездных чиновников, но фактическое бремя легло на крестьян. Была урезана и доля зерновой ренты-налога, оставшаяся в распоряжении губернаторов и расходовавшаяся на нужды провинции. До конца VIII в. губернаторы были обязаны посылать в фискальный департамент 70 % риса, взимавшегося с надельного крестьянства, а 30 % хранилось в провинции; в 797 г. правительство уменьшило эту долю до 20 % [283, с. 88—90].

Наибольшее влияние на положение крестьянства оказала военная реформа. Тяжесть воинской повинности, установленной сводом «Тайхо рицурё», по которому воины обязаны были обеспечивать себя всеми видами оружия и амуниции, была настолько велика, что в VIII в. среди крестьян широко распространилась поговорка: «Если одного заберут [на воинскую службу], весь двор погибнет» («хитори торарэрэба икко хоробу»).

В 792 г. военные дружины большинства провинций были ликвидированы, вместо обязательной воинской повинности введена система рекрутского набора (кондэй). Число рекрутов регламентировалось видами каждой провинции — от 30 до 200 человек; они набирались из зажиточных крестьян и мелких землевладельцев [36, т. 2, с. 558—559]. Эти отряды были конными, рекруты должны были иметь своих лошадей, но им предоставлялось два конюха, а также продукты питания. Кроме того, воины пограничных отрядов (сакимори) о-вов Кюсю, Ики и Цусима, набиравшиеся прежде в восточных — северо-восточных провинциях, с 795 г. стали набираться из крестьян западных провинций, географически приближенных к месту службы [347; 400].

В то же время правительство потребовало от провинциальных и уездных чиновников возвращения беглых крестьян, ежегодного составления списков крестьян, укрывавшихся на частных землях, бродяг и беглецов. Предписывалось собирать с них налоги и арестовывать управляющих частными владениями за укрывательство беглецов.

Реформы Камму в целом оказались малоэффективными, хотя и поддержали на некоторое время государственную собственность на землю. Бремя фискальных обязанностей крестьянства, несколько ослабленное вследствие военной реформы, тем не менее осталось непосильным, так как при переделе земель крестьяне получали меньше полей, чем предусматривал закон, и часто были не в состоянии вносить натуральные налоги. Не был остановлен и рост частной собственности: захват земель феодалами в IX в. стал еще более активным.

Немалая роль в этом принадлежала губернаторам, непосредственно контролировавшим земли провинции. Среди губернских и уездных чиновников в IX в. были, несомненно, люди, добросовестно служившие центральному правительству, укреплявшие государственную собственность, заботившиеся об ирригационных

системах¹. Однако большинство стремилось к личному обогащению. С начала IX в. многие представители столичной знати лишь номинально числились губернаторами и, оставаясь в столице, посылали в провинции своих уполномоченных. Руководство провинциями полностью сосредоточилось в руках фактических губернаторов (дзурё) [222; 224]. Главное место в их служебной деятельности занимал сбор налогов, осуществлявшийся с помощью губернских и уездных чиновников и деревенских старост. При этом правительство часто указывало губернаторам на недоимки, низкое качество присланных продуктов, слишком позднее поступление налогов. Однако многие губернаторы слабо реагировали на предупреждения министров. Они усиливали эксплуатацию крестьян, использовали для посевов на собственных полях рис из государственных амбаров [427]. Не препятствуя росту собственности отдельных уездных чиновников, губернаторы превращали их в своих фактических вассалов. В свою очередь, уездные чиновники закрывали глаза на попытки землевладельцев уклониться от налогов, оказывать сопротивление сборщикам налогов, а нередко и сами вели с губернаторами борьбу за землю.

Нередкими были конфликты губернаторов с крестьянской верхушкой и местными землевладельцами, не имевшими рангов. Отсутствие ранга у лица, захватившего или разработавшего землю и превратившего ее в частную собственность, давало губернатору основание потребовать от такого собственника уплаты налогов и выполнения повинностей.

Провинциальные чиновники, наживавшиеся на повинностях и ссудах, были лично заинтересованы в том, чтобы заставить землевладельцев внести налоги и одновременно — продемонстрировать центральному правительству свое служебное рвение. Нетитулованные собственники полей вынуждены были подчиняться требованиям властей и вместе с тем искали всяческие пути, чтобы обойти закон. Сам процесс распада надельной системы содействовал им. В частности, прекращение регулярных переписей населения привело к тому, что местным землевладельцам и разбогатевшим крестьянам удавалось легко обманывать сборщиков налогов относительно числа членов семьи, выдавая трудоспособных за стариков, мужчин за женщин. Но скрыть от губернаторов размеры своих полей они не могли. Любой ценой (за взятку или путем прямой покупки) они стремились получить чиновничий ранг, а вместе с ним налоговый иммунитет. Но в IX в. практика продажи рангов еще не была узаконена. Поэтому многие местные землевладельцы временно переселялись в столицу, поступали на низшие должности в правительственные учреждения, дворцовую стражу, в храмы, на службу в дома аристократии. В 30—70-х годах IX в. население столицы Хэйан выросло в несколько раз.

Вернувшись в свои владения землевладельцы отказывались платить налоги и подчиняться распоряжениям губернаторов, ссылаясь на службу в столице. В докладах губернаторов (гэ-буми)² правительству отмечены случаи, когда уклонявшиеся

от уплаты налогов нетитулованные землевладельцы (кандзякунин) после сбора урожая вешали на своих амбарах бирки с указанием, что рис принадлежит какому-либо знатному дому или столичному ведомству [283, с. 308—310, 320].

Разложение наделной системы крестьянского землепользования стало характерной чертой социально-экономического развития Японии в IX в. Попытки передела земель предпринимались в 810 и 828 гг. В 844 г. была проведена только аграрная инспекция. Однако поощрение земледелия оставалось еще основой экономической политики правительства. В 825 г. губернаторам было предписано произвести текущий ремонт оросительных систем силами крестьянства и доложить правительству о необходимости капитального ремонта. Расходы на ремонт предполагалось покрыть за счет процентов с дополнительных ссуд риса крестьянам. В те же годы поощрялось строительство водяных колес для орошения, а по указу 829 г. их следовало создать во всех провинциях. При этом использовался опыт ирригации в Китае. С начала IX в. активно стимулировалось выращивание тутовника и лакового дерева. Правительство Камму посылало крестьянок из провинций Оми, Исэ, Сагами, Тамба и других в северо-восточную провинцию Муцу для обучения населения Муцу технике разведения шелковичного червя [283, с. 125—128].

Однако эти меры сами по себе не могли укрепить государственную собственность на землю, передел же земли после 828 г. не проводился в течение пятидесяти лет. Крестьяне, родившиеся в эти полстолетия, не получали наделов от государства и вынуждены были либо арендовать землю, либо уходить в вотчины, работать на кабальных условиях.

Попытка наделения землей была предпринята в конце 70-х — начале 80-х годов IX в. главным министром Фудзивара-но Мотоцунэ. В 878 г. губернаторам пяти центральных провинций (Кидай) было предписано провести аграрную инспекцию, а в конце следующего, 879 г. в эти провинции были назначены специальные правительственные чиновники для выдачи наделов. Фактически же чиновники выехали лишь в соседнюю со столицей провинцию Ямасиро, что в немалой степени объяснялось состоянием финансов губернаторств, не имевших достаточных средств для содержания столичных эмиссаров со свитой. В остальных же районах передел земли был поручен губернаторам, которые провели аграрную инспекцию, послали правительству доклады, но намеренно затягивали выдачу наделов, ожидая инструкций из столицы.

Главным препятствием для наделения крестьян землей был рост частной собственности, следствием которого явилось значительное сокращение фонда общественных земель. Большая же часть прежних крестьянских держаний под разными предлогами была захвачена землевладельцами, всячески препятствовавшими наделению землей крестьян. Поэтому оно не было доведено до конца. Там же, где крестьяне получили землю, площади наделов оказались меньше, чем полагалось по закону и требовалось для

выполнения фискальных обязанностей. В частности, в провинции Ямасиро мужчинам вместо положенных 2 тан выдавалось 1,5 тан (15,75 ара) заливных полей и 60 бу (1,75 ара) сухих полей. Женщинам наделы вообще не выдавались [283, с. 254, 257—260].

Экономическая политика правительства была двойственной и противоречивой. Одновременно с попытками поддержать наделную систему как источник дохода государства и привилегированной знати и ограничить рост частной собственности на землю выдавались разрешения на создание вотчин — в первую очередь принципам, аристократам, крупным храмам. Развитие вотчинной системы ослабляло централизованную государственную власть, поэтому правительство, по мере возможности, стремилось держать вотчины под контролем. В конце IX — начале X в. наметился переход от попыток приостановить полный распад наделной системы к политике упорядочения вотчин.

В 90-х годах IX в. правительство императора Уда провело ряд новых реформ, призванных приостановить крушение принципа государственной собственности на землю и людей. В целях изучения положения крестьянства, отчетливо делившегося на государственное и вотчинное, в провинции были посланы правительственные инспекторы (момикуси), которые получили доклады начальников уездов. Из них следовало, что знать, принцы и храмы захватывали не только пустоши, но и наиболее плодородные и удобно расположенные крестьянские поля. Крестьяне требовали пресечь эти действия. От произвола крупных феодалов страдали также местные землевладельцы, у которых под предлогом взимания долгов отбирался рис — в объеме, значительно превышавшем действительную сумму долга. Правительство попыталось пресечь посягательство столичной аристократии и храмов на земли, а также запретило им препятствовать сбору налогов губернаторами [36, т. 2, с. 604—605].

Одновременно были приняты меры по усилению государственной зависимости крестьянства. Правительство приказало возобновить ежегодное составление учетных книг. Запрещалась миграция крестьян в столицу и из столицы. Государственные принудительные ссуды, ранее распределявшиеся подушно, с 894 г. стали выдавать в зависимости от площади земли: переписи населения не проводились, и установить число налогоплательщиков практически было невозможно. Ужесточался контроль над лицами, уклонявшимися от уплаты налогов. Однако требуя от крестьян выполнения фискальных обязанностей, власти не произвели передела земли [283, с. 337—341].

Таким образом, правящие круги пытались поправить финансовое положение администрации за счет усиления эксплуатации крестьян. Что же касается мер в отношении знати, принцев и храмов, то они в большинстве случаев носили формальный характер. Экономическая база вотчинников была уже достаточно прочной для того, чтобы игнорировать правительственные распоряжения. В частности, в IX в. неоднократно издавались указы,

запрещавшие губернаторам оседать на земле, а принципам и знати — переселяться из столицы в провинции. Очередной указ, свидетельствующий о наличии в провинциях весьма широкого слоя землевладельцев — выходцев из столичной знати, превращавшихся в военных феодалов, был принят в 891 г. [36, т. 2, с. 620—621]. Наличие больших площадей неосвоенных земель и возможность захвата крестьянских держаний влекли в провинцию потомков принцев, не имевших надежды на занятие трона, и представителей знати, не рассчитывавших на умножение имущества путем политической карьеры, поскольку высшие государственные посты постепенно были монополизированы домом Фудзивара, родственником императорскому. Власти были бессильны остановить процесс захвата земли знатью.

Переход к политике упорядочения вотчин обнаружился в реформах начала X в., осуществленных под руководством левого министра Фудзивара-но Токихира и продолживших реформы Уда. В 902 г. был опубликован ряд правительственных указов, касавшихся наделной системы и вотчин. В указах констатировались возросшая численность крестьян, обязанных платить налоги, выполнять повинности, но не имевших наделных полей, и уклонение от налогов держателей наделов и мелких землевладельцев. Правительство обязало губернаторов провести подворную перепись во всех провинциях и через каждые двенадцать лет осуществлять передел земли.

На первый взгляд против вотчин и вотчинников были приняты решительные меры. В указе об упорядочении вотчин говорилось, что местные землевладельцы поступают на службу к столичной знати, ложно жертвуют ей поля, объявляют свои усадьбы проданными, чтобы не платить налогов, а пожертвованные земли превращают в вотчины. Указ запрещал столичной знати и местным нетитулованным землевладельцам вступать в отношения господства и подчинения. Запрещалось также пожертвование земель знати и храмам и создание амбаров для владельцев вотчин и их управляющих [36, т. 2, с. 605, 608—609].

Такие амбары (сёка) создавались, как правило, на осваиваемых целинных землях и служили для хранения зерна, полученного в качестве арендной платы. Хранители амбаров (рисо-но фумё) из числа зажиточных крестьян и управляющих вотчинами ссужали этот рис непосредственным производителям. Кроме того, в тех же амбарах содержали и рис, полученный управляющими в качестве принудительной государственной ссуды и использовавшийся в вотчинах [311, с. 47—48]. Поэтому строительство амбаров было важным этапом в процессе формирования вотчины и установления отношений господства и подчинения между столичными и местными землевладельцами.

Реформы конца IX—начала X в. не привели к ожидаемым результатам. Масштабы развития частной земельной собственности не позволяли быстро осуществить наделение земель, а меры против вотчин и вотчинников касались лишь вновь создаваемых

владений. Те же вотчины, права на которые уже были признаны правительством, исключались из сферы действия указа 902 г. Высшие государственные чиновники сами активно создавали вотчины и не торопились эффективно воспрепятствовать их развитию.

О неудаче реформ свидетельствовал меморандум вице-начальника правительственного департамента церемоний и чинов Миёси-но Киёцура, представленный императору в 914 г. Миёси хорошо знал положение в провинциях, поскольку ряд лет служил в нескольких губернских управлениях. Меморандум состоял из двенадцати статей, в которых автор обрисовал упадок управления провинциями и уездами, распад наделной системы, недопустимую роскошь знати. Исходя из конфуцианских требований к управлению государством, Миёси настаивал на наделении крестьян землей, пресечении отношений личной зависимости между властью и местными землевладельцами, запрете роскоши для чиновников [46, с. 243—244]. Однако главные предложения Миёси остались без последствий.

В начале X в. наделная система фактически перестала существовать, но государственная собственность на землю, по крайней мере на не перешедшую в частные руки либо конфискованную у землевладельцев в процессе упорядочения вотчин, еще сохранялась.

Борьба за землю и усиление эксплуатации приводили к усилению как социального протеста крестьян, так и усобиц феодалов. Нередкими были выступления уездных чиновников против губернаторов, опиравшиеся на поддержку крестьян. Активную роль в усобицах, перераставших в ряде случаев в антиправительственные мятежи, играли потомки столичных аристократов, поселившиеся в провинциях, расширявшие свои владения, вооружавшиеся для борьбы с соседями, приобретавшие вассалов.

Первые крупные феодальные мятежи происходили почти одновременно в разных районах Японии в четвертом десятилетии X в. Их возглавляли осевшие в провинции потомки императоров, получившие фамилии Тайра и Минамото, потомки разветвившегося дома Фудзивара. В частности, в 931 г. в восточных провинциях — районе Канто — началась междоусобная борьба между Тайра-но Масакадо — внуком принца Такамоти, потомком императора Камму и дядей Масакадо — Есиканэ, продолжавшаяся шесть лет и завершившаяся поражением Есиканэ. Сторонник последнего, двоюродный брат Масакадо — Тайра-но Садомори в 938 г. добился от правительства указа о преследовании Масакадо, но не решился вступить с ним в открытую борьбу, так как большинство представителей дома Тайра либо подчинилось Масакадо, либо заняло нейтральную позицию.

Силы Масакадо выросли также за счет присоединения к нему ряда других феодалов. В том же, 938 г. произошел типичный для X в. конфликт между вице-губернатором провинции Хитати Фудзивара-но Корэтика и землевладельцем из этой провинции Фудзивара-но Гэммё. Последний отказывался платить налоги,

настойчивые же попытки вице-губернатора заставить Гэмме внести рис в казну успехом не увенчались. Тогда Корэтика решил арестовать землевладельца. Узнав об этом, Гэмме бежал в провинцию Симоуса, к Масакадо, совершив по пути ряд нападений на государственные амбары, из которых был захвачен рис. На требование Масакадо отменить приказ об аресте Гэмме и разрешить ему вернуться в Хитати Корэтика ответил отказом. В 11-м месяце 939 г. Масакадо начал военные действия, овладел губернаторской резиденцией, захватил губернаторскую печать и ключи от амбаров. Корэтика был арестован и отправлен в столицу. Вскоре туда же поступило донесение о мятежных действиях Масакадо [283, с. 408—415; 414].

Выступление против губернских властей привлекло на сторону Тайра-но Масакадо не только землевладельцев, но и крестьян, страдавших от поборов чиновников. Междоусобная борьба переросла в антиправительственный мятеж с целью создания независимого политического режима. Однако военные успехи Масакадо объяснялись не только поддержкой ряда феодалов и крестьян, но и военной слабостью губернаторов. Поставив целью овладение всеми восемью провинциями района Канто (Бандо), Масакадо довольно легко захватил провинцию Симоцукэ, где губернатор сам вручил ему печать и ключи. Затем мятежники отправились в провинцию Кодзукэ, а позднее покорили южную часть Канто — провинции Мусаси и Сагами. Однако у Масакадо были и сильные противники. Его двоюродному брату Садамори, располагавшему указом о преследовании Масакадо, удалось за короткий срок организовать коалицию против мятежников. Не последнюю роль в ее создании сыграла обещанная правительством награда за убийство Масакадо, в частности предоставление 5-го ранга, а следовательно, налогового иммунитета. Во 2-м месяце 940 г. Масакадо погиб в бою [283, с. 415—418, 428—432].

В те же годы на побережье Внутреннего моря Сэто господствовали пираты. Пираты и разбойники в VIII—начале X в. довольно часто захватывали продукты, которые по дорогам и морским путям свозили в столицу в качестве налогов [367]. В 30-х годах X в. их возглавил Фудзивара-но Сумитомо — потомок Нагаёси, отца министра Фудзивара-но Мотоцунэ, служивший в губернаторстве Иё, а затем оставшийся в провинции. Среди приближенных Сумитомо были члены феодальных домов Оно, Ки, Цу, но основную массу составляли беглые крестьяне. Губернатор провинции Иё — Ки-но Есихито, назначенный в 936 г., попытался умиротворить пиратов, позволив им заниматься земледелием. Около 2,5 тыс. человек сдались, но основная масса готовилась к борьбе с провинциальными властями.

Политика умиротворения пиратов объяснялась тем, что центральная власть не располагала регулярной армией для борьбы с мятежниками и плохо знала положение в провинциях. К тому же донесения о мятежных действиях Масакадо и Сумитомо в 930—

939 гг., поступавшие почти одновременно, вызвали растерянность в правящей верхушке. Для умиротворения Сумитомо ему был предложен 5-й ранг. Правительственные чиновники молились в храмах о спасении от мятежей. Была укреплена охрана городских ворот в столице, и лишь в 1-м месяце 940 г. правительство назначило эмиссаров по борьбе с мятежниками. Однако предстояло еще собрать войска в провинциях. Поэтому борьба с Сумитомо началась не сразу после гибели Масакадо, а лишь в 8-м месяце 940 г.

К этому времени Фудзивара-но Сумитомо овладел губернаторством провинции Сануки, захватил имущество губернаторства, сжег учреждения, а затем двинулся по морю на запад. В 10-м месяце пираты напали на монетный двор в провинции Суо, высадились на Кюсю, разбили военный отряд Управления о-вов Кюсю, Ики и Цусима (Дадзайфу), захватили имущество Управления и сожгли его здание. Карательные войска во главе с Оно-но Есифуру, разделившись на три группы, в 5-м месяце 941 г. высадились в восточной части Северного Кюсю и в заливе Хаката, укрепленном пиратами. С большими потерями каратели разбили основные силы пиратов и сожгли большую часть их кораблей. Сумитомо бежал в провинцию Иё, где в следующем месяце был арестован и, по данным различных источников, либо умер, либо был убит прежде, чем его привезли в столицу. Остатки пиратов были разбиты лишь в 10-м месяце 941 г. [283, с. 392—393, 442—445].

В движениях Тайра-но Масакадо и Фудзивара-но Сумитомо слились воедино усобицы и антиправительственные выступления феодалов, жаждавших земель, и борьба крестьянства, лишенного полей. Подавили эти движения тоже феодалы, боровшиеся за земли, но выступавшие на стороне правительства, за что они получили должности, ранги и привилегии, облегчавшие создание вотчин. Для эксплуатации же владений они нуждались в крестьянском труде и правовых гарантиях, что привело к формированию феодальной иерархии и развитию новых форм крестьянского землепользования.

Пожертвование земель.
Арендные отношения. Иммунитет
(вторая половина X—XI в.)

Понятие феодальной собственности на землю в общем плане включает иерархическую структуру землевладения господствующего класса, эксплуатирующего лично-зависимое крестьянство, находящееся в антагонистических отношениях с феодалами (см., например, [189; 65; 123, с. 150]). Феодальная иерархия является, как известно, типичной чертой развитого феодализма, на этапе которого предстает в сформировавшемся виде, но складывается она в предшествующий, раннесредневековый период. В конкретных исторических условиях иерархические отношения могут ограничиваться рамками «монарх — ленник» (при государствен-

ной форме феодальной собственности) либо принимать более разветвленные и сложные формы.

На этапе складывания иерархической собственности в Японии можно выделить по меньшей мере три слоя землевладельцев: принцы и высшая аристократия, которая жила в столице и собственного хозяйства не вела; крупные буддийские храмы; крупнейшие военно-феодалы дома;

средняя и низшая титулованная знать, средний слой военных феодалов — потомственные феодалы, захватившие крестьянские и общественные земли;

местные землевладельцы.

Отсюда следует, что феодальная иерархия складывалась в среде как гражданских, так и военных феодалов (формирование последних будет рассмотрено ниже). При этом вышестоящие собственники поглощали владения нижестоящих вместе с крестьянством, приобретая собственность на землю и людей.

Распространенной формой складывания отношений господства и подчинения в Японии стало пожертвование вотчин нижестоящими феодалами вышестоящим. Причинами пожертвований было стремление получить иммунитет, удерживать в вотчинах крестьянство, обеспечить защиту вотчин от посягательств местных властей и других феодалов. Предпосылкой пожертвований являлось предоставление правительством налогового иммунитета вотчинникам из числа высшей столичной знати. Характерно, что инициатива пожертвования исходила не только от местных землевладельцев [293], но и от аристократов и храмов, которые стали посылать в провинции своих эмиссаров с целью склонить местных землевладельцев к пожертвованию земли.

Начало пожертвований относится ко второй половине IX в., однако повсеместным этот процесс стал в X и особенно в XI в., когда вотчины охватили уже большую часть пахотных земель. Можно утверждать, что формирование иерархической собственности явилось следствием самого процесса развития вотчинной системы в X—XI вв., захвата новых земель, территориального расширения вотчин. Сказалась и противоречивая аграрная политика центрального правительства. Разложение наделной системы в результате развития частнофеодальной собственности приводило и к обратному процессу — ускорению создания вотчин. Средняя и низшая титулованная знать, лишившись выплат из государственных фондов, стала активнее захватывать земли и, вступая в вассальную зависимость от высшей аристократии, обеспечивала себе привилегии. Правительство же, пытаясь сохранить наделную систему, стремилось обеспечить максимальные доходы высшей знати и принцам и стало передавать им в ленное владение целые провинции (тигёкоку), в которых местные землевладельцы также становились вассалами столичного сеньора.

В X в. по-прежнему поощрялось освоение пустошей. Реформами конца IX в. был отменен трехлетний срок, дававший право прежним владельцам вернуться на заброшенные земли, что уско-

рило не только их разработку, но и присвоение их местными землевладельцами — во многих случаях при поддержке губернаторов. Таким путем была, например, создана вотчина Яно в провинции Сацума [303]. Землевладелец из числа местной знати с разрешения губернатора разработал 50 тё (52,5 га) земли, превращенной затем в вотчинное владение, а позднее — еще 30 тё (31,5 га).

Землевладелец, разработавший с разрешения властей целину, получал должность, дававшую право сбора ренты с крестьян, и налоговые льготы (за исключением зернового налога, уплачивавшегося губернаторству). При пожертвовании таких вотчин зерновой налог становился рентой, поступавшей теперь столичному сеньору [311, с. 74, 77, 82—84], а местный землевладелец освобождался от контроля губернаторства.

Разумеется, пожертвование вотчин, созданных с разрешения властей, осуществлялось с санкции тех же властей и, как правило, в пользу вышестоящих столичных чиновников. Более характерным было отмеченное выше пожертвование в целях получения налогового иммунитета, а также территориальной неприкосновенности. Столичный феодал (хондзё, рёкэ) получал в этом случае основную часть ренты. Объем прав жертвователя (компон рёсю) не был установленным. Он сохранял право на часть натуральной ренты (кадзиси), на имущество, а также на крестьян [382, с. 116, 118].

Расчлененная собственность на землю в процессе становления вотчинной системы осложнялась расчлененной собственностью на людей, сложившейся в ходе захвата или приобретения земель. Нередко крестьяне, принадлежавшие одному феодалу, обрабатывали поля (оцуа), находившиеся во владении другого феодала: рента с садово-огородного (усадебного) участка в этом случае шла в пользу первого феодала, а с рисового поля — в пользу второго. Крупные феодалы стремились полностью подчинить себе этих «приходящих» крестьян (ёсэбито), присоединить к своим вотчинам их участки, а затем — земли мелких феодалов, которым принадлежали эти крестьяне. Владельцы же крестьян пытались превратить в свою собственность земли, фактически обрабатывавшиеся этими крестьянами.

Такути Ридзо, детально исследовавший вотчины буддийских храмов [389; 385], приводит характерные факты конфликтных ситуаций, возникавших вследствие принадлежности земли и людей разным собственникам. В частности, император Сёму в VIII в. пожаловал храму Тодайдзи владение Ина в провинции Сэту, превращенное в вотчину. В конце X в. Ина состояло из 85 тё 1 тана 343 бу (89,455 га) полей, 100 тё (105 га) болот и 250 тё (262,5 га) преритных земель — песчаных отмелей в устье Кандзакигава (территория нынешней префектуры Хёго).

На прибрежных землях была создана вотчина Нагасу, отделившаяся в XI в. от Ина. Жили здесь рыбаки и земледельцы, платившие поземельную ренту Тодайдзи. Власти попытались обложить население Нагасу налогом, однако жители побережья

предпочли вступить в зависимость от правителя (кампаку) Фудзивара-но Норимити, передавшего затем сюзеренитет над Нагасу своей дочери Канси (жене императора Горэйдзэй, 1046—1068). Иначе говоря, жителями Нагасу стали распоряжаться Управление дворца императрицы, земля же оставалась собственностью Тодайдзи. Поскольку же храм продолжал получать из Нагасу ренту, эти события, видимо, прошли для него незамеченными.

В 1048 г. вотчиной заинтересовался синтоистский храм Камо дзиндзя, привлеченный добычей рыбы и морепродуктов в Нагасу. Храм Камо договорился с управлением дворца императрицы об обмене своих пахотных земель в провинции Ямасиро на жителей Нагасу. Одновременно было получено согласие губернаторства Сэтцу на освобождение людей Камо от отработочной повинности, что привлекло в Нагасу окрестных рыбаков, за счет которых поселок значительно вырос. Следующим шагом Камо стала попытка установления поземельного господства над Нагасу. Однако, когда этот храм обложил население налогом, рыбаки и крестьяне, не желавшие удвоения бремени, обратились с жалобой к Тодайдзи. Последний заявил протест и потребовал отменить обмен и вернуть ему людей. После ряда апелляций храма Тодайдзи правительство в 1106 г. вынесло решение о принадлежности земли Нагасу — Тодайдзи, а людей — Камо, т. е. отвергло требование Тодайдзи на том основании, что объектом обмена являлась не земля Нагасу, а люди [382, с. 125—128].

Чаще, однако, субъектами двойной собственности на крестьян в период становления вотчинной системы выступали вотчинник и государство, что объясняется сосуществованием фактической — вотчинной — собственности и формально-юридической — государственной. В процессе же развития и распространения вотчин наметились тенденции объединения собственности на землю и людей в одних руках.

Одновременная зависимость от государства и вотчинников типична для слоя арендаторов (тато) вотчинных земель. Впервые они упоминаются в документах Тодайдзи, относящихся к 859 г., но в целом переход к арендному хозяйству распространился с X в. Его предпосылкой стало расслоение надельного крестьянства, обедневшая часть которого работала в вотчинах на положении крепостных, другая же часть арендовала землю. Главной формой ренты здесь была продуктовая рента. Вместе с тем арендатор был обязан платить налог государству. Выделялись «большие» (даймё тато) и «малые» арендаторы (сёмё тато). В отдельных случаях площади земель, арендуемых одним лицом, достигали нескольких десятков гектаров, и они сдавались в подаренду, но, как правило, площадь этих участков не превышала нескольких гектаров.

На этих землях работали как сами арендаторы, так и привлекавшиеся ими в качестве батраков обезземелившиеся крестьяне. Договор об аренде (укэсаку) обычно заключался весной между управляющим или представителем вотчинника, распределявшим

землю, и арендатором. Последний давал вотчиннику расписку (укэбуми), а вотчинник или его представитель предоставлял арендатору грамоту (атэбуми) на право обработки земли. После обмена этими документами крестьянин мог приступать к работе [311, с. 51—52, 54—57]. Арендная плата составляла 20 % урожая, а срок аренды, как правило, ограничивался одним годом, что было связано как с традицией, сложившейся на основе законодательства VIII в., так и с практикой возделывания рисовых полей не ежегодно, а через год (катаараси) [396].

В XI в. общей тенденцией стало повышение арендной платы. В частности, в документах Тодайдзи, относящихся к 1060 г., есть факты о повышении ее с 3 то (54 л) до 5 то (90 л) риса с 1 тана (10,5 ара) земли [46, с. 275]³. Росту арендной платы, как правило, предшествовало получение вотчинником налогового иммунитета. Однако освобождение от уплаты налогов государству, которому нередко способствовала борьба крестьян, использовалось феодалом для увеличения прибавочного продукта, получаемого с крестьян. Одновременно усиливалась зависимость крестьянина от вотчинника, сосредоточивавшего в своих руках господство над землей и людьми.

Отмеченные процессы связаны как с ростом числа вотчин, так и с их укрупнением во второй половине X—XI в. — и за счет пожертвований, и путем продолжавшихся захватов крестьянских и государственных земель вместе с крестьянами. Характерный пример в этом отношении — вотчина Курода в провинции Ига [45], одно из самых важных владений храма Тодайдзи.

Во время строительства зала Большого Будды, в 755 г., император Сёму передал Тодайдзи лесистую гору Итахазносому в провинции Ига, где были поселены лесорубы, обслуживавшие храм. Для своих нужд они разработали заливные поля и построили временное жилье (дэдзукури) — поселение Курода. В X в. Тодайдзи, утративший, как и большинство других храмов Нара, поддержку государства в связи с возросшим влиянием буддийских сект Тэндайсю и Сингонсю, стал активно восстанавливать свои заброшенные поля и присоединять новые. По данным 950 г., владения Тодайдзи находились в 19 провинциях; общая площадь его полей составляла 3462 тё 6 тан (3635,73 га), из которых обрабатывалось лишь 212 тё 5 тан (223,125 га), или 6,1 %. В 959 г. Тодайдзи получил от одного из землевладельцев провинции Ига Татибана-но Мотодзанэ гору Таматакиносому с 50 тё (52,5 га) заброшенных земель в северной части этой провинции.

Затем храм стал расширять владение Итахазносому, включив в него соседние пахотные земли и пастбища. Здесь, однако, находились земли, принадлежавшие другим феодалам, и поля потомков лесорубов, которые храм считал своими. Из-за пастбища Комо началась тяжба с его владельцем Фудзивара-но Томохира. Обследование, проведенное по поручению губернатора, показало, что на примыкающих к горе Итахазносому землях имеются частные владения и поля крестьян. На этом основании губернаторство

в 964 г. сочло притязания Тодайдзи несостоятельными, а Томохира потребовал от местных властей освободить крестьян от чрезвычайных отработок, стремясь упрочить свое владение [382, с. 119—122; 297].

Однако Тодайдзи апеллировал к правительству, и в конце концов в 1033 г. Итахаэносомы была признана вечным владением храма, а в 1034 г. жители горы были освобождены от чрезвычайных повинностей в пользу государства. В последующие два десятилетия к владениям храма была присоединена деревня Курода, ставшая центральной частью одноименной вотчины, а монахи перенесли к ее границам указатели владений Тодайдзи. В ответ на эти действия губернатор провинции Ига направил жалобу правительству, настаивая на возвращении государству захваченных земель. После ряда конфликтов с местными властями храм в 1056 г. добился признания правительством права на вотчину Курода [446, с. 87—104]. Одновременно крестьяне были освобождены от налогов государству, а губернатору запрещено входить во владения храма, т. е. правительством предоставило вотчине Курода иммунитет и территориальную неприкосновенность.

Если в IX—X вв. государство признавало право крупных вотчинников на землю, то в XI в. многие из них добились иммунитетов. Так, хэйанский храм Тодзи в IX в. создал вотчину Ояма в провинции Тамба, состоявшую из 44 тэ (46,2 га) освоенной целины, пустошей, озер и лесов. В 845 г. фискальный департамент (мимбусэ) по настоянию храма направил губернатору Тамба приказ, в котором указанные земли признавались владением храма.

Однако в последующие десятилетия губернаторы неоднократно пытались взимать налоги с земель, разработанных храмовыми крестьянами, а также сдававшихся в аренду. В 920 г. правый министр, получив очередную жалобу храма, приказал губернатору вернуть храму фактически отобранные у него земли, а в 1042 г. правительство признало территориальную неприкосновенность вотчины Ояма⁴ [46, с. 258—259, 261; 43, т. 1—2; 203].

Признание иммунитетов было связано также с государственным регулированием и упорядочением вотчин, четким разграничением вотчинных и государственных земель. Указы об упорядочении вотчин, одновременно ограничивавшие их создание, издавались правителями из дома Фудзивара в 1045 и в 1055 г., однако эффективность их была невелика, так как обширные владения самих Фудзивара — крупнейшего в стране собственника многочисленных вотчин, находившихся во многих провинциях, исключались из сферы действия указов [392].

Более последовательными явились мероприятия императора Госандзэ, вступившего на престол в 1068 г. Госандзэ, не имевший прямой родственной связи с домом Фудзивара, стремился ограничить власть и влияние могущественных министров, упорядочить налоговые поступления и ввести развитие вотчинной системы

в определенные рамки. В 1069 г. было создано Ведомство регистрации вотчинных документов (Кироку сёэн кэнкэйсэ). В целях проверки состояния феодальных владений вотчинников обязали заявить о фактах обмена плохой земли на хорошую, захвата государственных земель вместе с государственными крестьянами, размерах вотчинных полей, их действительной принадлежности, а также о владениях, создание которых не оформлено документами. Спустя месяц Госандзэ издал рескрипт об упорядочении вотчин, по которому землевладельцам предписывалось представить документы в Ведомство регистрации в целях проверки вотчин.

Владения, созданные до указа 1045 г., могли быть признаны законными, остальные же предполагалось ликвидировать, поэтому собственник должен был документально подтвердить создание своей вотчины до 1045 г., а также доказать, что ее существование не препятствует выполнению должностных функций губернаторами, прежде всего сбору налогов [387, с. 392—395].

Указы идентичного содержания были изданы в том же году губернаторами провинций (см., например, [46, с. 326]).

Все крупные собственники, включая дом Фудзивара и государственные храмы, обязаны были представить документы вотчин. В 1070 г. Ведомство регистрации подготовило реестр вотчин, в котором содержались данные о возникновении каждого владения. В процессе упорядочения вотчин собственник представлял документы, губернатор — свои предложения; спорные случаи выносились на суд императора. Во владения, признанные законными, направлялся чиновник, который четко обозначал их границы указателями. Губернаторы не могли более посягать на права законных собственников, непризнанные же вотчины были конфискованы государством.

Лишились части владений и дом Фудзивара, и другие крупные собственники. Например, синтоистский храм Икасимидазу Хатимангу представил в Ведомство регистрации документы 34 вотчин, общая площадь пахотных земель которых составляла 651 тэ 5 тан 173 бу (684,125 га). В результате проверки были признаны права храма только на 21 вотчину; некоторые из вотчин были сокращены, поскольку включали поля, находившиеся за пределами обозначенных границ. Всего государство конфисковало у храма 168 тэ 9 тан 80 бу (177,365 га) [382, с. 154—156], или 25,9 % его владений.

Таким образом, государство четко обозначило земли, с которых продолжало взимать ренту, лишив собственников части владений. Следствием упорядочения вотчин явилось, однако, предоставление налогового иммунитета и территориальной неприкосновенности тем владениям, которые были признаны законными, что частично компенсировало их потери. Отдельные правовые акты, указы об упорядочении вотчин и документы, принятые на их основе, в сущности, юридически оформили вотчинную систему.

Конфискация части вотчинных земель не приостановила дальнейшего развития вотчинной системы и создания новых вотчин. В 1075 г. император Сиракава издал новый рескрипт о лик-

видации владений, основанных после 1045 г. В последующие десятилетия неоднократно издавались указы о ликвидации отдельных вотчин — как правило, по просьбе губернаторов, стремившихся нажиться за счет увеличения сбора налогов с государственных земель. Однако в конце срока службы губернаторы фактически санкционировали создание вотчин столичными аристократами, рассчитывая на благосклонность власти имущих при получении новых должностей. В этом — одна из причин малоэффективности попыток отдельных императоров ограничить создание новых вотчин. Такая судьба постигла, в частности, и указы, изданные в последнее десятилетие XI — первое десятилетие XII в., — о ликвидации вотчин, основанных после 1045 г., и конфискации у феодалов земель, находившихся за пределами официально установленных границ их владений [427; 248].

Юридическое оформление вотчин еще не означало окончательного становления вотчинной системы, хотя иммунитет гарантировал собственникам право на ренту. Последним предстояло еще упрочить фактическое господство над землей и людьми, к тому же в XII в. активно создавались новые владения. Иммунитеты включали освобождение вотчинного крестьянства от всех видов натуральной ренты и отработок в пользу государства, а также территориальную неприкосновенность. Однако фактической сутью иммунитетов была передача прав государства на ренту в руки отдельных феодалов, поэтому признание прав вотчинников не только не ослабило налогового бремени крестьян, но и повлекло за собой усиление эксплуатации и личной зависимости крестьян от феодалов.

Завершение становления
вотчинной системы
в первой половине XII в.

К XII в. вотчины стали единственным источником дохода феодалов, поскольку бенефиции и разного рода выплаты из государственной казны за должности и ранги перестали существовать. Получив иммунитет, вотчинники стремились увеличить ренту, крестьяне стремились закрепить за собой арендуемые поля.

Предпосылкой усиления эксплуатации вотчинного крестьянства стало создание именных полей (мёдэн), записанных на имя определенного держателя (мёсю) и закрепленных за ним постоянно. Впервые именные поля упоминаются в документах, относящихся к 1000 г. [46, с. 272], но широкое распространение эта система получила в XII в., после признания иммунитетов вотчин.

Годичная аренда вотчинной земли создавала у арендатора ощущение нестабильности его положения, чем и воспользовались феодалы. Закрепление же земли в постоянное пользование породило у крестьян иллюзию собственности, а последовавшее за превращением арендуемых земель в именные держания увеличение

ренты было истолковано как компенсация за мнимое право на землю и не встретило у крестьян сопротивления. В действительности же новая форма землепользования была выгодна прежде всего феодалам, получившим за фикцию крестьянской собственности дополнительный прибавочный продукт.

В большинстве районов Японии, за исключением столичного (Кидай), площади именных полей были различны [399; 302; 196; 227]. Поскольку вотчинники жили в столице и своего хозяйства не вели, рента в этих районах исчислялась с единицы земельной площади (тамбэцу кудзи) и распределялась между крестьянами пропорционально площади держаний. В соседних же со столицей провинциях, где господство вотчинников над крестьянами было прочнее, наиболее выгодным в условиях возросшего объема и видов ренты оказалось ее подушное взимание, предопределившее равное распределение именных держаний (кинтомё).

Механизм создания с XII в. равных именных полей подробно исследован Ватанабэ Сумио на материалах 114 вотчин и в связи с увеличением ренты⁵. Так, в реестре 1070 г. упоминалось владение храма Кофукудзи — вотчина Идзумо в провинции Ямато. В то время ее площадь составляла 20 тё 3,5 тана (21,368 га), но собственность храма была неполной; государство взимало с Идзумо зерновой налог. В результате присоединения новых земель площадь Идзумо к 1186 г. возросла до 43 тё 4,3 тана (45,6 га). Поля вотчины в это время делились на 16 держаний, 13 из которых имели примерно равную площадь — по 1,2 тё (1,26 га). Поля держателей были разбросаны: на старых землях их площадь колебалась от 0,4 тё (0,42 га) до 1,4 тё (1,47 га). Уравнение держаний было произведено в данном случае за счет вновь присоединенных земель [212; 382, с. 279—280].

С держателей именных полей взимались различные виды продуктовой и отработочной ренты, включавшие продукты земледелия, горного и лесного промыслов, изделия домашнего ремесла, строительные работы. Увеличение ренты в XII в. выразилось, в частности, в установлении усадебных повинностей (дзайкэяку). Огородные участки, прежде считавшиеся собственностью крестьян, теперь фактически были включены во владения вотчинников.

Такэути Ридзо приводит ряд ярких примеров роста усадебных повинностей в XII в. Если до XII в. крестьяне вносили феодалу лишь плату за аренду земель для жилых построек и иногда — чрезвычайные подати (по случаю церемониальных дней), то в XII в. возросли и объем и виды ренты. Так, в вотчине Едо-но Сагамикубо (провинция Ямасиро) на 7 танах (0,735 га) земли находилось 26 крестьянских домов (дзайкэ, включающих усадебные, садовые и огородные участки). В XII в. землевладелец в качестве ренты за пользование землей стал взимать ежегодно более 800 связок соломы, в 5-м месяце — рис, в 7-м — 26 корзин дынь и баклажанов (по одной с каждого участка), в конце года — 260 связок дров. Кроме этих, твердо установленных феодалом

податей взимались чрезвычайные — например, свежие овощи. В обязанность крестьян входила также перевозка паланкина через р. Едогава и другие повинности. Общий объем ренты с XII в. также возрос, а виды ее стали многообразными. В частности, храм Тодзи ежегодно взимал с крестьян — держателей земли в вотчине Ояма 200 коку (36 тыс. л) риса, 10 коку (1,8 тыс. л) пшеницы, бумагу, материю, фрукты, каштаны, мешки, лак, тертый ямс, грецкие орехи, масло и многие другие виды продуктов [382, с. 273—276]⁶.

Одновременно с усилением личной зависимости крестьянства и ростом ренты в XII в. продолжался процесс расширения крупных вотчин и создания новых. Правительство фактически утратило возможность контролировать развитие феодального землевладения, хотя указы об упорядочении вотчин и ликвидации вновь созданных издавались и в XII в. Крупными собственниками стали храмы, военные феодалы, гражданская знать, члены императорской семьи. В японской историографии преобладает мнение о том, что после смерти экс-императора Сиракава в 1129 г., в годы монастырского правления⁷ его внука Тоба, политика ограничения вотчинного землевладения фактически перестала проводиться, а указы об упорядочении вотчин были заморожены [382, с. 320—321; 241; 221; 398, с. 42]. Возражения Маки Митно, полагающего, что в правление Тоба в определенной степени осуществлялось ограничение вотчин [296, с. 35], не влияют на общую характеристику экономической политики властей в XII в.⁸ Можно утверждать, что попытки регулирования феодальных владений потерпели крах, предопределенный самим фактом признания феодальных прав.

К середине XII в. число официально признанных вотчин значительно выросло, а отдельные указы издавались не в продолжение курса на упорядочение вотчин, а в целях изыскания дополнительных средств на нужды императорского двора. В частности, указ 1156 г. предписывал ликвидировать вотчины, созданные после 24-го числа 7-го месяца 1155 г., т. е. после вступления на престол императора Госиракава, а также передать государству земли, находившиеся за пределами обозначенных границ вотчин. Одна из главных целей этого указа заключалась в том, чтобы получить средства для строительства императорского городка — дворцов и правительственных зданий, полностью сгоревших после ряда пожаров во второй половине X—XI в. [382, с. 366—386]. Вотчины же, созданные в течение предшествующего столетия, фактически были признаны, а запрет на их расширение не распространялся на пожалования императоров Сиракава и Тоба.

Ко второй половине XII в. вотчинная система, включавшая иерархическую собственность феодалов на землю и крестьян, работавших на земле вотчинника, и основанная на усилившейся эксплуатации лично-зависимого крестьянства, сформировалась в Японии окончательно, что предопределило вступление японского феодализма в зрелую, развитую стадию. Политическая органи-

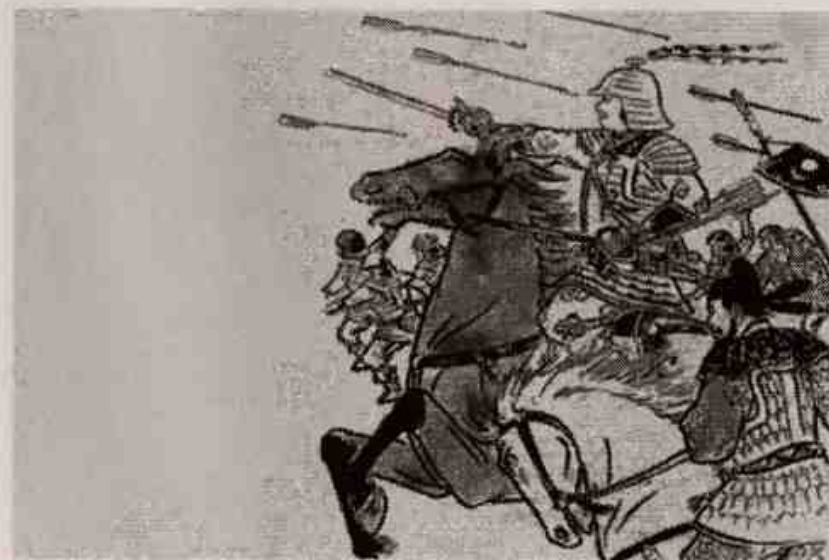
Глава I

Принц Сётоку.

Фрагмент портрета из храма Хорюдзи

Фулзивара-но Каматару, один из инициаторов переворота 645 г. Мятеж 672 г. Борьба принцев Оама и Отомо за престол. Современный рисунок

Глава II

Глиняная статуя
бодхисаттвы Луного сияния
(Гакко босацу)
VIII в. Храм Тодайдзи

Большой Будда в храме Тодайдзи,
построенном в VIII в. Фотография

Крестьянин VIII в.,
возделывающий наделное поле

Крестьянский дом VIII в.
(один из типов).
Современная реконструкция

Крестьяне VIII в. и чиновник,
требующий уплаты налогов

Воин пограничной охраны. VIII в.

Глава III

Выезд управляющего вотчиной.
На заднем плане
(в центре) овощная лавка

Вотчинные крестьяне,
разрабатывающие пустошь
для феодала

Глава IV

Выезд экс-императора Сиракава

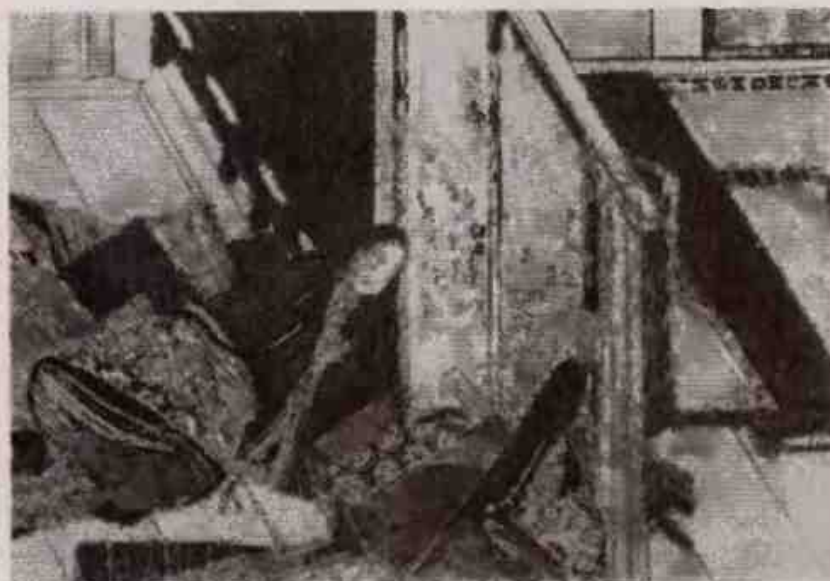
Монах Сайтё,
основатель секты Тэндайсю (IX в.)
Монах Кукай,
основатель секты Сингонсю (IX в.)

Глава V

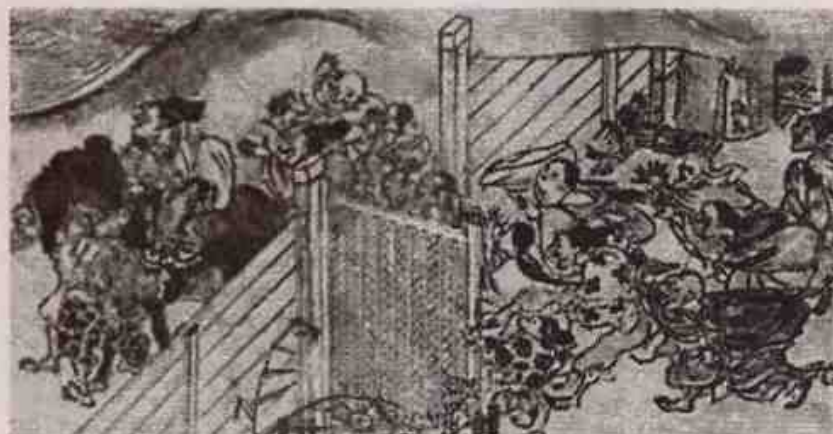
Хэйанская аристократка.
Фрагмент «Свитка
к Повести о принце Гэндзи»

Поэтическое сознание
аристократов и монахов.
С картины
периода развитого феодализма

Зал Хоодо храма Бёдоин. Построен
в 1053 г. (в настоящее время —
территория г. Удзи
в Киотском округе). Фотография

Крестьяне в XII в.
Фрагмент свитка
«Легенды горы Сиги». XII в.

Глава VI

Мятеж 1159 г.
Фрагмент свитка
«Смута городов Хэйдзэй». XIII в.

Лавка в Хэйан.
Фрагмент росписи неэра

Все иллюстрации взяты из книги: Вакамори Таро. Нихон-но рэнгис (История Японии). Токио, 1965.

зация, сложившаяся на этапе генезиса феодализма, не соответствовала необратимым изменениям в аграрном строе. Не случайно именно с середины XII в. в Японии усилилась политическая борьба, которая привела сначала к оттеснению от власти аристократического дома Фудзивара, а затем, в конце XII в., — к установлению режима Минамото — власти самурайства, в среде которого сложились более прочные отношения господства и подчинения, чем в среде гражданских феодалов, где условный характер земельной собственности не стал таким определенно выраженным, как у самураев.

Формы классовой борьбы крестьянства

Становление вотчинной системы, связанное с захватом крестьянских наделов и усилением эксплуатации, попытки властей укрепить господство над крестьянами, злоупотребления губернаторов вызвали нарастание социального протеста эксплуатируемого большинства населения раннефеодальной Японии. В конце VIII—XI в. отчетливо прослеживается развитие классовой борьбы крестьян от низших форм — бегства, отказа от уплаты налогов — к вооруженному сопротивлению феодальным эксплуататорам. Хотя все зарегистрированные в письменных источниках крестьянские выступления в раннефеодальной Японии имели локальный характер, они расшатывали политический режим феодализировавшейся аристократии и способствовали его гибели. Кроме того, крестьянство было движущей силой всех форм борьбы против власти, в частности феодальных мятежей, которые после движений Тайра-но Масакадо и Фудзивара-но Сумитомо происходили во многих провинциях. Феодалы организовывали крестьян в дружины и использовали их в междоусобицах и смутах. Однако боролись они не за интересы отдельных сеньоров, а за улучшение условий существования, против поборов и захвата их земель. Государство, принимавшее меры против беглых и бродячих крестьян, в то же время вынуждено было в известной степени считаться с интересами основной массы населения страны, за счет которой феодалы быстро умножали свое богатство, и в отдельных случаях удовлетворяло или делало вид, что удовлетворяло требования крестьян, стремясь сгладить остроту классовых противоречий между крестьянством и феодалами.

В конце VIII—начале IX в. основной формой социального протеста крестьян еще оставалось бегство, связанное прежде всего с бременем принудительных ссуд (суйко) и тяжестью отработок. Губернаторы докладывали правительству об уклонении крестьян от повинностей и наличии большого числа бродяг. Так, губернатор Исэ сообщал в столицу о том, что в провинции насчитывается до тысячи беглецов. Следствием явился указ об аресте бродяг в Хэйдзэй и в семи провинциях, включая столичный район. В 785 г. правительство императора Камму

поручило губернаторам специально заняться вопросом о беглых крестьянах и представить соответствующие отчеты. Нередко крестьяне выдавали себя за рабов, что послужило одной из причин издания указа 789 г. о признании детей от смешанных браков свободными, поскольку правительство для увеличения налоговых поступлений нуждалось в увеличении крестьянского населения.

Число беглых особенно возросло в 90-х годах VIII в., когда десятки тысяч крестьян мобилизовывались на строительные работы в новую столицу — Хэйан. Так, в 797 г. в Хэйан было призвано 24 тыс. крестьян из провинций Тотоми, Суруга, Синано, Идзумо, и др., а в 799 г. — крестьяне из провинций Ига, Исэ, Овари, Оми, Мино, Вакаса, Кии. Бегство приняло такие размеры, что строительство столицы почти не продвигалось. Частым стало также бегство воинов, участвовавших в карательных походах против эдзо — на северо-восток о-ва Хонсю. Только в 795 г. власти арестовали и казнили 304 беглых воинов, общее же число беглецов было в несколько раз больше [283, с. 90—92, 96].

Другой формой протеста крестьян, распространившейся с середины IX в., являлись письменные жалобы, главным образом на поборы и беззакония губернаторов, а также требования пресечь захват земель. Число жалоб, зарегистрированных в источниках, невелико — всего тринадцать, но, учитывая социально-классовый характер императорских анналов и дневников аристократов и их назидательные цели, можно предположить, что авторы анналов и дневников упомянули только наиболее значительные конфликты, в частности, такие, по которым принимались какие-либо решения, например о замене губернатора.

Как правило, жалобы были коллективными. В столицу их привозили чаще всего уездные чиновники — из провинций Ямато, Идзуми, Ига, Овари, Тамба, Сануки, Этидзэн, Кага [279, с. 27]. Наиболее известна жалоба крестьян провинции Овари на губернатора Фудзивара-но Мотонага. Это единственная петиция японского раннесредневекового крестьянства, текст которой сохранился полностью (988 г.). Тридцать один пункт этого документа содержал подробный перечень поборов и вымогательств губернатора и его приближенных, в течение трех лет безнаказанно отбиравших у крестьян рис и другие продукты, ткани. Крестьяне и уездные чиновники требовали сместить губернатора [43, т. 2, с. 473—485]. Мотонага действительно сместили и перевели в другую провинцию, но никакого реального наказания он не понес.

Почти одновременно, с середины IX в., отмечаются факты вооруженной борьбы крестьян — нападения на губернских чиновников, пиратство и разбой. Нападения на провинциальные управления на протяжении по меньшей мере двух последующих столетий стали регулярными. Руководили ими, как правило, уездные чиновники, недовольные притеснениями губернаторов. Один из первых подобных инцидентов произошел в 857 г. в провинции Цусима, где около 300 крестьян, возмущенных поборами губернатора, во главе с уездными чиновниками Томобэ-но Каватимаро

и Атаэ-но Урануси окружили губернаторскую резиденцию, подожгли ее, убили губернатора Тацуно-но Масаминэ, десятерых его вассалов и шестерых воинов-пограничников. Местные власти арестовали зачинщиков, а о событиях сообщили правительству. В 858 г. Управление о-вов Кюсю, Ики, Цусима и иностранных дел (Дадзайфу) по распоряжению из столицы произвело расследование, на основании которого правительство признало виновными 17 человек и приговорило их к смертной казни, но в связи со вступлением на престол императора Сэйва крестьян помиловали, а казнь заменили ссылкой.

Другой зафиксированный в письменных источниках инцидент произошел в провинции Ивами в 884 г., где 217 крестьян, тоже возглавляемых уездными чиновниками, захватили дом губернатора Камидзукэ-но Удзинага, изъяли губернаторскую печать, ключи от амбаров и почтовый колокольчик — атрибуты губернаторской власти и передали их другому губерискому чиновнику. Удзинага, узнав о нападении, скрылся, но спустя несколько дней его нашли и заперли в амбаре [283, с. 322—326].

Косвенным доказательством участвовавших вооруженных нападений крестьян на губернаторов служит тот факт, что с X в. последние начали активно вооружаться для борьбы с крестьянами. В провинции стали посылать полицейских чиновников (кэбинси), деятельность которых в IX в. ограничивалась исключительно пределами столицы. Нередко полицейские функции официально возлагались на губернаторов.

В X—XI вв. нападения крестьян на губернаторов и феодалов отмечены в провинциях Кии, Тамба, Этиго, Бидзэн, Биго, Тикуго, Цусима, Овари, Авадзи, Ямато, Кага. Наиболее значительные крестьянские волнения зарегистрированы в 999, 1001, 1008, 1012, 1016 гг. [279, с. 28, 35].

Вооруженные столкновения крестьян с местными властями в X—XI вв. происходили и в вотчинах, куда чиновники являлись для сбора налогов с крестьян.

В конфликтах властей с вотчинниками крестьяне часто становились на сторону последних. Так, в 50-х годах XI в., когда по распоряжению властей были сняты самовольно установленные храмом Тодайдзи указатели вотчины Курода, крестьяне помогли монахам восстановить указатели, а когда губернатор провинции Ига снова прислал в Курода чиновников, крестьяне оказали им вооруженное сопротивление [435]. Выступавшие, однако, не защищали землевладельца, а опасались, что власти, изъяв землю у феодала и возвратив ее государству, заставят крестьян платить налоги и усилят поборы.

В стихийной и разрозненной борьбе японского крестьянства против феодальной эксплуатации в IX—XI вв. совершался очевидный переход от одиночных выступлений к коллективным, от бегства и жалоб к вооруженной борьбе. Почти все эти выступления были направлены против конкретных лиц — отдельных феодалов и представителей феодальной власти, однако их значение далеко

выходило за рамки частных конфликтов. Порожденная обострением социальных противоречий, классовая борьба японского крестьянства в раннефеодальный период, выраженная в совокупности крестьянских выступлений и развитии форм социального протеста, стала исторической закономерностью.

Глава 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ В IX—XI ВВ.

Система управления государством, сложившаяся к VIII в., на этапе введения государственной собственности на землю, в последующие четыре с лишним столетия не претерпела качественных изменений, но к концу раннесредневекового периода уже не могла соответствовать экономическому строю, основанному на вотчинном землевладении.

Смена императоров и министров, периодически вспыхивавшая дворцовая борьба, политические распри знати сами по себе не представляют интереса, так как относятся к крайне узкой области истории правящих кругов. Однако организация политической власти, методы управления, присущие господствующему классу в конкретных исторических условиях, его отношение к другим классам и социальным слоям, его политические нравы и обычаи затрагивают интересы общества, в котором данный класс господствует, и отдельных людей, а потому входят в объект изучения истории данного общества. Для характеристики отмеченных сторон деятельности представляется целесообразным использовать понятие «политическая культура», имея в виду, разумеется, принципиальное различие его употребления в марксистском и буржуазном обществоведении, в частности американском, где изучение политической культуры основано на психокультурном анализе [69]. Каждый класс, как известно, порождает свою культуру. Под политической культурой господствующего класса в данной главе понимаются отраженные в сознании и реализованные в практической деятельности классовые представления о государственном управлении на определенном этапе исторического развития.

Хэйан как политический центр

В 784 г. столица была перенесена из Хэйдзэй в Нагаока (западная часть нынешнего Киотоского округа). В Нагаока между знатью происходили распри, было совершено политическое убийство, что, видимо, сыграло немаловажную роль в начавшихся поисках удобного места для нового политико-административного центра — император Камму и его окружение считали, что убийство оскверняет столицу. Инициатором переноса столицы выступил приближенный императора, начальник фискального департамента (мимбусё) Вакэ-но Киёмаро¹. Для строительства города была выбрана деревня Уда уезда Кадоно, дважды осмотренная в 792 г. императором Камму. В следующем году начались строительные работы, а 22-го числа 10-го месяца 794 г. император и наследный принц въехали в новую столицу², названную Хэйан (столица мира

и покоя; ныне — Киото) из тщеславного желания не уступать пышным танским наименованиям: прежние японские столицы, как правило, именовались по местности, в которой находились [283, с. 74—77].

Низина, в которой строился Хэйан, с востока, севера и запада окружена горами; в центре ее текла р. Камогава, русло которой перенесли восточнее, чтобы спасти центр столицы от наводнений. В восточной части в Камогава впадает текущая с горы Хигасияма р. Таканогава, в южной — Кацурагава, текущая по западной части низины, а затем поворачивающая на юг. Через Камогава, впадающую в Едогава³, пролегал водный путь во Внутреннее море Сэто [272].

Моделью для Хэйан, как и для Хэйдзэй, послужила танская столица Чанъань. Рельеф определил большую протяженность новой японской столицы с севера на юг (5,31 км), чем с запада на восток (4,57 км), в отличие от Чанъани. Площадь Хэйан составляла $\frac{1}{2}$ Чанъани (Хэйдзэй — $\frac{1}{4}$). Японские столицы не окружались стенами, но огораживался внутренний, императорский городок (дайдайри), на территории которого находились и все правительственные учреждения [361, гл. 6]. Хэйан защищали горы, центром же южной границы были гигантские ворота Радзёмон.

От Радзёмон на север тянулся проспект Судзаку (ширина — 85 м, протяженность — 3,9 км), деливший город на восточную (левую) и западную (правую) части и упирившийся в главные ворота императорского городка (Судзакумон), по китайской традиции обращенные на юг. По обеим сторонам проспекта была устроена живая изгородь из ив и цветов, вырыты канавки. Справа и слева от проспекта были построены буддийские храмы — Тодзи (восточный) и Сайдзи (западный), дома приемов иностранных послов (Корокан), служившие гостиницами для иностранцев⁴, и два рынка. На рынках торговали тканями, иглами, маслом, керамическими изделиями, рисом, рыбой, мечами, луками. Существовали специализированные лавки — по продаже риса, масла, сушеной рыбы, сырой рыбы. Кроме того, на рынках устраивались песенно-танцевальные представления, буддийские проповеди, моления, выставляли на всеобщее обозрение преступников. При дворе функционировал особый, привилегированный рынок, где продавали китайские изделия — предметы роскоши. Хайанцы открывали лавки и за пределами рынков [430, с. 153—154].

В левой и правой частях столицы находились дома принцев, аристократии, чиновников, а также крестьян. Влажная и низменная юго-западная часть города была наименее заселенной. С востока на запад Хэйан пересекало девять проспектов. Вдоль южной границы императорского городка проходил Второй проспект (Нидзё одзи), за которым в восточной части располагался синтоистский храм Синсэнъэн с искусственным парком в танском стиле, с озером, окруженным деревьями и камнями.

Императорский городок, находившийся в центре северной части столицы (1,4 км — с севера на юг и 1,2 км — с запада на восток), имел 12 внешних ворот. Главные — Судзакумон — вели к внутренним воротам — Отэммон, за которыми находилась правительственная палата (Тёдоин). С запада к ней примыкал императорский дом банкетов (Буракуин). Вокруг располагались различные правительственные здания. Восточнее центра городка находились собственно императорские дворцовые сооружения (дайри). Главным из них был Сисиндэн, где проводилась коронация и другие церемонии, считавшиеся важными. В то время, как, впрочем, и позднее, дворцовые сооружения японских столиц не достигали таких размеров, как в Европе или в Юго-Восточной Азии. Здание Сисиндэн (27 м — с запада на восток и 22 м — с севера на юг) было обращено к югу, 18 ступенек с южной стороны вели в сад; слева от ступенек была высажена сакура, справа — татибана⁵. Северная галерея вела к личным покоям императора (Сэйрёдэн), еще севернее находился дворец императрицы (Дзёгандэн) и дворец других жен императора (Дзёнэйдэн). Политическими делами император занимался в тронном дворце (Дайгокудэн), построенном в центре правительственных зданий в 795 г. [283, с. 77—82; 313; 445].

Доступ к императору в Хэйан был резко ограничен. Разрешение на доступ (сёдэн) выдавалось индивидуально чиновникам выше 5-го ранга, а также личным секретарям (куродо) императора, имевшим 6-й ранг, и заключалось в позволении посещать зал приема знати (тэндзё-но ма) в южной части личных покоев императора. Как правило, все или почти все чиновники 1—3-го рангов допускались в зал приема, что льстило тщеславию хэйанских аристократов. Известно немало случаев, когда личные секретари всячески стремились удержаться в этой должности, так как получение 5-го ранга и повышение по службе могли привести к лишению доступа к императору. Каждый новый император давал разрешения на посещение зала приемов заново, о чем извещал его личный секретарь [444, с. 125—126].

Все большее число правительственных должностей с VIII в. занимали представители главной ветви дома Фудзивара, ведущего происхождение от Накатоми-но Камако — организатора политического переворота 645 г. Особенно усилилось влияние дома Фудзивара с IX в. Императоры Сага и Дзюнна больше занимались поэзией, чем политикой, Ниммё и Монтоку в 40—50-х годах IX в. тоже обращали мало внимания на управление государством. Фудзивара-но Есифуса, сблизившийся с Ниммё, получил должность главного министра (дадзё дайджин), оставшуюся вакантной с конца VIII в., а после смерти Есифуса этот пост и фактические бразды правления перешли к его племяннику Мотоцунэ, которому в 888 г. была пожалована вновь учрежденная должность регента-правителя (кампаку). В X в. Фудзивара, по сути дела, монополизировали высшие государственные посты. Так, в 931 г. из 15 высших должностей — от левого министра до советников —

11 занимали Фудзивара, 2 — Тайра и по одной — Минамото и Татибана [283, с. 382—383]. Навысший же расцвет дома Фудзивара приходится на конец X—XI в. — время правления Митинага и Еримити. Японские историки и литературоведы считают Митинага (см. [448, гл. 4]) одним из наиболее вероятных прототипов принца Гэндзи — героя выдающегося произведения японской раннесредневековой литературы.

Дочь главы дома Фудзивара, как правило, выдавалась замуж за императора, а тесть, по обычаю, имел большое влияние на зятя. Вместе с тем сам термин «кампаку» указывал на исполнительный характер власти носителя этой должности⁶. Цутида Наосигэ, детально изучивший многие источники хэйанского времени, пришел к выводу, что мнение о «домашнем правлении» Фудзивара, распространенное в японской историографии с конца XIX в. и сводящееся к тому, будто все государственные дела решались в частной резиденции регента-правителя, не обосновано [444, с. 345—349].

Управление государством осуществлялось через Государственный совет, в состав которого входили левый и правый министры, политические советники (санги)⁷, докладчики Государственного совета — старший (дайнагон), средний (тюнагон) и младший (сёнагон). Совету подчинялось восемь департаментов [32, с. 29—57], а важнейшие решения принимались на совещании высших чиновников (кугё). Когда же в связи с развитием вотчинной системы функции департаментов стали номинальными, императоры, нашедшие поддержку у храмов, самураев и провинциальной знати, воспользовались ослаблением родственных связей с Фудзивара и попытались оттеснить последних от власти.

Правовой основой государственного управления и в Хэйдзэй, и в Хэйан по-прежнему оставался «Ёро рицурё» (718 г.), однако уже с первой половины VIII в. стали издаваться дополнения к этому своду, новые законы, касающиеся экономической политики, неоднократно проводились реформы. Поэтому с середины VIII в. началась работа по систематизации дополнений к законодательству (кяку) и инструкций, определявших порядок его применения (сики).

Средний докладчик Государственного совета Исикава-но Тоситори в 759 г. собрал 20 свитков инструкций, но работа над ними завершена не была. В конце VIII в. начальник фискального департамента Вакэ-но Киёмаро систематизировал 20 свитков документов, относящихся к этому ведомству. Принцип классификации законодательных актов по ведомствам был положен и в основу работы группы чиновников, составивших к 830 г. систематизированный свод дополнений к законодательству (Конинкяку) и собрание инструкций (Конинсикки). Кроме того, по предложению преподавателя (хакасэ)⁸ права Хэйанского университета Нукада-но Иматари группа юристов систематизировала комментарии к сводам VIII в. — «Тайхо рицурё» и «Ёро рицурё», и в 834 г. они были опубликованы («Рё-но гигэ») [283, с. 147—148].

Важное значение хэйанский двор придавал строго регламентированным политическим церемониям и процедуре решения политических вопросов, соблюдению придворного этикета и протокола. Часто религиозные и политические праздники и церемонии не разграничивались (заметьте, что нерасчлененность праздников и политики — один из главных принципов синто); некоторые из праздников были заимствованы в Китае. Однако ряд церемоний имел чисто политический характер — такие, как назначение на должности или присвоение рангов. Порядок проведения церемоний фиксировался в дневниках аристократов, передававшихся из поколения в поколение, а также в особых кодексах. В 821 г. по приказу императора Сага был установлен придворный этикет «Дайрисики», зафиксированный в трех свитках, а в IX—X вв. составлены три церемониальных кодекса («Конин гисики», «Дзёган гисики», «Энги гисики»)⁹. Наиболее же подробный кодекс — «Руководство Северной горы» («Бокудзансё»), содержащий описание 401 придворной церемонии и праздника, был составлен в начале XI в. Фудзивара-но Кинто [444, с. 214—216].

Некоторые из церемоний в IX—X вв. приобрели условный, формальный характер и не имели никакого практического значения. Например, когда вспыхивал мятеж, в провинции Исэ, Мино и Оми отправлялись гонцы с приказом укрепить заставы. К XI в. церемония укрепления застав (когэн кэйго-но ги) стала одной из процедур, предшествовавших вступлению на престол нового императора.

Номинальными, почетными стали и некоторые правительственные посты. Например, главами департамента церемоний и чинов, военного назначались принцы, никакой реальной деятельностью не занимавшиеся, но получавшие за должность дополнительный доход и приписывавшие к своему имени название должности. В предыдущей главе уже говорилось и о почетных губернаторах провинций. Этот обычай просуществовал вплоть до буржуазных реформ конца 60-х — начала 70-х годов XIX в.

Но, разумеется, удовлетворяя свое тщеславие длинным перечнем реальных и номинальных чинов и должностей, хэйанские аристократы должны были и на деле руководить государством.

Государственный совет совмещал функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Очень часто члены совета одновременно занимали должности руководителей департаментов, начальников управлений дворцовой охраны, но четко определенного круга обязанностей или ведомственной специализации у них не было. Они участвовали в заседаниях Государственного совета, обсуждении и решении наиболее важных политических проблем, от имени совета руководили церемониями, праздниками и другими мероприятиями политического характера и занимались всеми повседневными политическими вопросами.

Обычно до заседания Государственного совета назначался председатель из числа министров или старших докладчиков, который собирал членов совета. Затем секретарь по поручению

императора или регента-правителя сообщал повестку дня и представлял совету необходимые документы. После этого начиналось заседание. Присутствие в зале кого-либо, кроме членов совета, не допускалось. Участники поочередно, начиная с младших по должности, высказывали свое мнение.

Если обсуждаемый вопрос был простым и не вызывал разногласий, председатель докладывал об итогах заседания императору или правителю устно — через секретаря императора. Но, как правило, составлялся отчет (садамэбуми), который писал один из младших по должности членов совета. В документе указывалась повестка дня и четко фиксировались мнения участников. Председатель просматривал и исправлял отчет, а затем передавал императору. Если член Государственного совета по каким-то причинам не желал высказываться по обсуждаемому вопросу или не считал председателя достаточно авторитетным, то он под каким-либо предлогом уклонялся от участия в заседании. Окончательное решение принимал император или правитель.

Связь Государственного совета с ведомствами и провинциями поддерживалась через секретарей — правого и левого, старшего, среднего и младшего. К ним поступали все доклады и прошения из провинций. Секретари систематизировали эти документы, а затем передавали их в Государственный совет, где старший по должности из членов совета (но не ниже среднего докладчика), находившийся в этот день на службе, принимал по ним решения. На основе решения писался указ или приказ совета [444, с. 328—334].

Присвоение рангов и назначение на должности (за исключением назначения министров) производилось в ходе специальных церемоний — сессий. Ежегодно 5—6-го числа 1-го месяца проводилась церемония предоставления рангов высшей знати (дзёи). Назначение на должности производилось дважды в год. Эти церемонии длились три дня: весной (в конце 1-го — во 2-м месяце) назначались чиновники в провинции (агатамэси-но дзимоку), осенью (в 9-м месяце или позднее) — в столичные ведомства (цукасамэси-но дзимоку). Соискатели рангов и должностей подавали прошения — от ведомства или индивидуально. Текст прошения писался на изящном камбуне, содержал ссылки на прецедент и сведения о служебной деятельности соискателя, разумеется, хвалебного характера. Прощения поступали в канцелярию правителя (главного министра) либо императора, где систематизировались, а затем передавались секретарю Государственного совета (гэки), который проверял правильность содержащихся в них данных.

После этого проводилась собственно церемония — совещание членов Государственного совета. На весеннем совещании давалась оценка деятельности губернаторов, у которых истек четырехлетний срок пребывания в должности: учитывалось состояние финансов губернаторства, ведение документации, правильность поступления налогов из данной провинции. После рассмотрения прошения

совет выносил решение о замещении вакантных должностей, фиксировавшееся документально; последнее слово при этом принадлежало императору или правителю. Окончательное решение объявлялось официально. Вновь назначенные на должность нанесли визиты вежливости вышестоящим чиновникам [444, с. 122—125].

Очень часто соискатели рангов и должностей использовали связи с властью имущими, последние же пользовались своим положением в личных интересах. Коррупция в раннефеодальной Японии достигла широких размеров; нравам ее господствующих кругов были присущи те же черты, которые характеризуют политическую элиту любого средневекового государства: борьба за власть любой ценой, бесконечные интриги, заговоры и политические убийства, расправы с опальными — лишение чинов и ссылка, жажда богатства и роскоши, тщеславие, взяточничество и подкуп в различных формах: подарки, подношения предметов роскоши, пожертвование земель, покупка должностей и рангов.

Избранный круг аристократии был закрыт для тех, кто к нему не принадлежал, а презрение было нормой отношения не только к крестьянам и ремесленникам, но и к низшим слоям знати. Более чем холодно хэйанские правители обращались с образованными и учеными людьми, без знаний и труда которых, однако, обойтись не могли.

Нередко покупателями рангов выступали местные нетитулованные землевладельцы, стремившиеся ценой подношений приобрести ранг, а, следовательно, освобождение от налогов и повинностей. Факты продажи рангов отмечены и в официальных историях, и в других источниках [46, с. 315—316]. Назначение на губернаторскую должность в доходную провинцию открывало возможность особенно быстрого обогащения, поэтому в претендентах недостатка не было. В X в. продажа рангов и должностей была узаконена в связи с сокращением источников рангового жалования и бенефиций высшей знати. Принцы и члены Госсовета получили право ежегодно продавать определенное количество титулов и должностей. Так, 5-й ранг стоил 600 мешков риса [444, с. 117—119], лицо же, имевшее этот ранг, могло рассчитывать на дальнейшее возвышение.

Размеры взяток и подношений были столь велики, что наряду с вотчинами они стали играть роль экономической основы аристократических домов и нередко вымогались. Так, правитель Фудзивара-но Митинага, решивший в 1016 г. восстановить один из своих домов, открыто возложил расходы на губернаторов, а последние постарались превзойти друг друга в подношениях [386; 391].

Получение предметов роскоши для императорского двора и высшей аристократии было одной из главных целей крайне ограниченных и редких внешних связей. В первой половине IX в. были назначены две официальные миссии в Китай — в 803 и в 834 г. Вторая миссия, однако, долгое время не могла покинуть Японию

из-за штормов. Лишь в 838 г. посол Фудзивара-но Цунэцугу прибыл в Чанъань, а в Хэйан миссия вернулась в 839 г. Следующая официальная миссия была назначена в 894 г., но так и не отправилась в путь. Купцы и монахи продолжали плавать в Китай [283, с. 139—140], а когда в последующие века в Японию стали приходить китайские торговые корабли, потребность в официальных связях для получения предметов роскоши и изучения китайской культуры намного уменьшилась.

Во второй половине VIII—IX в. Япония поддерживала также отношения с Бохайским царством, созданным в начале VIII в. на части территории Восточной Маньчжурии, Южного Приморья и Северной Кореи. Бохайцы, враждовавшие с Танской империей, неоднократно присылали миссии в Японию, а японские правители, имевшие напряженные отношения с Силла, хорошо принимали бохайских послов, устраивая светские развлечения в виде поэтических состязаний [283, с. 201—203].

Из других форм внешних контактов в источниках отмечено нападение чжурчженей на Кюсю в 1019 г., довольно быстро отбитое японцами.

Фактическое прекращение официальных контактов с Китаем во второй половине IX в. было связано и с ослаблением влияния китайской духовной культуры на хэйанскую аристократию. Японская знать, усвоившая китайскую письменность, систему стихосложения, технику живописи, не могла удовлетвориться простым подражанием китайским образцам и искала собственные средства изображения своей жизни и окружающего мира. Поэтому во второй половине IX в. заметное развитие получило поэтическое творчество на японском языке. С конца IX в. на смену китайскому сюжету в живописи приходит японский, начинается и составление поэтических антологий на японском языке. Вместе с тем хэйанская знать во главе с домом Фудзивара, монополизировавшим, как отмечалось выше, реальную власть в государстве, жила в замкнутом мире, ограниченном столицей, а в столице — избранным кругом. Она располагала материальной базой для обеспечения своих потребностей, не стремилась нарушить замкнутость своего круга и всячески охраняла ее. Знать не нуждалась во внешних связях, экономических же потребностей для их развития не возникало.

Внешние связи не оказывали сколько-нибудь заметного воздействия на хозяйственное развитие Японии, в области же идеологии и культуры оно было намного ошутимее, хотя и здесь преломлялось в зависимости от внутренних условий и этнических традиций японцев.

Усиление социальной роли буддизма

Правящая элита раннефеодальной Японии, создавшая аппарат управления и принуждения, стремилась внушить народу, лишенному возможности пользоваться плодами своего труда, почтение

перед богатством, трепет перед величием власти, сознающей себя божественным творением и верившей в свою исключительность. Усиление эксплуатации крестьянства сопровождалось навязыванием представлений о бренности всего земного, надежд на лучшее будущее в потустороннем мире, достигаемое ценой лишений в этой жизни, и веры в спасительную доброту богов. Культура и образование, монополизированные господствующим классом, были не только средством удовлетворения духовных потребностей, но и эффективным рычагом социального воздействия на чувства угнетенных.

Буддизм стал распространяться в Японии в то время, когда вера в синтоистских богов, возникшая в первобытном обществе, имела прочные корни как в среде крестьянства, так и у формирующегося господствующего класса. Как уже отмечалось, синтоизм возник из страха перед природой и веры в то, что боги усмирят стихию, наносящую ущерб человеку. Отсюда — прямая связь возникновения синто и полевых работ. Земледельцы в первобытной Японии молились о хорошем урожае — умиротворении богов, гнев которых мог стать причиной бури, засухи или нападения саранчи. На поле устанавливался столб, огораживавшийся веревкой, — святое место, зачаток будущих храмов. Устраивались состязания борцов (сумо), считалось, что победителей ждет хороший урожай. Весенним полевым работам предшествовал ритуал в честь родового божества, которому мог молиться лишь член данного рода.

На этапе разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества сложились мифы о божественном происхождении Японии, использованные затем для обоснования господства императорского дома и зафиксированные в первых письменных памятниках VIII в. Император стал рассматриваться как бог в образе человека, олицетворявший духовную власть, даже если реальная светская власть ему и не принадлежала, даже если сам император поклонялся Будде.

Буддизм, проникший в Японию в период становления классового общества, а на начальном этапе существования раннефеодального государства распространенный преимущественно среди правящих кругов, не заменил синто и не вытеснил веру в родовых богов, но по мере развития феодальных отношений все шире стал использоваться как средство идеологического контроля над народом. Развитое буддийское вероучение, торжественная обрядность, идея спасения в мире Будды воспринимались как благо для всех, кто в него верит. Синтоистские святыни внушали трепет и боязнь гнева богов, буддийское учение внушало надежду на спасение, доступное всем, — в этом или потустороннем мире. Поэтому синтоистские боги без труда вошли в буддийский пантеон и стали именоваться бодхисаттвами. Вместе с тем синтоизм не растворился в буддизме, а продолжал самостоятельное существование. Буддийские храмы могли покровительствовать небольшим синтоистским, но крупные синтоистские храмы — Исэ, Камо и др. — существо-

вали независимо от них. Синтоистские святые использовались буддийской церковью для усиления воздействия на верующих, буддийское искусство имело свои особые формы и каноны, отличающиеся от синтоистской эстетики, одним из главных принципов которой было воспевание природы, а не кумиров. Раздельно проводились праздники и обряды, буддийские и синтоистские храмы имели свои собственные земельные владения (см., например, [291; 348, с. 23—33]).

Одним из средств усиления влияния буддизма на народные массы стала начатая в VIII в., но особенно расширявшаяся с IX в. проповедь единой синто-буддийской религии (рёбу синто), которую вели известные монахи — Гёки, Сайтё, Кукай. Новой религии создано не было, но двойная вера японцев — в синтоизм и буддизм — сохраняется до настоящего времени.

Государство, заинтересованное в повышении идеологической роли буддизма, поощрявшее буддизм, жаловавшее храмам земли, в то же время стремилось держать храмы и монахов под постоянным контролем, не допускать их вмешательства в политику. Другой проблемой стал усилившийся с VIII в. уход местной знати и зажиточных крестьян в монахи, что давало возможность освободиться от налогов и повинностей. По подсчетам японских историков, с 710 по 784 г. состоялось 27 посвящений в монахи, а число посвященных достигло 18 520 [365, с. 166]. Уже с середины VIII в. власти предпринимали попытки ужесточить контроль за пострижением в монахи и за деятельностью храмов в целом. В ходе реформ Камму в конце VIII в. было ограничено строительство государственных храмов и запрещено создание частных. Упорядочивались списки монахов, провинциальным храмам (коку-бундзи) запрещалось принимать в монахи крестьян. Не разрешались проповеди в горах и лесах, связанные с крестьянскими волнениями [442, т. 1, гл. 3—4].

Средством контроля над храмами являлась также регулируемая государством система посвящения в монахи. Первый указ, по которому монахами ежегодно могло становиться не более 10 человек, был принят еще в 696 г. По указу 734 г. монахи должны были знать наизусть канон и порядок службы. Реформами Камму требования к посвящающимся в монахи были повышены. Они должны были знать ханьские чтения иероглифов¹⁰, уметь толковать канон и выдерживать соответствующий экзамен. По указу 798 г. ежегодно в монахи могло посвящаться 35 человек [365, с. 166—168]. В IX в. для каждой секты и каждого храма было установлено определенное число послушников, причем первые два года они должны были учиться.

Однако поощрение буддизма, рост экономического могущества храмов, владевших крупными вотчинами, деятельность крупных монахов способствовали быстрому количественному росту храмовых организаций. С X в. в крупных храмах жили тысячи людей. Храмами руководили не только монахи, учившиеся десятилетиями, но и члены императорской семьи и аристократических домов,

принявшие буддизм. Наряду с должностными лицами в храмах жили монахи, не имевшие должности (бонсо), лица, принявшие постриг без разрешения властей (сидосо), многочисленные послушники (тайсю), изучавшие буддизм. Так, в храме Кофукудзи в XI в. насчитывалось не менее 3 тыс. монахов и послушников и, кроме того, был многотысячный обслуживающий персонал (дзинин) — повара, уборщики, слуги. Даже монах без должности имел шесть прислужников, а высшие должностные лица храмов — по 20—30. Во многих храмах послушники и прислужники занимались также военной подготовкой [382, с. 304—310].

С переносом столицы в Нагаока, а затем в Хэйан влияние нарского буддизма начинает постепенно ослабевать. Из шести сект махаяны и хинаяны, распространенных в Хэйдзэй (Санронсю, Хоссосю, Гусясю, Дзёдзисюсю, Риссю, Кёгонсю¹¹), в конце VIII в. заметно развивалась лишь спиритуалистская секта Хоссосю, проповедовавшая безграничность духа как первоосновы бытия и самопознания души верующего, вмещающей все познаваемые объекты. Ограниченность же нарского буддизма как средства влияния на народ обнаружилась прежде всего в том, что его секты, в первую очередь Хоссосю, считали просветление (превращение в будду) уделом избранных. Именно этот тезис стал главным в полемике нарских сект с новыми, хэйанскими, сектами, основанными в Японии в начале IX в., — Сингонсю и Тэндайсю [46, с. 246—248].

Распространение Сингонсю связано с деятельностью монаха Кукай (в миру — Сазги-но Маю, 774—835), выходца из местных землевладельцев. С 788 г. Кукай учился в Нагаока, где прошел затем курс японского права, но вскоре увлекся буддизмом, бросил учебу и покинул столицу. В 797 г. он написал «Руководство для глухого музыканта» («Рого сиики») — книгу, в которой доказывал превосходство буддизма над даосизмом и конфуцианством, а в следующем году был посвящен в монахи. С 804 по 806 г. Кукай, отправившийся вместе с дипломатической миссией в Китай, пробыл в Чанъани, где осваивал учения новых для Японии сект, санскрит, посещал храмы, собирал буддийскую скульптуру, живопись, книги, писал стихи. Здесь же Кукай был посвящен в монахи секты Сингонсю, распространившейся в Китае с начала VIII в.

На родине Кукай сначала получил разрешение вести проповеди и иметь учеников в Такаосандзи — родовом храме аристократического дома Вакэ. Однако он сумел поставить под свой контроль еще целый ряд храмов, создав разветвленную религиозную организацию. Суть учения (миккё) Сингонсю, которое проповедовал Кукай, сводилась прежде всего к тому, что во всех религиозных идеях скрыта высшая истина будды Солнечного света — Дайнити нёрай (Махавайрочана). Это положение определяло терпимое отношение Сингонсю к другим сектам. Во-вторых, в отличие от спиритуализма Хоссосю последователи Сингонсю исходили из того, что разум Будды скрыт во всех элементах материи и духа

и во всех явлениях, образованных этими элементами [295]. Отсюда выводилась возможность постижения божественного разума, просветления. Каждый, с точки зрения и Сингонсю, и Тэндайсю, может стать буддой, если приведет тело, дух и слово в соответствие с разумом Будды. Это положение имело исключительно важное значение для усиления воздействия буддизма на массы, проповеди социальной пассивности, покорности и аскетизма.

Базой секты Сингонсю Кукай избрал гору Коясан в провинции Кии¹², пожалованную ему императором Сага. Здесь же Кукай надеялся основать вотчины. В Хэйан же главным храмом Сингонсю сначала оставался Такаосандзи, переименованный в 824 г. в Сингококусингондзи, а затем — Тодзи, переданный секте Сингонсю императором в 823 г. (с 826 г. именовавшийся Кёгококудзи).

Поддержка и заинтересованность двора в немалой степени способствовала расширению влияния Сингонсю. В 830 г. Кукай написал «Трактат о совершенной душе монаха у праведного алтаря» («Химицу мандара дзюдзюсинрон»), в котором доказывал превосходство учения Сингонсю над другими сектами [332; 393; 411 и др.].

Деятельность Кукай была разносторонней. Он известен как поэт, занимавший почетное место при дворе императора Сага, высоко ценившего поэтический талант. Сборник стихов Кукай на китайском языке составил его ученик Синдзэй. Кроме того, перу Кукай принадлежит один из первых в Японии литературоведческих трактатов «О хранении драгоценного литературного зеркала» («Бункё хифурон»), содержащий анализ танской поэзии, теорию стихосложения и оказавший серьезное влияние на японскую поэзию [286]. Но главной целью всей его деятельности было вовлечение народа в буддизм. Кукай много ездил по стране, вел проповеди и на Кюсю, и в восточных провинциях. В 821 г. в своей родной провинции Сануки он создал искусственное озеро Манноикэ, до сих пор пригодное для орошения. По мнению специалистов, Кукай применил здесь опыт создания системы водоснабжения Чанъани, изученный им во время пребывания в Китае [378]. Такого рода деятельность, безусловно, способствовала росту его авторитета, а следовательно, и проповедуемого им учения.

После смерти Кукай среди его учеников возник раскол, секта разделилась на два течения. Объектом разногласий стала борьба за посвящение в монахи Сингонсю: одни считали, что оно должно проводиться на Коясан и в Хэйан, другие — только на Коясан. Последние полагали, что секта будет прочнее, а вера в учение Кукай — тверже, если все монахи будут выходцами из единого центра, созданного основателем Сингонсю. Там же предполагалось собрать все реликвии, связанные с деятельностью Кукай, и его труды. В частности, монах Синдзэй перевез из хэйанского храма Тодзи на Коясан все канонические книги, доставленные Кукай из Китая; они были возвращены храму лишь в конце IX в. благодаря вмешательству экс-императора Уда. Успешную попытку

преодолеть раскол секты предпринял монах Канкэн (853—925), последовательно возглавлявший большинство крупных храмов — Сингонсю — Ниннадзи¹³, Тодзи, Дайгодзи, Конгобудзи — и поставивший их под контроль Тодзи. Монах Канкэн же ввел поклонение основателю секты — ежегодные молитвенные собрания (миэйгу) перед портретом Кукай в день его смерти — 21-го числа 3-го месяца. С 910 г. эти собрания устраивались в Тодзи, с 1148 г. — на Коясан, а затем во всех храмах Сингонсю [365, с. 188—189].

Секта Тэндайсю (от названия горы Тяньтай, где секта начала свою деятельность) была основана в Китае в конце VI — начале VII в. В Японию книги этой секты привез китайский монах Гандзин, а основателем японской Тэндайсю стал монах Сайтё (767—822), происходивший из деревни Фуруити уезда Сига провинции Оми. С учением секты Сайтё познакомился на горе Хизёдзан, где поселился до того, как стал монахом в 785 г., и провел десять лет, став убежденным сторонником Тэндайсю. В начале IX в. вместе с Кукай он отправился в Китай, где был посвящен в монахи этой секты. В 806 г. Сайтё получил разрешение императора на создание секты в Японии; базой ее стал храм Хизёдзандзи (с 823 г. — Эирякудзи)¹⁴.

Как и Кукай, Сайтё много ездил по стране с проповедями. Последователями секты становились монахи, местная знать, крестьяне. Нарские секты, недовольные деятельностью Сайтё, навязали ему диспут, способствовавший, однако, усилению влияния Тэндайсю. В противоположность тезису Хоссосю, согласно которому последователи буддизма в зависимости от способностей делились на пять категорий, Сайтё с позиций Тэндайсю недвусмысленно защищал положение о том, что каждый может стать буддой [283, с. 168—173].

В середине IX в., когда Сингонсю переживала раскол, а нарский буддизм постепенно приходил в упадок, наступил расцвет Тэндайсю, связанный с именем монаха Эннин (794—884), который, в частности, ввел постоянные моления Будде (дзёгё дзяммай) [46, с. 348], ставшие одним из истоков последующего распространения среди народа веры в буддийский рай [232; 395, с. 10—15]. Вместе с тем вера в Сакья-муни как непосредственного спасителя, основанная на «Сутре лотоса» («Мёхо рэнгёкё») — одной из книг махаяны, пропагандировавшейся Тэндайсю, надежда на божественные благодеяния в этой жизни отвечали интересам феодалов, заботившихся об увеличении своих богатств. Поэтому Тэндайсю стала пользоваться покровительством дома Фудзивара.

Сингонсю тоже проповедовала получение пользы в этой жизни, однако в X и особенно в XI в. хэйанской знати этого было недостаточно. Политическая нестабильность, мятежи, крестьянские волнения, стихийные бедствия — землетрясения, засуха, наводнения, а также пожары, эпидемии, преступность способствовали росту пессимистических настроений в среде господствующего класса, усиливая сознание надвигающегося кризиса.

Этим настроениям как нельзя лучше соответствовала распространявшаяся в то время буддийская философия конца веры — неизбежности всеобщего упадка и хаоса. Согласно этой философии мир после смерти Сакья делился на три периода: истинной веры (сёбодзи), формализации веры (дзободзи) и упадка и гибели веры (мапподзи). Известны различные концепции продолжительности первых двух периодов: в X—XI вв. считали, что истинная вера сохранялась 1 тыс. лет, а формализованная — 2 тыс. лет. Называли даже точную дату начала периода конца веры — 1052 г. [46, с. 355]. С точки зрения этой философии в первый период существовало учение Сакья, его истинные последователи, достигавшие просветления; во второй период вера приняла подражательный характер, учение и ученики Сакья еще существовали, но просветления они не добивались. В десяти тысячелетний период конца веры останется одно учение без последователей и просветления, души людей погрузятся во мрак, миру будет грозить хаос и гибель веры [394, с. 278—282].

Пропаганда пессимистической философии истории была рассчитана на появление естественного желания избежать «конца веры» и хаоса, что, в свою очередь, способствовало возникновению новых форм верований, их распространению не только в среде аристократии, но и в крестьянской среде, а в конечном итоге — укреплению позиций буддийской церкви в Японии. Вследствие этого влияние буддизма на народ в X—XI вв. заметно возросло.

Новые формы верований разграничивались в зависимости от отношения к основной идее буддизма — просветлению, превращению в будду. Секты Хоссосю и Тэндайсю исходили из возможности просветления в этом мире (сёдомон), вытекающей из учения Сакья. На этой основе распространилась вера в буддийские мощи, бодхисаттву Мироку (Майтрейя) и паломничество в храмы, поскольку само по себе учение Сакья, обнаружившее свое бессилие в философии конца веры, не обеспечивало спасения.

Вера в мощи (сяри синко) пришла из Китая и сводилась к тому, что поклонение мощам Сакья гарантирует его помощь и спасение. Две другие формы тоже были связаны с верой в Сакья и вытекали из Сутры лотоса. Вера в Майтрейя основывалась на легенде, согласно которой этот бодхисаттва должен явиться людям через 5 млрд. 670 млн. лет после смерти Сакья-муни, стать вторым Сакья и обратить заблудших в истинную веру. До рождения в мире людей Майтрейя живет в своем раю (тосоцутэн), во Внутреннем дворце на горе Коясан, земное же явление его ожидалось на горе Кимбусэн в Есино. Паломничество предусматривало поклонение бодхисаттве Каннон (Авалокитешвара), от которого ждали откровения, — не в любом месте, а в определенных храмах [365, с. 205—206].

Еще шире распространилась вера в буддийский рай (дзёдо), основанная на идее просветления после переселения в рай будды Амида [46, с. 352]. Вера в наступление конца буддизма делала бесполезной заботу о просветлении в этом мире, поэтому вера

в рай настойчиво и успешно пропагандировалась монахами, особенно со второй половины X в.

Рай в представлении буддистов — это чистый мир, где живут будды и бодхисаттвы, он — антипод грубого, суетного, земного мира (эдо), в котором копошатся саттвы (сюдзё) — объект спасения будды. Рай Амида (гокураку дзёдо) — радостный и спокойный, готовый открыться для всех ищущих спасения. Красочные и идеализированные изображения загробной жизни, надежды на переселение в рай стали одним из общедоступных средств примирения с жизненными трудностями, успокоения феодалов и отвлечения крестьян от активной борьбы с угнетателями.

Монахи внушали верующим, что переселиться в рай может каждый, нужно лишь непрерывно молиться. Непрерывные моления (фудан нэмбуцу) были введены, как отмечалось выше, сектой Тэндайсю еще в середине IX в., но широко распространились одновременно с проповедью веры в рай. Они представляли собой много часовые моления, совершавшиеся каждый день. В X—XI вв. последователи учения о рае еще не оформились в самостоятельную секту, но складывались обряды и ритуал, заключавшийся в многократном повторении слов молитвы: «Верю в тебя, будда Амида» («наму Амида буцу»).

Непрерывные моления, первоначально ограничивавшиеся семью днями и проводившиеся в Энрякудзи, в X в. были доведены до 90 дней и стали проводиться во многих храмах, где для этой цели были построены специальные залы. Молились и индивидуально, но чаще — коллективно, во главе с монахами. В Энрякудзи с 11-го числа 8-го месяца читалась «Сутра Амида», монахи ходили по залу и хорошо поставленными голосами непрерывно произносили слова молитвы — в такт звукам свирели. Эффект усиливался золотым блеском статуи Амида и изображением на стенах сцен рая Амида. Молитвенные собрания устраивались и в домах аристократов.

Наибольшую роль в быстром распространении веры в буддийский рай, по общему мнению японских исследователей, сыграла деятельность монахов Коя (903—972) и Гэнсин (942—1017). Коя рассчитывал на то, что вера в рай не требовала создания храмов и статуй. Он ходил по провинциям, ремонтировал дороги, строил мосты, рыл колодцы. Завоевав доверие крестьян, Коя побуждал их вместе с ним молиться будде Амида. Слова молитвы сопровождался ударом в барабан, висевший у него на шее [431]¹⁵.

Гэнсин был учеником монаха Рёгэн, руководившего Тэндайсю с 966 г. и заложившего основы буддийских исследований на Хиэй-дзан. Гэнсин много занимался обоснованием учения о рае, изучил и проанализировал несколько тысяч свитков буддийских текстов, систематизировал и объяснил большое число положений о переселении в рай. Итогом его работы явился труд «О сущности переселения и нового рождения в раю» («Одзё ёсю»), завершённый в 985 г. В первой главе Гэнсин описывал страдания земной жизни и ужасы ада, во второй — счастье рая Амида. В последующих

восьми главах монах доказывал превосходство рая Амида над другими раями, описывал, как надо восхвалять Будду и молиться ему. Он создал также молитвенную организацию, состоявшую из монахов Эирякудзи и студентов Хэйанского университета; ее участники собирались один раз в месяц, слушали проповедь «Сутры лотоса», а затем творили непрерывную молитву.

С X в. в буддийской пропаганде широко использовалось искусство. Кроме музыкального сопровождения молитв писались буддийские песни на китайском (кансан) и японском языке (васан), в которых прославлялся Будда и рассказывалось о рае. Песни исполнялись хором, под музыку, и были рассчитаны в первую очередь на крестьян. В храмах специально подготовленные монахи объясняли посетителям картины на буддийские сюжеты.

Средством распространения веры в рай стали также церемониальные шествия (госёэ), возникшие в конце X в. и проводящиеся поныне¹⁶. Содержанием шествий являлось театрализованное изображение встречи буддой Амида земных людей в раю. На паланкине несли статую Амида, сопровождаемую бодхисаттвами Каннон (Авалокитешвара) и Фугэн (Самантабhadра). Паланкин окружало 25 монахов, одетых бодхисаттвами и несших курительницы с благовониями, шелковый зонтик с украшениями (тэнгай) и другие буддийские атрибуты. Шествие двигалось под музыку, монахи, славя Будду, принимали от зрителей деревянные дощечки (ихай) со словами молитвы, написанными умершими родственниками [394; 248; 443].

Усиление роли буддизма в общественной жизни Японии происходило одновременно с усилением эксплуатации и зависимости крестьянства от феодалов и отражало интересы господствующего класса, составной частью которого являлось буддийское духовенство. Храмы, располагавшие экономической базой в виде вотчин и пользовавшиеся духовным влиянием на народ, в XI в. заметно укрепили и свои политические позиции.

Выражением этого явилось введение монастырской формы правления отречившихся императоров (инсэй) в конце XI в. Правление отречившихся императоров практиковалось с конца VII в., но в то время политика и буддизм не сливались воедино. В 1086 г. император Сиракава посадил на трон своего сына, объявил наследным принцем своего внука и, воспользовавшись ослаблением дома Фудзивара, взял бразды правления в свои руки, переселившись в монашескую резиденцию (ин) [386, с. 91—93].

Разумеется, буддийская церковь не могла быть единственной опорой монастырского режима: Сиракава, в частности, сконцентрировал в своих руках большое число вотчин, а в его правление, продолжавшееся до 1129 г., возросла роль фактических губернаторов провинций (дзурё). Но несомненно также и то, что деятельность монашествующих императоров способствовала усилению социально-политической роли и идеологической функции буддизма, активной буддийской пропаганде. Сиракава построил

много храмов (Хоссёдзи, 1077 г.; Сонсёдзи, 1102 г.; Сайсёдзи, 1118 г. и др.). По подсчетам, произведенным сразу после его смерти, при его жизни было написано более 5470 портретов Будды, создано 5 статуй высотой 3 м, 121 статуя высотой 4,8 м, 66 статуй высотой 1,5 м, более 2900 статуй ниже 0,9 м, 3150 других статуй [201, с. 242].

Однако с возрастом самостоятельности буддийских храмов слабел контроль государства над буддизмом. Обратной стороной монастырского правления стали частые выступления монахов с требованиями отменить или принять то или иное решение, касающееся храмов, то или иное назначение. Нередко выступления монахов становились формой вмешательства в политическую борьбу. Экс-император Сиракава вынужден был искать поддержки у самурайских домов для борьбы с вооруженными монахами. Если за два столетия, предшествовавшие монастырскому правлению, произошло 11 выступлений монахов, то за 44 года правления Сиракава — 33, в правление Тоба и Госиракава — 29 выступлений [442, т. 1, с. 795—800].

Чаще всего требования властям предъявляли сильные храмы — Эирякудзи, Кофукудзи и др. Вооруженные толпы буддийских монахов с синтоистскими святынями (паланкином и деревом) в расчете на душевное смятение власть имущих вступали в Хэйан и двигались к императорскому городку. Типичный пример таких выступлений приводит Такэути Ридзо. Весной 1113 г. двор Сиракава назначил скульптора Энсэй — автора многих буддийских статуй, установленных в храмах, построенных монашествующим экс-императором, — настоятелем (бэтто) Киёмидзудэра¹⁷ — дочернего храма Кофукудзи. Однако монахи Кофукудзи воспротивились назначению, поскольку Энсэй принял посвящение в Эирякудзи, и двинулись из Нара в столицу. Недалеко от ворот Радзёмон, у р. Хорикава, они захватили лес, сплавлявшийся в Хэйан из провинций Тамба и Оми. Это подействовало на правительств, и оно отменило назначение Энсэй.

Однако теперь счел себя оскорбленным храм Эирякудзи. 1-го числа 4-го месяца его монахи окружили дворец Сиракава, требуя наказать Дзицугаку — монаха Кофукудзи, выступившего ранее инициатором нападения на синтоистский храм Гион, которому покровительствовал Эирякудзи. Высшие сановники долго не могли принять решение, но в конце концов удовлетворили требование Эирякудзи. После этого снова выступил Кофукудзи, обвинивший монахов Эирякудзи в краже буддийских статуй и утвари из храма Киёмидзудэра. Кофукудзи потребовал наказать виновных, а монаха Дзицугаку от наказания освободить, угрожая походом на столицу. 24-го числа 4-го месяца Сиракава послал против Кофукудзи самурайский отряд, который нанес поражение вооруженным монахам [382, с. 294—301].

К XII в. буддийские храмы представляли собой мощную силу — экономическую, военную, идеологическую, что предопределило их последующее участие в политической борьбе. Однако главным

результатом развития буддизма в раннефеодальной Японии явилось распространение его влияния на крестьянство. Из мировоззрения господствующих кругов, синтезировавшего веру в Будду с этноцентристскими представлениями и культом родовых божеств, буддизм был превращен в средство идеологического контроля и социального господства. Поэтому антифеодальные движения японского крестьянства в последующие столетия были связаны либо с развитием оппозиции ортодоксальным сектам, либо с преодолением буддизма в целом.

Глава 5

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ ХЭЙАНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ¹

Общеизвестно, что IX—XII века оставили богатое культурное наследие, к изучению которого часто обращаются специалисты в различных отраслях знаний и в самой Японии, и за ее пределами, в том числе в нашей стране, а произведения художественной литературы, написанные в Хэйан, переведены на многие языки. Не меньшую ценность представляет хэйанская живопись, в том числе в свитках (эмакимоно), синтезировавшая собственно живопись, поэзию и искусство каллиграфии.

По характеру и содержанию хэйанская духовная культура — аристократическая. Она создавалась знатью и для знати, отражала ее жизнь и мировоззрение и как культура господствующего класса любого средневекового общества была, разумеется, недоступна народу на протяжении всей феодальной эпохи. Время существования культуры хэйанской (позднее — киотоской) аристократии не ограничивалось ранним средневековьем, но в общенациональную культуру японцев вошло лишь то, что было создано на этапе ее расцвета — в IX—XII вв.

«Когда мы рассуждаем о средневековом обществе, то об уровне его цивилизации судим не по массовым показателям, а по высшим достижениям, — справедливо подчеркивал В. Н. Горегляд — Дело в том, что массовые показатели, как правило, не зафиксированы письменно и трудновосстановимы» [88, с. 13]. Культура японской аристократии IX—XII вв. представляет интерес в двух временных измерениях — как высшее достижение раннего средневековья и как элемент современной национальной культуры японцев. Отметим, что непреодолимость социального барьера между хэйанской знатью и крестьянством не означала абсолютной изоляции аристократии от народа. В культуре столичной знати можно проследить и народные истоки. В частности, фольклорная традиция оказала несомненное влияние на японскую раннесредневековую литературу, а музыка, исполнявшаяся при хэйанском дворе, — это зачастую песни крестьян, канонизированные затем в виде изящной придворной музыки (гагаку).

Вместе с тем замкнутый, ограниченный мир хэйанской знати, ее весьма однообразная жизнь, череда похожих развлечений довольно быстро исчерпали сюжеты аристократической литературы. Поэтому, в частности, раннесредневековый роман, достигший вершины в «Повести о принце Гэндзи» (начало XI в.), не получил дальнейшего развития и произведений, превосходящих этот роман, в XI в. создано не было. Все, что можно было сказать о жизни и любви аристократов, сказано Мурасаки сикибу — автором «Повести о принце Гэндзи». Аристократическая

литература последующих столетий была лишь подражанием раннесредневековым образцам.

Характерной чертой хэйанской культуры стало ослабление китайского влияния. Из Китая по-прежнему заимствовались отдельные формы культуры, но вкладывалось в них японское содержание. Заметный перелом наступил к началу X в. В области литературы поэзия, а затем и проза на японском языке стали вытеснять поэзию на древнекитайском языке — вэньяне, что было связано с использованием двух слоговых азбук на иероглифической основе — катакана и хирагана — и распространением смешанного письма. В изобразительном искусстве в это же время стала утверждаться живопись на японский сюжет (яматэ). С начала X в. фактически ослабело значение китайских образцов и в составлении официальных исторических хроник. Но вэньянь по-прежнему оставался официальным языком; усилилось влияние буддийских представлений на искусство. Наиболее четким было разграничение буддийской и светской, а фактически — основанной на синтоистских представлениях — культуры в изобразительном искусстве.

Материальная культура и быт знати тоже были отчетливо классовыми, кастовыми. Невозможно характеризовать одежду и пищу японского этноса в VIII в. или в IX—XI вв. обобщенно; можно говорить в данном случае лишь об определенных классах и слоях общества. Вместе с тем здесь, как уже отмечалось, зарождались те элементы, которые спустя много веков вошли в общенациональную культуру.

Существовали и такие обычаи, которые возникли в первобытном обществе одновременно с зарождением религиозных верований и были распространены повсеместно: культ огня, представление о грехе и скверне, очищение. Однако выполнение этих обычаев и обрядов тоже не могло быть независимым от социально-экономических условий: например, с культом огня было связано длительное существование дислокального и матрилокального брака (огонь домашнего очага мог передаваться только по женской линии), но если у хэйанской знати в XI в. наметился переход к патрилокальному браку, то в деревне пережитки дислокального брака были сильны еще в XIII—XIV вв., что объяснялось материальными трудностями обзаведения самостоятельным хозяйством.

Обычаи и материальная культура

Столичная аристократия, привилегированная верхушка общества — принцы, родственники, потомки власти имущих [310], располагавшие средствами и досугом, жили в просторных, удобных домах, окруженных парками и садами. Не сохранилось целиком ни одной раннесредневековой усадьбы хэйанской знати; они реконструированы японскими историками по произведениям литературы и живописи.

Жилой (спальный) дом (синдэн), давший название архитектурному стилю синдэндзукури, располагался в центре северной части квадратной или прямоугольной территории усадьбы, занимавшей обычно площадь 14,5 тыс. кв. м, но в ряде случаев значительно больше — до 66 тыс. кв. м. Дом площадью более 300 кв. м был обращен к югу, в центре его находилась большая главная комната, гостиная (омоя), за которой с четырех сторон располагались длинные и узкие жилые комнаты (хисаси). С внешней стороны дома находились смежные с ними комнаты третьего ряда (магобисаси, матабисаси), а затем — открытая веранда (суноко), опоясывающая весь дом. С запада и востока (слева и справа), а иногда — с севера, реже — с юга, веранда соединялась широкими галереями (ватадоно) с небольшими отдельными домиками (тай-но я). От домиков на юг тоже шли галереи, прорезанные внутренними воротами; в их южной оконечности, у входов, были вырыты крытые колодцы (цуридоно).

В южной части усадьбы находился пруд, через который был перекинут мостик к искусственному острову; у берега пруда стояли лодки. Ворота усадьбы находились с западной и восточной стороны. Кроме хозяйского дома на территории усадьбы строились дома для вассалов и слуг, каретный сарай и другие хозяйственные постройки [272].

Гостиная служила также и столовой. Питание, как и в Хэйдзэй, было двухразовым — обычно в 10 и 16 час. Основу его составлял рис, но стол знати был намного разнообразнее крестьянского и включал мясо (в том числе птицы), рыбу, морепродукты, овощи, фрукты. Кухня японцев только зарождалась, способы приготовления, виды блюд, их вкусовые качества были еще довольно просты, даже примитивны и, конечно, резко отличались от современной японской кухни, которая стала формироваться в XV—XVI вв. В принципе неизменными остались лишь способы приготовления риса. В Хэйан, как и в современной Японии, ели сваренный в воде белый неарваривающийся рис (химэни), сваренный на пару клейкий рис (ковани), жидкий рис с водой, а также колобки из риса (тондзика) ².

Из рыбы готовили намасу ³ — тонко нарезанные ломтики, употреблявшиеся в сыром виде, — блюдо, предшествовавшее современному сасими, но чаще ели сушеную и соленую рыбу и морепродукты. В церемониальном кодексе «Энгисики» (X в.) упоминается также суси, в то время готовившееся из рыбы и моллюсков путем естественного квашения ⁴. Из овощей употребляли огурцы, баклажаны и бобы. Был известен также лук-порей, но его использовали как лекарственное средство. На десерт подавали лепешки из рисовой или пшеничной муки (токаси), поджаренные в масле. Сладкими блюдами были сироп (амэ) из клейких сортов риса и сок ползучего растения амэдзура, который получали путем варки. Изредка употреблялся также пчелиный мед [397, с. 178—190].

Одежда хэйанских аристократов (сёдзоку) была сложной и

неудобной, сковывающей движения. Главную роль играла красота одежды. На втором месте была защита от холода. В одежде, как и во всем быту знати, поощрялся китайский, танский стиль. В 819 г. император Сага даже издал специальный указ, предписывавший проведение дворцовых церемоний и ношение придворной одежды в соответствии с танскими обычаями. Соблюдался сложный и чаще всего практически бесполезный придворный этикет, существовала масса ненужных условностей.

В IX в. возросло стремление к роскоши, следствием которого стало усиленное поощрение шелководства. По данным кодекса «Энгисики», высококачественный шелк поставляли в Хэйан 12 провинций (Оми, Мино, Исэ, Бидзэн, Биттю, Кии и др.), причем столичная знать, стремясь удовлетворить свои непомерные потребности в тканях, часто вымогала их у крестьян.

Одежда мужчин разделялась на официальную, повседневную и домашнюю. Официальную (сокутай) носили во время церемоний. Сначала надевалась нижняя рубашка (хитогину) строго определенного цвета, зависевшего от цвета верхней одежды, которая, в свою очередь, различалась для лиц разных рангов и должностей. Затем надевали нижние шаровары (огутибакама), вторую рубашку (акомэ), верхние шаровары с орнаментом (уэ-но хакама). Передняя часть их шилась из белой материи, причем на шароварах чиновников выше 3-го ранга имелся особый узор, задняя — из красной. Следующим элементом была нижняя рубашка (ситагасанэ) со шлейфом (кё), тянувшимся по полу: чем выше был ранг, тем длиннее шлейф. На рубашку со шлейфом надевали короткую рубашку с короткими рукавами (хампи) и, наконец, — верхнее кимоно (хо, уэ-но кину), доходившее до бедер или до колен, имевшее круглый воротник и подвязывавшееся поясом из шагреновой кожи (сэкитай). В зависимости от ранга пояс украшался драгоценными камнями или рогом. С правой стороны к нему привязывался мешочек длиной 9 см, шириной 3 см и толщиной 1,5 см, оклеенный акулей кожей (гётэй). В передней части мешочка к коже крепилось шесть украшений в форме рыбки, сзади — одно, изготовленное из золота (для чиновников выше 3-го ранга) или серебра. В Китае такой мешочек служил пропуском в императорский дворец, в Хэйан же использовался как украшение. При дворе надлежало появляться в головном уборе и белых носках (ситодзу). Кроме того, в руках держали деревянную ромбовидную дощечку (сяку) длиной 36,4 см и шириной до 6,1 см. Первоначально она служила в качестве записной книжки, но затем превратилась в украшение без определенного назначения. Офицеры дворцовой охраны, а также высшие чиновники, получившие специальное разрешение, носили на поясе меч.

Повседневная одежда (носи) отличалась меньшим количеством элементов (чаще всего сразу надевалась нижняя рубашка со шлейфом — ситагасанэ), свободными верхними шароварами (сасинуки), подвязывавшимися шнурками к ногам, и видом головного убора. Входить в покои императора в такой одежде могли

лишь чиновники выше 3-го ранга в экстренных случаях и по специальному разрешению. Домашняя одежда была проще. Сезонные различия заключались в том, что зимой носили утепленную ватой одежду, летнее же нижнее белье шили из самой тонкой ткани.

Женская одежда была ярче, а по составу элементов — сложнее. Число рубашек, юбок и шаровар иногда доходило до двадцати. Надевались сначала красные шаровары (харибакама), затем несколько нижних рубашек. Непременным элементом было нижнее кимоно (утиги), сшитое из очень жесткой ткани. Для смягчения его предварительно простукивали молоточком на специальной деревянной или каменной подставке (кинута). Поверх нижнего кимоно надевали короткое верхнее кимоно (уваги). Это была домашняя одежда, появление в ней при дворе не допускалось. Обязательными элементами официальной одежды была длинная юбка (мо) и короткая верхняя кофта китайского образца (карагину). В особо торжественных случаях аристократки украшали волосы (в Хэйан было принято носить длинные волосы — длиннее тела), кимоно подвязывали широким поясом (кутай), а к воротнику крепили длинный шарф (хирэ) [444, с. 400—404].

Как уже отмечалось, число придворных церемоний в Хэйан было очень велико: иногда в один день проводилось несколько. Особенно долго праздновался Новый год, и ныне остающийся одним из главных праздников японцев. Первая неделя Нового года проводилась преимущественно по-синтоистски, во вторую читались буддийские проповеди, в третью устраивались развлечения.

Рано утром в первый день Нового года — 1-го числа 1-го месяца — император в официальном костюме выходил в сад, совершал поклонение (сихохай) богам четырех стран света, молился о хорошем урожае, спасении от бедствий и мире в стране. После этого, утром же, во дворце с участием высшей знати проводилась церемония (котёбай) моления родовым богам и поздравления с Новым годом, а затем — пир. 2-го числа официальный пир происходил во дворце императрицы, 3-го — император посещал своего отца, экс-императора. 5—6-го числа, как уже отмечалось, присваивались ранги, 7-го утром объявлялось официальное решение. Затем начиналась церемония очищения от болезней (аоума-но сэтэ): по двору водили 24 вороных коня (с X в. — белых), на которых взирал император. По поверью, увидевший в 7-й день Нового года вороного коня (аоума) на год очищался от болезней. Церемония завершалась пиром. В этот же день, по китайскому обычаю, ели жидкий рис с семью весенними овощами (накакусагаю-дзиндзицу), что также должно было отравлять болезни.

С 8-го по 14-е число 1-го месяца в императорском городке велись буддийские проповеди. В тронном зале (Дайгокудзи) собирались монахи, которых кормили буддийской (растительной) пищей, после чего устраивались моления (госайэ). С 834 г.

в те же дни проповеди (госитинити-но мисихо)⁵ в храме секты Сингонсю на территории городка читал настоятель храма Тодзи.

По окончании проповедей при дворе устраивались песенно-танцевальные представления (тока-но сэтэ): 15-го числа — мужские (до XI в.), 16-го — женские (оннадока). 15-го же ели жидкий рис с добавлением других злаков — кунжута, проса и др. (нана-кусагаю-мотигаю). На этот же день приходилось полнолуние, по обычаю связывавшееся с беременностью, и мужчины произносили заклинания, прося родовых богов послать сына. В последующие два дня проводились ежегодные соревнования по стрельбе из лука: 17-го их устраивали управления дворцовой охраны (нориюми), 18-го — военный департамент (дзярай) [46, с. 367—368].

Кроме этих фиксированных церемоний проводились и другие; во дворце и домах знати часто устраивались пиры. Протокол официальных пиров был строго регламентированным: определялись места для каждого присутствовавшего, устанавливались порядок проведения банкета, очередность подношения сакэ (рисовой водки) и другие мелочи, подчеркивавшие положение каждого придворного в иерархии власти [450].

Не только императорский трон, но и высшие государственные должности наследовались по мужской линии. Личное же имущество (дом и домашняя утварь) наследовалось по женской линии, что объясняется характером брачных отношений.

До X в. весьма широко был еще распространен дислокальный брак (цумадоикон), возникший на этапе разложения первобытно-общинного строя и характеризовавшийся раздельным проживанием супругов. Мужчина выбирал жену, руководствуясь личным вкусом, и навещал ее дом, который был местом хранения огня в очаге, рождения и воспитания детей. Единственным отчетливым признаком развода являлось возвращение женщине написанных ею писем, но мужчина мог и не делать этого. Брачные отношения прекращались сами собой, если мужчина переставал приходить к жене или начинал ходить к другой женщине. Покинутая жена могла сразу вступить в новый брак, но воспитание детей от всех браков было ее правом и обязанностью.

В X в. стал преобладать матрилокальный брак (сёсэйкон, мукоторикон), в целом существовавший с VII по XIV в. В этом случае жениха для дочери выбирали ее родители, а муж после заключения брака переселялся в дом жены. Женщина, вступив в брак, фамилию не изменяла, но дети носили фамилию отца. Родители жены, принимая в дом зятя, брали на себя полную заботу о нем.

В Хэйан соблюдались свадебные обычаи: объявление о вступлении в брак и переселении в дом жены (токороараваси), церемония расставания молодоженов после брачной ночи (кину-гину-но фуми). В первые три дня тесть и теща ложились спать, держа в руках обувь зятя, чтобы привязать его к дочери. Через три дня зять надевал приготовленное для него новое кимоно и

подносил тестю и теще рисовые лепешки (мика-но мотии). Однако постепенно эти обычаи превращались в формальный церемониал.

При матрилокальном браке сыновья покидали дом отца, с родителями оставались дочери, их мужья и дети. Если же муж разводился с женой и вступал в новый брак, дети от первого брака оставались в доме родителей первой жены. Следовательно, братья по отцу жили в разных домах и прочных родственных связей не имели. Если дед по каким-либо причинам хотел жить со своим внуком по мужской линии, он должен был взять его в дом в качестве воспитанника, стать его опекуном. Так же мог поступить дядя в отношении племянника. Хэйанские аристократы часто прибегали к опеке при отсутствии прямых наследников должности. В последующие века система опеки широко распространилась не только в среде родственников и не только у феодалов: пасынков брали и самураи, и купцы, и ремесленники, передававшие им свое профессиональное умение, а также имя.

Женщина была хранительницей огня в очаге; обычай запрещал передачу огня из дома жены в дом мужа. Семья сына могла переселиться в дом его отца лишь в том случае, если отец умер или переезжал в другой дом: считалось, что таким образом он уносил с собой огонь. Вместе с тем в Хэйан существовал обычай соединения очага семей (хивасэ): жених, покидая дом родителей, брал с собой факел, зажженный от очага своего дома; через три дня факел зажигался вновь, и огонь вкладывался в очаг дома невесты.

На дальнейшую эволюцию форм брака оказало влияние становление вотчинной системы. Наследуя должность отца, сын феодала наследовал и его вотчинные права, что вело к усилению патрилинейных связей. Наметилась тенденция возникновения патрилокального брака (ёмэторикон). Разумеется, переход к этой форме брака происходил постепенно. В частности, с XI в. распространилась новая, промежуточная разновидность брака, при которой родители жены, не желая впоследствии дробить свое домашнее имущество, делили его между наследниками, поселяли молодых супругов в отдельном доме (кэйэйсё мукоторикон). С течением времени дом для молодоженов все чаще стала строить семья мужа [377].

Тем не менее в XI—XII вв. матрилокальный брак был распространен еще весьма широко, поэтому за женой или дочерью сохранялось право наследования не только дома и домашнего имущества, но и земельной собственности. Вместе с тем укрепление патрилинейных связей в процессе развития вотчинной системы вело к ограничению имущественных прав женщины, а вслед за этим — и ее социальных возможностей.

Однако в целом положение женщины в хэйанском аристократическом обществе и при дворе было еще весьма высоким. Но уже в IX в. в отличие от VIII в. женщины не занимали императорского трона. Почетным было лишь положение жриц крупных синтоистских храмов (Исэ, Камо), которые назначались

из числа незамужних принцесс в год вступления императора на престол и могли быть освобождены от службы в случае отречения или смерти императора.

Изменения в положении женщины обнаружились и в сфере литературного творчества — одного из главных видов деятельности хэйанских аристократок. В IX в. среди придворных дам было немало поэтесс, писавших стихи на древнекитайском языке — камбуне. В отличие от них известные писательницы конца X—XI в. пользовались только азбукой — нероглифы стали письменностью мужчин⁶. Литературные произведения женщин читались преимущественно женщинами же; в дневнике Мура-саки сикибу, автора «Повести о принце Гэндзи», правда, говорится, что ее роман читали император Итидзэ и правитель Фудзибара-но Митинага, но тем не менее в многочисленных дневниках мужчин, писавших в то время, название романа, по свидетельству Цутида Наосигэ, не упомянуто ни разу.

В целом в Хэйан прочно утвердился обычай, по которому женщина оставалась дома взаперти, а ее передвижение было крайне ограничено. От аристократки требовалась осмотрительность. Считалось вульгарным показывать лицо чужим людям. Поэтому женщина должна была прятаться от посторонних за ширмой, закрывать лицо веером, а выходя из дома, пользоваться повозкой [444, с. 14—16].

Хорошо известная из хэйанской литературы свобода отношений полов была присуща прежде всего высшему свету и императорскому двору. Чуть приоткрытая вуаль, кокетливый взмах веером давали мужчине повод к ухаживанию. Хэйанский аристократ воздействовал на чувства понравившейся женщины поэзией, возлюбленная тоже отвечала ему стихами собственного сочинения. Такой обмен письмами в стихах длился на протяжении всей связи. Нередко столичный аристократ фактически был многоженцем. Подоплекой таких отношений были типичные для господствующих кругов браки по расчету, заключая которые родители невесты или жениха преследовали свои собственные политические, имущественные или карьеристские цели и вынуждали своих детей вступать в брак вопреки личным симпатиям.

Повседневным обычаем хэйанских аристократок было использование косметики — преимущественно румян и белил, накладывавшихся густо, чтобы скрыть следы оспы — одной из наиболее распространенных болезней. Известно, что в Хэйан пользовались свинцовыми белилами, о вреде которых не знали. Румяна накладывались на губы и лицо; брови выщипывали и подводили. Вплоть до XX в. в Японии был распространен обычай окрашивать зубы в черный цвет (охагуро); в Хэйан так делали женщины и сыновья придворной знати. С конца XI в. этому обычаю стали следовать самуран, затем — крестьяне (в XIV—XVI вв. зубы, окрашенные в черный цвет, были признаком взрослой девушки, с 9 лет, а с XVII в. — замужней женщины).

Роль духов в Хэйан выполняли благовония (такимоно),

появившиеся в Японии вместе с буддизмом. В императорском хранилище Сёсон в Нара сохранилось высококачественное благовонное дерево (рандзятэй)⁷. В домах хэйанских аристократов обычно одновременно воскурляли несколько видов благовоний — и в будничной обстановке, и когда приходили гости. Мужчины и женщины держали одежду в курильницах, долгое время сохранявших запах. Благовония наряду с цветами, живописью, сочинением стихов были одной из ценностей повседневной жизни; тщеславие порождало соперничество в этих областях [444, с. 405—409].

Безусловно, жизнь хэйанской знати не была лишь беззаботной чередой празднеств, церемоний, эстетических удовольствий. Велась постоянная борьба за землю. Политические комбинации, светские связи и интриги, в основе которых так или иначе лежал расчет на увеличение богатства, стремление к личной выгоде неизбежно порождали падение нравов и пессимизм, усиливавшийся, как уже отмечалось, вследствие частых стихийных бедствий и болезней, мятежей и растущей преступности.

Нередкими в столице были землетрясения, тайфуны, наводнения, пожары. Усиление борьбы за землю с 30—40-х годов X в. ознаменовалось частыми поджогами — горели дома знати, дворцы, храмы. Поджигателями чаще всего были вассалы и слуги соперничающих феодалов. Происходили вооруженные столкновения между враждующими храмами, мятежи дворцовой охраны. В XI в. участились грабежи, нападения разбойников, проникавших даже в императорский дворец. Существовали организованные банды. На улицах Хэйан случались убийства, происходили драки. Чаще всего их устраивали вассалы и слуги знати, но и сами аристократы не были исключением, и места для сведения счетов не выбирали: дрались и на улицах, и в императорском дворце.

Но больше всего в Хэйан боялись эпидемий. Наиболее опасными и частыми болезнями были натуральная оспа и корь, а также свинка, грипп и малярия, которую в то время не считали инфекционной. Болезни нередко заносились с материка: в Японии эпидемии распространялись с о-ва Кюсю, где чаще всего бывали иностранцы. В X в. уже было известно, что у переболевших корью и оспой вырабатывается невосприимчивость. В конце X — первой четверти XI в. эпидемии кори отмечались в 998 и 1025 гг., оспы — в 993—995 гг. и 1020 г. Число умерших было велико. Летом 994 г. только чиновников выше 5-го ранга в Хэйан умерло 70. Улицы были переполнены больными, трупы поедались собаками и птицами; в городе стояло зловоние. Специальные чиновники по распоряжению правительства собирали больных во времянки, построенные на дорогах, очищали от трупов реки.

Во время эпидемий росло легковерие, распространялись всевозможные слухи. Утверждали, например, что вода из маленького колодца на одной из хэйанских улиц спасает от оспы; у этого колодца все время толпились люди. Ходил также слух, что 16-го

числа 6-го месяца по городу должен пройти бог болезней; и придворные, и народ в этот день запирали ворота и никуда не выходили.

27-го числа 6-го месяца на горе Фунаока проводился праздник бога болезней, возникший в среде народа, а затем ставший праздником синтоистского храма Имамия дзиндзя. В X в. в нем стало принимать участие правительственное Управление строительства, изготовлявшее священные паланкины. В день праздника читались проповеди, играла музыка, люди делали подношения богу болезней. Считалось, что таким способом они усаживают бога в святой паланкин, который по рекам отправляли затем в море.

Важнейшим средством исцеления от болезней в Хэйан считали молитву (кадзи). Использовались, разумеется, различные способы лечения, разные лекарства или то, что считали в то время лекарствами. Профессия лекаря была наследственной. В 982 г. глава одного из двух известных в столице домов лекарей, Тамба-но Ясүэри, написал труд «Способы лечения» («Исинхо»), в котором систематизировал большое число китайских сочинений по медицине. Лечили в Хэйан лекарственными травами, купанием в горячих источниках, иглоукалыванием, прижиганием, пиявками, диетой. Для лечения вывихов и переломов использовали, например, отвар листьев лотоса, купание в ваннах с кипяченой морской водой.

Хорошо известно, что в Японии, как и в Китае, молочные продукты в пищу не употреблялись, в японской и китайской кухне нет блюд, в которых использовались бы молоко, сыр, сливочное масло. В Японии эти продукты распространились только после второй мировой войны. С древности же молоко считалось нечистым. Однако в Хэйан была молочная ферма (нюгон), где изготавливались сливки и другие продукты, употреблявшиеся исключительно в качестве лекарств знатью и монахами, ссылавшимися на то, что Будда пил молоко для восстановления сил [425; 444, с. 392—399].

Болезни и стихийные бедствия усиливали религиозность и суеверность. Буддизм был неперенным элементом жизни хэйанских аристократов. В храмах и у себя дома они молились, слушали проповеди, читали буддийскую литературу. Со времени распространения секты Тэндайсю главное место заняла «Сутра лотоса». Широко читавшейся в Хэйан была объясняющая ее книга «Истинное понимание большого» («Мака сикан») ⁸. Однако буддийские запреты отнюдь не стали нормой повседневной жизни феодалов. Лишь к старости они, подобно принцу Гэндзи, начинали вести спокойную жизнь [365, с. 202], отдавая чтению буддийских книг то время, которое прежде тратилось на изысканные развлечения.

Серьезное значение придавалось синтоистской церемонии очищения от грехов (охаран), официально проводившейся дважды в год. Большим грехом (сёкуэ) считалось присутствие на синто-

истских церемониях и посещение императорского дворца, если в доме была скверна — траур, роды и др. Индивидуальный обряд очищения (моноими) заключался в том, что очищаемый в течение определенного времени не выходил из дому, ограничивал себя в еде и питье, мылся. Широко распространенной была вера в злой дух живых и умерших людей, способный влиять на судьбу, вызывать болезни, наказывать. Верили также в воздействие животных, растений, звезд на судьбу людей, поэтому занимались астрологией. Астролога обязательно приглашали в дом сразу после рождения ребенка.

Небо, однако, не только порождало суеверия, но и было объектом любования. Луна воспевалась в хэйанской поэзии как символ печали. Дальнейшее развитие получили сезонные развлечения, связанные с любованием природой — растениями, цветами, а также снегом [315].

Любование природой сопровождалось пирами, музыкой, танцами и чтением стихов. Пели и танцевали и придворные музыканты (рэйдзин), и сами аристократы, и императоры. Исполнялась изящная музыка (гагаку). Большая часть песен имела народное происхождение: песни восточных провинций (адзума-асоби), воинов пограничной охраны (сакимори-но ута), погонщиков лошадей (сайбара) (220; 221). К гагаку относились также синтоистские песни (кагураута) и китайская и корейская музыка ([344]; см. также [167]).

Во время пиров писались и читались стихи; если участвовал император, то он задавал тему; ценилась и художественная выразительность, и скорость сочинения. Поэтические состязания в Хэйан стали регулярными; в первой половине IX в. придворные соревновались в сочинении стихов на китайском языке (си), со второй половины IX в. — и на японском языке (ута). Первое упоминаемое в литературе состязание в японской поэзии (утаавасэ) состоялось в доме докладчика Государственного совета Арихара-но Юкихира в 880 г. [283, с. 299].

Не случайно поэтому в Хэйан ценились образованность, знание истории и литературы, необходимое и для служебной деятельности чиновников, и для художественного творчества. Высшая школа (дайгаку), готовившая в Хэйдзэй и Нагаока детей аристократов к чиновничьей деятельности, в Хэйан фактически превратилась в университет с гуманитарным, преимущественно филологическим, уклоном.

Образование, история, литература

Хэйанский университет находился в ведении департамента церемоний и чинов (сикибусё) и располагался на углу главного проспекта Судзаку и Второго проспекта (Нидзё), рядом с храмом Синсэнъэн. В начале IX в. он фактически совмещал еще функции средней и высшей школы. Учиться обязаны были все дети чинов-

ников выше 5-го ранга; при этом студенты должны были жить в общежитии (мондзэин) на государственном обеспечении. В этих целях в 794 г. университету было передано 102 тэ (107,1 га) земли (кангакудэн) в провинции Эттидзэн.

Главным учебным предметом, по крайней мере до начала IX в., были конфуцианство и китайская классика (мёгёдо); кроме того, изучались китайская анналистско-биографическая история (кидэндо), японское право (мёбодо) и математика (сандо). В IX в. к этим предметам была добавлена филология — преимущественно китайская поэзия, а курсы истории и литературы были объединены. Тогда же (в 20—30-х годах IX в.) возникла специализация по курсам наук. При этом филологическая специализация пользовалась наибольшей популярностью.

Преподаватели университета считались государственными чиновниками с определенным рангом. Существовали такие категории, как хакасэ, дзёкё, дзикако, соответствующие современным должностям профессора, доцента и преподавателя. Возросшее значение филологического курса [432, с. 79—90] отразило повышение в чине «профессора» истории и литературы, которому до 834 г. присваивался 7-й ранг, а с 834 г. — 5-й.

Поступлению в университет предшествовала церемония принятия студенческого псевдонима — он складывался из двух иероглифов, один из которых брался от фамилии; затем абитуриент представлял документ, в котором была записана его фамилия и возраст, имя отца; после этого он выбирал курс.

Студенты, за исключением детей высшей знати, получавшей должности по наследству, должны были сдавать экзамены. Первый экзамен (рёси) держали в университете; студенты-филологи, например, должны были по выбору экзаменатора прочесть любое место из китайских «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня. Через несколько лет сдавался второй экзамен (сёси) — в департаменте церемоний и чинов. Филологи, в частности, должны были написать стихотворение на заданную тему. О сложности экзаменов свидетельствует тот факт, что известные впоследствии литераторы сдавали второй экзамен через 5—6, а иногда и через 10 лет после первого. Результаты экзамена обсуждала государственная комиссия (сихан) из высших чиновников (кугё) и литераторов, выносившая решение о присвоении квалификации. Только небольшое число выпускников могло продолжить специальное образование и сдать затем письменный экзамен — подготовить трактат (тайсаку), соответствующий современной диссертации.

Дом Фудзивара с 821 г. имел свое высшее учебное заведение (Кангакуин), фактически существовавшее до XII в.; начальное же образование было домашним. В 970 г. известный литератор Минамото-но Тамэнори написал букварь для детей знати («Кутидзусами»), содержащий стихи для запоминания азбуки.

Однако, видимо, предполагалось, что изучению этого букваря должна предшествовать определенная подготовка, поскольку все

его основные разделы, посвященные чиновничьей службе и жанрам искусства, были написаны иероглифами [444, с. 252—255].

Хотя японцам было известно книгопечатание с досок [90; 176; 137], книги в Хэйан в основном переписывались от руки [88, гл. 2]. В небольшом количестве печаталась лишь буддийская литература. По меньшей мере в конце раннефеодального периода существовали крупные частные библиотеки. В дневнике министра Фудзивара-но Ёринага («Дайки») говорится, что к 1143 г. он прочел 1030 книг, из них 362 — конфуцианские, 326 — исторические, 342 — остальные, включая поэзию. В 1145 г. Ёринага построил книгохранилище по собственному проекту, предусматривавшему защиту от пожара, ветра, наводнений. Его современник — докладчик Государственного совета Фудзивара-но Митинори (монашеское имя — Синдзэй) — хранил свои книги в 173 сундуках (карабицу), изготовленных из высококачественной древесины. Это была японская и китайская конфуцианская, историческая, художественная, юридическая, медицинская литература, книги по астрономии и словари. В императорском дворце тоже была библиотека (Госёдокуро).

Со второй половины XII в., когда активизировалась торговля с Китаем, увеличился ввоз китайской литературы. Известно, что Тайра-но Киёмори, фактически правивший Японией в конце 50-х — начале 80-х годов XII в., настойчиво стремился пополнить свою библиотеку. В числе книг, купленных им у китайских контрабандистов, была часть «Большого энциклопедического словаря» («Тайхэй гёран»), составленного в Китае в конце X в. и запрещенного к вывозу из страны ввиду его большой культурной ценности. Позднее, в XIII в., этот словарь получил широкое распространение в правящих кругах Японии [382, с. 332—335, 339, 413—414].

В IX в., когда влияние китайской традиции на японскую культуру было еще довольно сильным, продолжалось составление официальной истории в традиционном китайском жанре анналов и биографий.

Опыт прошлого использовался прежде всего в государственном управлении, и потому императоры и министры искали в японской и китайской истории прецеденты. В IX в. при дворе изучались «Анналы Японии» и китайские исторические труды «Ши цзи», «Хань шу» и др. Под историческим понималось хронологически последовательное изложение деяний императоров, событий при дворе, церемоний, отдельных правительственных указов, кратких биографий придворных. История была зеркалом правления и этикета, так или иначе отражавшим конфуцианские принципы безусловного подчинения младших старшим, наказания зла и торжества добродетели, долга подчиненных. Прошлое и настоящее связывалось деятельностью божественных потомков — императоров. Эти принципы легли в основу всей японской официальной историографии, вплоть до современной.

В 840 г. было завершено составление «Поздних анналов Японии» («Нихон коки») ⁹, охватывающих 792—833 гг. [28] и

хронологически следующих за «Продолжением анналов Японии». В работе над официальной историей участвовали ученые и высшие государственные чиновники. Наиболее подробной из них была «Хроника императора Японии Монтоку» («Нихон Монтоку тэнно дзицуруку») ¹⁰, написанная в 871—879 гг. [29].

Эта работа ближе к жанру историй, чем погодных хроник. Описываемые события не исчерпывались годами правления Монтоку (851—858), авторы в необходимых случаях возвращались к истории предшествующих десятилетий. Отчасти это объяснялось невозможностью уместить биографии поэтов и министров в узкие хронологические рамки правления одного императора, отчасти же — совершенствованием литературной формы и наметившейся во второй половине IX в. тенденцией усиления автохтонных элементов в культуре. Эту же тенденцию отражала составленная в 892 г. ученым и чиновником Сугавара-но Митидзанэ [358] «Тематическая национальная история» («Руйдзю кокусю»), в которой материал шести официальных историй (включая не законченную еще в то время «Хронику трех императоров Японии» («Нихон сандай дзицуруку»)) ¹¹ располагался по темам и по значимости (с точки зрения правящих кругов) — на первом месте стояли боги (синтоистские), затем — император и т. д. Три свитка из 205 занимали генеалогические таблицы императорского дома [35].

«Хроника трех императоров Японии» [30], завершенная в 901 г. и охватывающая 859—887 гг., стала последней из шести регулярно составлявшихся историй китайского образца.

Но работа над официальными хрониками продолжалась. В середине X в., в частности, была написана «Новая национальная история» («Синкокусю»), которая, однако, не сохранилась, поэтому судить о ее характере не представляется возможным. Принципиальных изменений в понимании содержания официальной истории в X в. не произошло, но поиски новых форм, связанные с общими тенденциями развития культуры, по-видимому, продолжались. Такое предположение находит косвенное подтверждение при сопоставлении историографии и других областей духовной деятельности, в частности поэзии, которой тоже отводилась важная роль в управлении государством.

Развитие стихосложения на японском языке с последних десятилетий IX в. привело, в частности, к тому, что организационная деятельность в этой области была оформлена в 951 г. созданием учреждения, собиравшего японские стихи (Сэивакасё). Одновременно была активизирована работа ранее созданного специального учреждения по составлению национальной истории (Сэнкокусё).

Так или иначе, подготовленные лишь в середине XII в. «Династийные анналы» («Хонтё сэйки»), продолжавшие «Хронику трех императоров Японии» и охватывавшие конец IX—сердину XII в. [42], по форме отличались от предшествовавших историй: составитель «Династийных анналов» Фудзивара-но Митинори не только

основывался на записях и дневниках секретарей Государственного совета, но и включал в «Династийные анналы» выдержки из дневников частных лиц почти без изменений и в хронологической последовательности.

Отмеченный выше рост значения филологии с начала IX в. был связан с развитием поэтического творчества — одной из важнейших духовных ценностей хэйанской знати. Поэзия не являлась единственным или основным занятием раннесредневековых стихотворцев — все они, как правило, служили в столице или губернаторствах. В первой половине IX в. особенно поощрялось сочинение стихов на китайском языке, требовавшее кроме таланта основательной языковой и литературной подготовки, умения проникнуть в смысл иероглифического образа, постичь его оттенки, подобрать контрастные значения. По инициативе императора, а затем — экс-императора Сага во втором-третьем десятилетиях IX в. были составлены три поэтические антологии на камбуне. В предисловии к первой из них — «В заоблачные дали» («Рёунсю», 814 г.) — один из составителей, губернатор провинции Мино — Оно-но Минэтори, процитировал слова вэйского императора Вэнь-ди (III в.) о важной роли литературного творчества в управлении государством. Именно эта идея лежала в основе поощрения поэзии. Она же дала заглавие третьей антологии — «Об управлении государством» («Кэйкокусю») (827 г.).

Вторая антология — «Сборник изящной словесности» («Бунка сюрэйсю», 818 г.) — составлялась по образцу китайского «Литературного изборника» («Вэньсюань», VI в.), популярного в Японии с VII в. и в свое время оказавшего влияние на «Сборник множества стихов» («Манъёсю»). Стихи в антологии, как и в «Литературном изборнике», располагались по жанрово-тематическому принципу, и сам заголовок японского сборника был заимствован из предисловия составителя «Литературного изборника» принца династии Лян Сяо Туна (Лян Чжаомина), где слово «бунка» (кит. вэньхуа) употреблено в значении «изящная словесность» [23, с. 2].

Первые две антологии (814—818) сохранились полностью, третья — частично. Они включали стихи почти 200 авторов, написанные в 707—827 гг., среди последних было немало женщин. Стихотворения самого императора Сага могли бы составить отдельный сборник.

Кем были авторы этих произведений? Какое место в их жизни занимала поэзия? Приведем несколько примеров.

Один из главных составителей антологии «В заоблачные дали», Сугавара-но Киёкими, происходил из семьи губернского чиновника из рода Хадзи, фамилия же «Сугавара» происходила от названия деревни в провинции Ямато, где отец Киёкими владел домом. С детства под руководством отца Киёкими изучал конфуцианскую классику и китайские исторические труды, а затем, с 777 г., — историю и филологию в университете. В 804 г. он был послан в Чанъань в составе японской миссии, а после возвращения

стал проректором университета, позднее был назначен вице-губернатором провинции Овари, вице-мэромлевой столицы (восточной части Хэйан), ректором университета, секретарем Государственного совета. Во время составления антологии Киёкими служил чиновником департамента церемоний и чинов, а в 818 г. стал «профессором» истории и литературы (мондзё хакасэ) [283, с. 188—191]. В этом назначении, несомненно, сыграла роль его творческая и редакторская деятельность.

Поощрение поэтов должностями было в Хэйан скорее исключением и в данном случае объяснялось склонностями императора Сага, в жизни которого поэзия занимала главное место. Довольно часто поэты и ученые попадали в опалу, посылались служить в дальние провинции, обвинялись в заговорщической деятельности — и не потому, что не угождали власти своими стихами и трудами. Напротив, хэйанская поэзия если не воспевала власть, то была к ней лояльна; для поэтов могла быть характерна печаль, тоска по ушедшему времени, но не критика сложившегося порядка или отдельных его носителей. В политике ценилось стремление угождать; ученостью пользовались, но ее боялись. Однако поэты и ученые, сами часть государственной машины, часть господствующего класса, служа этому классу, далеко не всегда были склонны раболепствовать перед вышестоящими. И если они мешали какому-либо политикану, их устранили. Так было, например, с Сугавара-но Митидзанэ, сосланным в 901 г. на Кюсю из-за интриг министра Фудзивара-но Токихира.

Среди поэтов, авторов стихов в антологии «Об управлении государством», была Утико, одна из многочисленных дочерей Сага, рано изучившая китайские памятники «Ши цзи» и «Хань шу», хорошо знакомая с литературой. В 818 г. Утико стала жрицей храма Камо. Весной 823 г., незадолго до отречения от трона, Сага посетил храм, чтобы провести там праздник любования цветущей сакурой. Было устроено поэтическое состязание. Стихи вообще в то время чаще всего писали во время праздников и банкетов. Сага дал тему — «весенние дни на горной земле». Семнадцатилетняя Утико сразу взяла кисть и написала стихотворение, в котором выразила радость по поводу посещения императором «горной земли» (резиденции жриц), где они проводят «весенние дни» — свою молодость. Сага присвоил Утико 3-й ранг и пожаловал 100 дворов в бенефиций [283, с. 197—199].

Известным поэтом, ранние стихи которого есть в сборнике «Об управлении государством», стал Оно-но Такамура, о судьбе которого рассказывается в «Хронике императора Японии Монтоку». В детстве вместе со своим отцом — упомянутым выше Минэмори — он жил в провинции Муцу, где Минэмори служил губернатором. После возвращения семьи в столицу Такамура занимался военной подготовкой — стрельбой из лука и верховой ездой. Узнав об этом, император Сага выразил неудовольствие такими склонностями сына поэта и заставил Такамура учиться в университете. В 836 г. последнего назначили помощником

главы дипломатической миссии в Китай, но, поссорившись перед отплытием с послом, он выехать отказался. Разгневанный экс-император лишил его рангов и сослал в провинцию Сануки, где Такамура писал изящные стихи. В 841 г. ему вернули чины [29, с. 43].

Сочинялись в то время и стихи на японском языке, однако большинство произведений первой половины IX в. утеряно. Традиции японской поэзии в середине столетия стали возрождать нарсские монахи. В 849 г. монахи храма Кофукудзи поднесли императору Ниммё, отмечавшему свое 40-летие, 40 буддийских статуи и 40 свитков стихотворных поздравлений [283, с. 287].

Толчком для развития поэзии на японском языке стали, безусловно, и поэтические состязания. Рубежом в развитии поэзии явилась антология на японском языке — «Сборник старых и новых японских стихотворений» («Кокин вакасю»), составленный в начале X в. и включивший 1100 стихотворений Арихара-но Нарихира, Оно-но Комати, Ки-но Цураюки, ряда императоров и других известных и неизвестных поэтов второй половины VIII — начала X в., в том числе провинциальных. Каждый из 20 свитков антологии посвящался определенной теме — временам года, любви и т. д.

Руководил всей работой Ки-но Цураюки, он же написал предисловие к сборнику [119], включившему 120 его стихов. Глава одного из старых аристократических домов, оттесненных от власти домом Фудзивара, Цураюки занимал невысокие должности. Лишь в 930 г. его назначили губернатором провинции Тоса, после возвращения из которой он написал (под псевдонимом) известный «Дневник Тоса» («Тоса никки») [88, с. 58—72; 89], имеющий и литературную, и историографическую ценность. С 935 г. Цураюки в течение пяти лет безуспешно обращался к министрам с просьбой о предоставлении ему очередной должности, но лишь через пять лет его назначили начальником управления по иностранным делам и делам буддийских монахов (гэмбарё) в департаменте обрядов (дзибусё), а в 944 г., за год до смерти, Цураюки присвоили 5-й ранг [314].

Классическим типом хэйанского поэта-аристократа японские исследователи считают Арихара-но Нарихира (825—880), внука императоров Хэйдзэй (по отцу) и Камму (по матери). Как и другие, он был не профессиональным поэтом, а чиновником, увлекавшимся поэзией в частной жизни. В отличие от Цураюки он не подносил стихов императорам, а чаще посвящал их женщинам. Известно, что аристократы заполняли избыток свободного времени любовными похождениями, и Нарихира — типичный образец такого хэйанского Дон-Жуана, изысканно-куртуазного и печального, через всю жизнь пронесшего память о любовных страданиях молодости: неразделенной любви к Фудзивара-но Такайко, выданной замуж за наследного принца Корэхито, и романа с жрицей храма Исэ. Была и другая причина разочарований Нарихира, женившегося по расчету на женщине из дома Ки,

родственного императору Монтоку, и пережившего крушение надежд на возвышение [283, с. 280, 290—292, 294—295]. Но сильная сторона поэзии Нарихира (в «Сборник старых и новых японских стихотворений» включено 30 его стихов), определившая глубину эмоционального воздействия на читателя, как раз и заключена в том, что в стихах он выражал чувства, которые пережил сам:

Цуки-я аран
Хару-и мукаси-но
Хару нарану.
Вага ми хитоцу-ва
Мото-но ми-ни ситэ

Безлунная весна
Прежней весной не станет.
Пусть даже только я
Остался тем,
Кем был¹².

Взросшая роль японской поэзии в жизни хэйанского аристократического общества выразилась в функциях упомянутого выше учреждения, собиравшего японские стихи. Здесь занимались написанием чтений иероглифов к антологиям VIII в. — «Сборнику множества стихов». От длительного пользования свитками со стихами, чтения иероглифов, написанные азбукой, стерлись, и теперь требовалось их восстановить. Готовилась и новая поэтическая антология, составленная во второй половине X в., — «Сборник позднее собранных японских стихов» («Госэн вакасю»). Составители антологии — Киёвара-но Мотосукэ, Минамото-но Ситаго и другие (насицубо-но гонин)¹³ — были поклонниками Ки-но Цураюки, но и как поэты, и как редакторы, по единодушному мнению исследователей, намного уступали поэтам второй половины IX — начала X в. Интерес к ранее созданному возобладал во второй половине X в. над интересом к творению нового [283, с. 465—466].

Китайские и японские стихи писались аристократами и в XI, и в XII вв. Вместе с тем с IX в. развивались новые жанры литературы — повесть и роман (моногатари), дневники (никки), продолжали составляться сборники легенд и преданий (сэцува).

Повести X в. — стихотворные и прозаические — создавались в тесной связи с развитием живописи. Истоком многих повестей был фольклор. Народные легенды легли, например, в основу «Повести о старике Такэтори» («Такэтори моногатари») — первого из известных произведений X в. в этом жанре. В повести рассказывается о старике Такэтори, нашедшем в зарослях бамбука принцессу Кагуя, руки которой добывались пять принцев. Повести в стихах, первоначально передававшиеся устно, в X в. стали изображаться в живописи, которой давалось объяснение и толкование. После этого записывался и издавался расширенный текст повести [201, с. 225—226]. Другим истоком повестей стала поэзия аристократов. В частности, на основе стихов Арихара-но Нарихира в X в. была создана «Повесть об Исэ» («Исэ моногатари») [15]. Образ молодого аристократа, бросившего политику и проводящего время в любви и развлечениях, — это портрет Нарихира. Позднее появились также записанные легенды о других известных поэтах и поэтессах — Оно-но Такамура, Оно-но Комати.

Высшим достижением хэйанской литературы стал, без сомнения, роман придворной дамы (нёбо) Мурасаки сикибу «Повесть о принце Гэндзи», написанный в начале XI в. [71]. Придворные дамы — дочери аристократов — должны были жить во дворце императрицы, знать иероглифы, уметь писать стихи, играть на музыкальных инструментах, иметь длинные волосы и поддерживать доброжелательные отношения с окружающими. В 54 частях «Повести о принце Гэндзи» живо описаны быт и нравы аристократии, чувства, увлечения, духовная жизнь.

Разновидностью моногатари стали также исторические повести. В середине XI в. была написана «Повесть о процветании» («Эйга моногатари»), охватывающая почти двухсотлетний период правления 15 императоров с конца IX в., но преимущественно посвященная расцвету дома Фудзивара в конце X — первых десятилетиях XI в. Это — первое произведение на историческую тему, написанное японской слоговой азбукой, тематически выходящее за рамки официальных императорских анналов и представлявшее как литературно-художественную, так и историографическую ценность [449].

С X в. создавались и литературные дневники, представлявшие собой, как подчеркивает В. Н. Горегляд, дневниково-мемуарную литературу [88, с. 334]. Это были законченные художественные произведения в отличие от многочисленных дневников аристократов, писавшихся на древнекитайском языке с VII в. и выполнявших функции современных газет и памяток. Творческое наследие Мурасаки сикибу, о которой сказано выше, включало кроме «Повести о принце Гэндзи» стихи и дневник, написанный на японском языке в 1008—1010 гг. Мурасаки не только регистрировала в нем события, отмечала то, что видела и слышала, но и приводила их оценку придворными, излагала собственные впечатления.

Легенды, рассказы, предания (сэцува) к концу раннесредневекового периода претерпели заметную эволюцию. «Удивительные рассказы о дурном и хорошем, происходившем в Японском государстве» («Нихонкоку гэмпо дзэнъаку рёнки»), написанные на древнекитайском языке — камбуне в VIII в., основывались на произведениях китайской литературы, служивших не только моделью: из них была заимствована часть материала. Расцвет же прозы сэцува исследователи относят к XII—XIII вв. и связывают, в частности, с «Повестями о прошлом и настоящем» («Кондзюку моногатари») [164, с. 3]. Это произведение содержит более 1 тыс. буддийских и светских рассказов и легенд, отражающих многие явления социальной и культурной жизни раннефеодальной Японии и посвященных людям разных классов и возрастов, церемониям и молениям в храмах, «переселению» умерших в рай будды Амиды и т. д.

Одна из особенностей литературы XII в. состоит в том, что аристократия перестала быть ее единственным героем. В «Повестях о прошлом и настоящем» рассказывается о монахах

и самураях, императорах и крестьянах. Отдельные описания жизни крестьян содержатся и в «Новых записях о комических представлениях» («Синсаругакки») — книге Фудзивара-но Акихира, ученого, жившего в конце XII в.

Переход от китайской поэзии к сочинению стихов на японском языке, издание антологий японской поэзии начиная с X в. и развитие повествовательной литературы заметно расширили сферу изображаемого, в которую были включены и новые социальные объекты, и новые пространственные явления. Изолированный мир эмоций и чувств хэйанской аристократии, выраженный в изящной поэзии, чудесные легенды и поэтическая фантазия, невероятные приключения и скрупулезное описание быта — все эти элементы, наслаиваясь и расширяясь, формировали культурный слой ранне-средневекового периода.

Хронологически и по содержанию динамике литературного процесса соответствовало развитие хэйанской живописи.

Изобразительное искусство

В буддийском искусстве с IX в. стал распространяться новый стиль, связанный с деятельностью новых сект — Сингонсю и Тэндайсю. Начало его развитию положил основатель Сингонсю — монах Кукай, заказавший в Китае космогонические картины — мандала — и буддийскую скульптуру. Мандала, в частности, являлась классическим видом живописи Сингонсю. Первоначальный смысл этого термина — круглый алтарь. Мандала как произведение живописи [77] изображали в центре будду Дайнити (Махавайрочана), имевшего два лика: указывавшего истинный путь (Тайдзокай) и выражавшего разум (Конгокай). Дайнити окружался разными буддами и бодхисаттвами, за которыми располагались боги — защитники буддизма в четырех странах света (ситэнно) и подчиненные им военные божества (сёгун). Каждый из богов мог быть легко узнан по цвету тела и одежды, украшениям и оружию. Так, защитник Востока (Дзикокутэн) изображался с красным телом, гневным лицом, мечом в левой руке и различными украшениями. Защитник Запада (Комокутэн) — желтым, с панцирем и оружием. Дайнити изображался и выражающим оба лика одновременно. Самая старая из таких мандала, хранящихся в храмах горы Коясан — центра деятельности Сингонсю, относится к 1156 г. [353, с. 74; 417]. Под влиянием Сингонсю создавались и скульптурные изображения Дайнити, богов-защитников буддизма, бодхисаттв [290].

Однако мандала писались еще в танском стиле. Развитие японского стиля в буддийской живописи связано с появлением сюжета райгодзу — изображения будды Амида, спускающегося в окружении бодхисаттв на землю, чтобы проводить в свой рай земных людей (саттв). Райгодзу стали создаваться с конца X в., вслед за распространением веры в буддийский рай. Одна

из наиболее известных таких картин хранится на Коясан [353, с. 66—67]. Золотой будда Амида и нежно-розовые бодхисаттвы изображены мягкими, возвышенными, привлекательными, готовыми принять в чистый блистательный мир рая ищущих спасения. Границы рая резко очерчены, детали выписаны очень четко и одновременно сливаются в неразделимый образ мира, покоя и изысканности.

Светская живопись (сэдзюкка) с японскими сюжетами появилась раньше буддийской — в 50-х годах IX в. Создатели произведений изобразительного искусства — скульпторы и живописцы в отличие от поэтов были профессионалами, чаще всего передававшими свое мастерство по наследству. Сводом законов «Тайхорицурё» в VIII в. при императорской канцелярии (накацукасацё) ¹⁴ было учреждено управление изящных искусств (эси-но цукаса), куда кроме трех чиновников-руководителей входили четыре старших художника (эси), 60 художников (экакибэ), 16 подмастерьев и слуга. Пополнялось управление за счет объединений художников центральных провинций — Ямасиро, Ямато, Кавати и др.

В VIII в. живописцы работали исключительно по заказу — писали картины на буддийские и светские сюжеты для двора, расписывали храмы. В начале IX в. управление было реорганизовано, а число художников сокращено в несколько раз. Храмы стали делать заказы без посредничества правительственных учреждений, придворные же художники в IX в. объединились в официальную организацию (эдокоро). Они находились на положении чиновников низших рангов.

Труд художников в ранне-средневековой Японии был коллективным; в Хэйан существовало отчетливое разделение труда. Главный художник выполнял тушью эскиз картины (такого художника называли сумигаки, что буквально означает «рисующий тушью») и определял цвета и оттенки для всех ее элементов. Его ассистенты (сайсикэ эси) наносили краски, после чего главный художник вновь обозначал тушью основные линии и штрихи. Лицо обычно рисовал подмастерье (ницукуриварава), выполнявший также разные работы по указанию главного художника [202, ч. 1, гл. 3; 201, с. 217—218, 232].

Сюжеты танской живописи, распространенной в Японии в VIII—IX вв., имели сложную структуру, включавшую изображение скалистых гор, долин, рек, озер, строений, людей. Обязательным элементом танского сюжета было чудесное, сверхъестественное, религиозное. Типичным образом живописи в китайском стиле являются миниатюры на музыкальных инструментах, хранящихся в императорском хранилище драгоценностей Сёсон (Нара), а из больших полотен — «Горный дух». Прежде это полотно находилось в Зале Сутры лотоса (Хокэдо) храма Тодайдзи, а сейчас хранится в Бостонском музее изобразительных искусств под названием «Основная мандала Зала Сутры лотоса». В Японии были известны и китайские повести на разговорном языке, изображенные в живописи и графике (хэмбун).

Параллельно с танскими стали появляться картины с японским сюжетом — яматоз; как подчеркивает Акияма Тэрукадзу, в Хэйан этот термин употреблялся как антоним караэ — картин с китайским сюжетом. Японская светская живопись IX в. ограничивалась главным образом росписью ширм, вееров, створок раздвижных дверей. В конце IX в. появилась также живопись в свитках (эмакимоно). И на ширмах, и на свитках писались также стихи, по сути дела, здесь искусство каллиграфии, живопись и поэзия соединялись ([202, ч. 1, гл. 1; 201, с. 220—223]; см. также [284, 300, с. 22—34]).

Произведений японской светской живописи IX—первой половины XI в. почти не сохранилось; о развитии японского сюжета в живописи судят обычно по отдельным упоминаниям в литературе. Самый ранний пример относится к 50-м годам IX в. В частности, в «Сборнике старых и новых японских стихотворений» есть стихотворение, в котором говорится о любовании картиной на ширме, где водопад был изображен так искусно, что зритель слышал звук падающей воды. Но если этот пример вызывает расхождение во мнениях специалистов, поскольку водопад мог быть изображен и на картине с китайским сюжетом, то следующее стихотворение, в котором говорится о багряных листьях клена на реке, задержанных бамбуком [48, с. 271], навеяно, бесспорно, японским сюжетом картины на ширме, принадлежавшей Фудзивара-но Такайко и написанной в 70-х годах [267]: любование багряным кленом было обычаем японской знати. В X в. одновременно с развитием литературного жанра повести стали создаваться повести в живописи (моногатариэ), чаще всего писавшиеся на свитках (эмаки) и служившие не только для иллюстрации, но и для передачи обстановки описываемого. Художник и писатель часто работали вместе, одновременно создавая картины и текст.

Первые из сохранившихся произведений светской живописи на японский сюжет относятся ко второй половине XI в. В 1053 г. в храме Бёдоин был построен зал Хоодо¹⁵, на стенах и дверях которого изображен рай будды Амида. Роспись включает буддийские и светские сюжеты. К последним относятся изображения японской природы — четырех сезонов на четырех дверях (как и на ширмах) — и японских обычаев. Ширина росписи — 3 м, высота — 4 м, но нижняя треть ее почти полностью стерлась. На картинах можно проследить некоторое влияние танской традиции — резкие формы небольших скал и утесов, — но в целом преобладают уже округлые линии холмов, заметно отличающиеся от изображения горных утесов и глубоких долин в танской живописи. Техника живописи также отлична от китайской: для передачи объемности почти не использованы штрихи, выполнявшиеся особой тонкой кистью. Объемность гор, ощущение расстояния, воздуха в отличие от танской живописи создается не множеством тончайших штрихов, а сочетанием очертаний и цветовыми эффектами — густотой красок, плавным переходом от светлых тонов к темным [201, с. 233—234].

Наряду с повестями в живописи X—XI вв. создавались картины с пояснительным текстом (этоки), состоявшие из ряда взаимосвязанных сцен и чаще всего использовавшиеся для объяснения верующим содержания буддийских сутр, легенд, биографий монахов. Для этих картин применялись как легко переносимые свитки, так и большие настенные полотна [253]. К числу таких произведений относится «Биография принца Сётоку в живописи» («Сётоку тайси эдэн»), написанная, по данным документов храма Хорюдзи, в 1069 г. Хата-но Титэй в самом храме, а ныне хранящаяся в Токийском государственном музее в виде пятистворчатой ширмы. Высота картины — 1,76 м, ширина створок — 2,7—2,9 м, общая ширина — 13,6 м; она включает около 60 сцен, к каждой из которых прикреплен пояснительный текст на цветной бумаге. Жизнь Сётоку описана в обычаях XI в.: изображены события во дворце, проповеди в буддийских храмах, сражения, аристократы, крестьяне. С XIV в. картина неоднократно реставрировалась [201, с. 239—241].

В XII в. увеличилось число картин в свитках. В произведениях первой половины XII в. получила заметное развитие техника живописи, наметившаяся в X—XI вв. Работы художников, творивших в 50—70-х годах XII в., существенно отличаются и резко возросшим интересом ко всему чудесному, легендарному, необыкновенному.

К произведениям изобразительного искусства относят также «Собрание тридцати шести» («Сандзюроку дзинсю») — стихи 36 поэтов, написанные на 39 отдельных листах, 32 из которых хранятся в киотоском храме Ниси Хонгандзи. Их переписывали 20 придворных каллиграфов во втором десятилетии XII в. По мнению специалистов, это были стихи не столько для чтения, сколько для любования: привлекает внимание не только изящество каллиграфического исполнения, но и художественная техника. Текст написан золотой, серебряной и синей краской; использовалась китайская и японская бумага, некоторые листы составлялись из цветной бумаги разных оттенков; в верхней, средней или нижней части листа имеется рисунок [201, с. 243—244].

«Собрание тридцати шести» создавалось группой соревнующихся каллиграфов, что являлось одной из особенностей искусства XII в. Таким же способом писались «Свитки к Повести о принце Гэндзи» («Гэндзи моногатари эмаки») в третьем десятилетии XII в. Сохранилась лишь часть произведения: 19 сцен с полным текстом, 6 — с неполным, один — без картины. Находятся они в Музее изящных искусств Гото и в Рэймэйкай.

Акияма Тэрукадзу установил, что для создания свитков 54 главы повести были разделены на 10 частей, распределенных между пятью аристократами. Каждый из них выбрал по одной-две, максимум — три, сцены из доставшихся ему глав и поручил нарисовать их художнику, который ему нравился; отрывки из текста также поручили написать известным каллиграфам. Поэтому в один свиток входило 8—9 сцен из 4—5 глав [202, ч. 2, гл. 5—6].

Стиль свитков, писавшихся разными художниками, различен. На одной из сохранившихся сцен изображен осенний пейзаж, действие всех остальных происходит в глубине дома либо в углу комнаты, обращенной к саду. Поэтому, чтобы предоставить достаточное пространство для действия, авторы «срезали» крышу; лица изображены анфас, в профиль либо со стороны затылка. Глаза нарисованы тушью, множеством тонких линий, сливающихся в одну, нос — в виде буквы «ку» хираганы (тупого угла), рот обозначен красной точкой. Лица знати типизированы, лишены индивидуальности — по мнению исследователей, для того, чтобы зритель-аристократ мог вложить в героев романа свои чувства и увидеть на картине самого себя. Размер сцен, за небольшим исключением, одинаков: высота — около 21 см, ширина — 48,5 см (шесть картин имеют ширину около 39 см) ([214; 201, с. 246—248]; анализ отдельных сцен см. [72, с. 47—56]).

В 1157—1179 гг. было написано 60 свитков «Ежегодных церемоний и праздников» («Нэнтю гэдзи эмаки»); сохранились копии лишь третьей части этого произведения, ведущую роль в создании которого сыграл придворный художник Токива-но Мицунага. Сопоставление изображения церемоний при дворе, праздников в доме Фудзивара, буддийских проповедей с их описанием в литературе позволяет сделать вывод о высокой точности передачи содержания; живыми и выразительными являются портреты горожан.

Мицунага же был автором сохранившегося в оригинале «Сказания о старшем докладчике Государственного совета Бан» («Бан дайнагон эси») в трех свитках (частная коллекция дома Сакан). «Сказание» посвящено событиям, связанным с пожаром внутренних ворот императорского городка Отэммон в 866 г. и интригами Фудзивара против дома Отомо, оттесненного от власти. Придворные, чиновники, воины показаны динамично, в действии; цветовая гамма и контуры, выполненные тушью, имеют много сходства со свитками «Повести о принце Гэндзи».

Особенностью живописи XII в., как и легенд, преданий — литературы сэцува, стало участвовавшее изображение киотских горожан, воинов, крестьян. На свитках и всеерах вместе с аристократами появились теперь их слуги; изображались лавочники, покупатели, выбирающие рыбу, прохожие, несущие на голове купленный товар. Зритель легко мог узнать торговку, служанку не только по простой одежде из грубой ткани или деревянным сандалиям — гэта, надетым на босу ногу, но и по коротким, до плеч, волосам, разительно отличавшимся от длинных, струившихся вдоль тела волос аристократок. Крестьяне часто изображались босыми или в гэта. Черты лиц крестьян и простых горожан — резкие, порой — грубые, в то время как лица аристократов хотя и лишены индивидуальности, но очерчены плавными, округлыми линиями, а закрытые глаза выражают томность. В лицах же крестьян заметна усталость; переданы эмоции — гнев, страх, возбуждение.

Новые тенденции в развитии живописи — изображение народа, а также чудес, юмор — воплотились в одном из наиболее известных произведений 70-х годов XII в., «Легенды горы Сиги» («Сигисан энги эмаки»), посвященном трем удивительным сказаниям о деятельности буддийского монаха из горного храма на границе провинций Ямато и Кавати (начало X в.). Здесь показаны и массы людей, возбужденных, удивленных, испуганных чудом, волшебством, и жанровые сцены — женщина с детьми, увидевшая в окне лающих собак; мужчина, высунувшийся из окна и грозящий собакам палкой. Искусство работы кистью достигло здесь высокого уровня — как в изображении людей, написанных броско, крупным планом, так и в контурах гор и долин [363; 201, с. 249—251; 266; 72, с. 61—72].

Эволюция светской живописи, соответствовавшая эволюции художественной литературы и протекавшая в тесной связи с ней, в целом выразилась в том, что произведения на японский сюжет, распространившиеся к X в., в XII в. стали зрелыми и с точки зрения мастерства художников, и в плане отображения действительности. Тем самым были созданы предпосылки последующего развития японского изобразительного искусства.

ФОРМИРОВАНИЕ САМУРАЙСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В XII в.

Термин «самурай» используется в данной главе в том широком значении, в каком он стал употребляться в Японии с XVII в., — для обозначения всех военных феодалов от фактического правителя (сёгуна) до низших самураев княжеств. В раннее же средневековье его значение было иным.

В конце VII—VIII в. самурай (сабурай) обозначал личного слугу. По «Тайхо рицурё», лицам старше 80 лет и тяжело больным предоставлялся в услужение один самурай, старше 90 лет — два, старше 100 лет — пять. Они должны были подавать воду, лекарства, ухаживать за больными, но не могли использоваться на полевых и вообще тяжелых работах. В IX в. самураями называли лиц, прислуживавших во дворце, личных слуг принцев и министров, занимавших, однако, весьма высокое положение — нередко самурай имел 5—6-й ранг. В X—XI вв. термин самурай все чаще стал использоваться для обозначения высшей и средней части военных феодалов (буси), имевших вассалов, дружины и умевших ездить верхом.

Термин «буси» впервые встречается в «Продолжении анналов Японии», где им именовали искусных воинов; с X в. этот термин применялся ко всем военным, владевшим землями и имевшим дружинников. Профессиональные воины, не имевшие вассалов и поступающие на службу к феодалам, в то время назывались цувамоно; уже в X в. к ним предъявлялись определенные этические требования: бесстрашие перед большим числом врага, профессионализм и т. д. В XI в. цувамоно обязательно должен был быть наследственным воином.

Самураями с конца XII в. называли непосредственных вассалов военно-феодального правителя — сёгуна; в начале XVII в. это были хатамото — высший и привилегированный слой военных феодалов, но с введением в XVII в. сословной системы термины самурай и буси стали употребляться как тождественные и распространявшиеся на все сословие [382, с. 76—78, 82—85].

Структура самурайства как составной части класса феодалов в целом соответствовала общей структуре господствующего класса на этапе становления вотчинной системы. Самураи — военные феодалы формировались из местных мелких землевладельцев, средней и низшей знати, осевших в провинции потомков губернских чиновников, уездных начальников, а также из потомков императоров и высшей аристократии.

Появление профессиональных служилых воинов обычно относят к VIII—IX вв. и даже к VII в. [171, с. 7—8], но отчетливым процесс формирования самурайства как части феодального класса стал со второй половины X в. и протекал в тесной связи с разви-

тием вотчинной системы. В основе его лежала борьба за земли, потребность в защите владений и обеспечении господства над землей и людьми. Крупные военно-феодальные дома, как и столичная аристократия, получали пожертвованные земли, но обеспечивали защиту владений своих вассалов не столько с помощью привилегий, дарованных политической властью, сколько военной силой. Нередко самураи использовались правительством для подавления мятежей и борьбы с абorigенами.

Укреплению отношений господства и подчинения в среде самураев служили военно-феодальная мораль [171, гл. 2] и военная организация. Самурайские дружины возникали повсеместно, но наиболее прочным было господство над вассалами на востоке Японии — в районе Канто (Бандо), где имелся избыток свободных земель. Укрепившись экономически, крупные военно-феодальные дома вступили в борьбу за политическую власть.

Самурайство и вотчинная система

Главным критерием, определявшим социальное положение самурая, было отношение к земельной собственности. Профессиональные воины владели мелкими поместьями; жертвуя свои земли, они приобретали иммунитеты, военная же сила была нужна им для принуждения крестьян и для защиты владений. Небольшие отряды, создававшиеся ими, первоначально состояли из их родственников и приближенных. Первые такие отряды стали появляться с 40-х годов X в., после мятежа Тайра-но Масакадо, а повсеместно возникли в конце X—XI в. Вместе с тем, как подчеркивают японские исследователи, условием формирования самурайских дружин был отказ мелких землевладельцев от самостоятельного ведения хозяйства и переход к взиманию натуральной ренты [452, с. 141], что в целом соответствовало отмеченному в главе третьей второму этапу развития вотчинной системы (середина X—XI в.). Не все профессиональные воины превратились, однако, в самураев-землевладельцев — часть их стала рядовыми дружинниками.

Мелкие землевладельцы, имевшие небольшие отряды, члены которых стали их вассалами (родо; вассалы — родственники сюзеренов именовались из-но ко), сами были бессильны противостоять посягательствам на свои владения, поэтому они объединялись под началом более крупных собственников — вотчинников из местной знати, превращаясь в ее вассалов. Например, в дружину дома Тиба в конце XII в. входило более 300 предводителей мелких дружин. К местной знати в данном случае относились не только уездные чиновники, но и потомки осевших в провинции губернских чиновников. Поскольку же, как отмечалось выше, на востоке Японии свободных земель было больше, чем в других районах, слой местной знати здесь был более обширным, а число самурайских дружин — более значительным, чем в остальной

части Хонсю или на Кюсю. Предводителями средних дружин (бусидан) из числа местной знати в восточных провинциях были дома Тиба, Миура, Кояма, Асикага, Нитта и др. Как правило, они занимали какие-либо должности в местном аппарате управления. Получая пожертвованные земли или покупая их, они расширяли свои феодальные владения и, в свою очередь, жертвовали земли высшестоящим самураям, становившимся предводителями (торё) крупных дружин.

Так складывалась феодальная иерархия в среде самурайства: рядовой дружинник — мелкий (местный) землевладелец — землевладелец из местной знати — крупный землевладелец.

Средние и крупные самураи в X—XI вв. настойчиво стремились получить государственные должности и чины, дававшие право на привилегии. Для самурайства, однако, существовали ограничения, поскольку высшие должности занимала столичная родовая аристократия, презиравшая военных феодалов. Вместе с тем самураи могли купить должности и ранги. Зачастую для них важен был не сам пост, а его наименование — самураи могли купить 5-й ранг и должность почетного (номинального) губернатора и вице-губернатора провинции. Высшим для самурая был пост командира (тиндзюфу сёгун) карательной армии по борьбе с племенем эдзо [383; 382, с. 137—140; 451; 452; с. 142—149].

Прочность отношений господства и подчинения в среде самураев отчасти объяснялась тем, что хотя они собственного хозяйства не вели, но нередко жили в своих владениях и непосредственно контролировали вассалов. В вотчинах столичной аристократии тоже были войны, но удаленность владений от столицы препятствовала созданию устойчивой военной организации. Поэтому крупнейший собственник — дом Фудзивара в XII в. так легко лишился своих владений. Лишь крупные буддийские храмы, занимавшиеся военной подготовкой своих послушников, сумели не только обеспечить защиту своих владений, но и создать крупные самурайские дружины. Благодаря этому храмы смогли участвовать в политической борьбе.

Процесс формирования самурайских дружин, связанный с процессом развития вотчинной системы, был весьма длительным; многочисленные объединенные самурайские корпуса стали формироваться лишь в XII в. — накануне вступления военных феодалов в борьбу за политическую власть. Последняя не являлась самоцелью — надежда на власть давала надежду на получение новых земельных владений. В свою очередь, отношения, основанные на защите сюзереном пожертвованных ему земель, не могли быть вечными. Укрепившись экономически, вассалы неизбежно стали бы стремиться освободиться от зависимости. Поэтому самураи-сюзерены должны были позаботиться об увеличении имущества вассалов. Сложившийся к концу XII в. принцип «служба самурая — награда сёгуна» характеризовал не столько этические, сколько социальные отношения в среде военных феодалов. Но, награждая

самурая, сюзерен думал и об укреплении своего господства, стремился увеличить не частную, а условную собственность вассала, давая ему не землю, а доход с земли, что способствовало формированию в последующем военно-ленной системы.

Тайра и Минамото
во второй половине X в. —
первой половине XII в.

Известно, что на этапе борьбы самурайства за власть, с 50-х годов XII в., основное соперничество развернулось между военно-феодальными домами Тайра и Минамото. Это были потомки императорской семьи, жившие в ряде районов Японии. Оба дома включали по несколько ветвей, связанных между собой лишь отдаленным родством и практически не поддерживавших никаких отношений друг с другом. Тайра и Минамото представляют, однако, интерес не сами по себе, а в связи с поставленной проблемой формирования самурайства, изучения социально-экономических отношений в его среде и предпосылок складывания развитого феодального общества в Японии.

После подавления мятежа Тайра-но Масакадо в восточных провинциях часто происходили усобицы феодалов и выступления против местных властей. Вместе с тем потомки Тайра, боровшиеся против Масакадо, укрепили свои позиции. Тайра-но Садамори, в частности, создал одну из первых самурайских дружин, а его сыновья занимали губернаторские и вице-губернаторские посты. Один из них, Корэхира, ставший в 1006 г. губернатором провинции Исэ, явился родоначальником ветви Тайра в этой провинции, в последующем — наиболее сильной. Начало же возвышению Тайра из Исэ положил его внук Масамори, пожертвовавший в 1097 г. 20 тё (21 га) своих земель хэйанскому храму Рокудзёин. После этого Масамори назначался губернатором доходных провинций, но жил в столице и служил при дворе. Его сын Тадамори отличился в борьбе с пиратами и стал первым самураем, добившимся доступа к правившему экс-императору [379], уступившему трон наследнику, но сохранившему за собой реальную власть.

На востоке, в Канто, в 1028—1031 гг. происходил мятеж Тайра-но Тадацуна (вице-губернатора провинции Симодзу), охвативший ряд провинций (территорию современной префектуры Тиба) и подавленный Минамото-но Ёринобу [244]. Последнее обстоятельство способствовало росту числа вассалов дома Минамото. Позднее Ёринобу служил губернатором Кавати, став основателем ветви Минамото в этой провинции. Его сын Ёриёси также служил хэйанскому правительству и приобрел известность в Канто и при дворе, подавив мятеж племени эдзо в провинции Муцу в 1056—1062 гг., ошибочно именовавшийся с XIII в. «девятiletней войной» (дзэикунэн-но эки).

Эдзо провинции Муцу жили в шести уездах, с IX в. управлявшихся домом Абэ, происходившим из верхушки племени. Абэ осваивали земли, строили дороги; среди членов этого дома были поэты и буддийские монахи. Дом Абэ стремился упрочить свою власть над племенем эдзо, не допустить полного подчинения последнего режиму кансайских монархов, добивавшихся покорения эдзо силой оружия. Укрепившись, Абэ в первой половине XI в. перестали посылать налоги в губернаторство, игнорировали трудовую повинность. В 1051 г. губернатор Фудзивара-но Нарито решил применить против эдзо военную силу, но Абэ-но Ёриёси опередил его и разбил губернаторские войска. Новый губернатор Минамото-но Ёриёси в 1056 г. спровоцировал мятеж Абэ, преследуя при этом собственную цель — укрепить свою самурайскую дружину. В 1062 г. дом Абэ был разбит, Минамото-но Ёриёси и его сыновья, в том числе Ёсинэ, получили повышение в рангах [47, с. 1—2].

В те же годы крестьяне, принадлежавшие Минамото, разрабатывали земли в Канто, дом Минамото приобретал вассалов. Ему подчинились, в частности, многие Тайра из Канто. Минамото-но Ёриёси был женат на дочери Тайра-но Наоката и позднее жил в его владении — Камакура, ставшем в конце XII в. столицей режима Минамото. Ёсинэ получил много пожертвованных земель, а следовательно, приобрел вассалов, благодаря чему его дружина постепенно превратилась в крупный самурайский корпус [455], с которым не могли не считаться хэйанские правители.

Монашествующие экс-императоры, как уже отмечалось, с конца XI в. опирались на фактических губернаторов провинций и самураев. В северной части дворца экс-императора Сиракава располагалась самурайская гвардия (хокумэн-но буси). Вместе с тем экс-императоры не без оснований опасались предводителей крупных дружин, имевших земли и многочисленных вассалов. Поэтому Сиракава охотно воспользовался борьбой за положение главы дома (а следовательно, предводителя дружины), разгоревшейся после смерти Минамото-но Ёсинэ, и сделал ставку на Тайра из Исэ [242; 426; 454].

К XII в. во всей Японии, особенно в восточных провинциях, выросли самурайские дружины, постепенно объединявшиеся в корпуса. Дому Минамото, в частности, в одних провинциях (например, Кодзукэ) подчинились крупные дружины, в других (например, Сагами) — средние, охватывавшие уезд, в третьих в вассальную зависимость от него вступили разрозненные мелкие дружины.

В связи с ослаблением позиций Минамото в столице и ростом земельных владений местных самураев в первой половине XII в. отношения господства и подчинения между Минамото и его вассалами тоже ослабли, поэтому Минамото-но Ёситомо в середине XII в. жил в Канто и активно укреплял связи с самурайством [452, с. 151—154].

Господство над землей и крестьянами, сложившаяся феодальная иерархия, наличие военных сил предопределили участие

самурайства в политической борьбе, завершившейся в конце XII в. установлением военно-феодалного режима.

Политическая борьба в 50—70-х годах XII в.

К середине XII в. расширились масштабы дворцовой борьбы, разделившей императорский дом, дома Фудзивара, Тайра и Минамото на враждующие лагеря. Внешним объектом борьбы была реальная власть в государстве, но ее скрытой пружиной явилась необходимость преодоления противоречий между сложившимися социально-экономическими отношениями — вотчинной системой — и застойной политической властью, не сумевшей приспособиться к новым условиям и управлявшей государством на основе сложившихся элитарных принципов, в интересах узкого круга хэйанской аристократии.

Правителю (кампаку) Фудзивара-но Тададзанэ не удалось восстановить позиции своего дома, поколебленные правлением монашествующих императоров. Его старший сын Тадамити, поддержанный императором Госиракава, в середине XII в. добился отстранения от власти своего младшего брата Ёринага, известного своей ученостью. Последний вынужден был поддержать экс-императора Сутоку, выступившего против Госиракава. В 1156 г. между враждующими сторонами начались военные действия, которые вели Тайра и Минамото. Госиракава поддерживали Тайра-но Киёмори (сын Тадамори), Минамото-но Ёримаса (ветвь Сэтцу), а из Канто — Минамото-но Ёситомо. Отец последнего, Тамэёси, воевал за Сутоку. Однако экс-император потерпел поражение и был сослан в Сануки, Фудзивара-но Ёринага погиб, а остальные противники Госиракава были схвачены и на другой же день (11-го числа 7-го месяца 1156 г.) казнены своими родственниками [47, с. 37—39].

События 1156 г. положили начало нескольким десятилетиям кровавой борьбы, вылившейся в гражданскую войну 1180—1185 гг. В провоцировании конфликтов сыграл роль Госиракава, беспринципный политик и интриган, тщеславный, эгоцентричный, жестоко уничтожавший не только политических противников, но и друзей, если они мешали осуществлению его планов. Под стать императору был и главный вдохновитель его партии — Фудзивара-но Митинори (побочная ветвь Фудзивара), юрист и историк, широко образованный для своего времени, но сводивший к нулю пользу от своей учености тем, что она использовалась во зло. В предыдущей главе уже говорилось о составлении им «Династических анналов»; кроме того, Митинори (монашеское имя — Синдзэй) был автором «Юридического справочника» («Хосо руйрин»), содержащего положения законов и указов, изложение мнений юристов по отдельным делам и призванного служить руководством для принятия судебных решений.

Митинори же, служивший докладчиком Государственного совета, в 1156 г. восстановил смертную казнь, не применявшуюся с IX в., настояв на том, чтобы сын (Минамото-но Ёситомо) казнил отца (Тамэёси), племянник (Тайра-но Киёмори) — дядю (Тадамаса). Поскольку же Митинори считался первым в государстве знатоком права, никто не посмел ему возразить.

Интриги Митинори были направлены прежде всего против дома Фудзивара, но способствовали обострению борьбы Тайра и Минамото. Последние считались вассалами Фудзивара, поэтому в 1156 г. были подвергнуты особенно жестоким наказаниям. Те же из них, кто сыграл решающую роль в победе сторонников Госиракава (Ёситомо, Ёримаса), получили гораздо меньшие награды, чем Тайра [382, с. 358—362]. Минамото, не отличавшиеся от других феодальных политиков тщеславием, жаждой почета и власти, с этой точки зрения имели основания испытывать недовольство как Митинори и Госиракава, так и Тайра.

После отречения Госиракава и начала его монастырского правления (в 1158 г.) влияние Митинори возросло, но возросло и число его врагов. Он, в частности, отказал Минамото-но Ёситомо, желавшему выдать свою дочь за сына Митинори, но породнился с Тайра-но Киёмори, воспрепятствовал повышению в чине начальника одного из управлений дворцовой охраны Фудзивара-но Нобуёри. В 12-м месяце 1159 г. Ёситомо и Нобуёри, воспользовавшись тем, что Тайра-но Киёмори, на войска которого опиралась партия Госиракава, выехал из столицы, попытались совершить переворот. Митинори удалось бежать, но через несколько дней он был обнаружен и убит. Нобуёри, захвативший фактическую власть, назначил на высокие должности Минамото-но Ёситомо и одного из его сыновей — Ёритомо (впоследствии возгласившего самурайский режим).

Переворот, однако, не был достаточно подготовлен, а дом Минамото не успел собрать своих вассалов. Тайра-но Киёмори в начале 1160 г. получил императорский указ о преследовании Нобуёри и Ёситомо и сумел быстро разбить их дружины. Ёситомо бежал на восток, но был убит в провинции Овари, его сын Ёритомо — арестован и затем выслан [47, с. 42]. Дом Минамото после этих событий заметно ослабел, Тайра же пережили непродолжительный расцвет.

Возвышение Киёмори объяснялось не только услугами, которые он оказал экс-императору Госиракава, но и отсутствием соперников из числа крупных самураев, ослаблением дома Фудзивара, а также родственными связями Тайра с императорским домом. В источниках имеется ряд веских доказательств, что сам Киёмори был сыном экс-императора Сиракава, который подарил свою беременную любовницу Тайра-но Тадамори. С точки зрения нравов хэйанского двора это было обычным явлением [382, с. 388—392].

В 1166 г., после смерти правителя Фудзивара-но Мотодзанэ, женатого на Морики, дочери Киёмори, последний добился пере-

дачи Морики большей части вотчин дома Фудзивара, значительно укрепив тем самым свое имущественное положение. В следующем году Киёмори стал главным министром, а еще через год выдал одну из своих дочерей за малолетнего императора Такакура — сына Госиракава. От этого брака в 1178 г. родился принц — будущий император Антоку.

Обуреваемый жадной землей и власти, Киёмори действовал теми же методами, что и дом Фудзивара, теперь окончательно оттесненный от управления государством.

Степень прочности режима Тайра зависела прежде всего от степени поддержки его феодалами, в частности самурайством, следовательно, от того, насколько политика Киёмори соответствовала их интересам, насколько сложившиеся социально-экономические отношения были закреплены и обеспечены государственной властью. Дом Фудзивара и монашествующие императоры, проводившие политику регулирования вотчин, в XII в., как уже отмечалось, утратили способность контролировать вотчинную систему, а политическая организация, соответствовавшая государственной форме земельной собственности и ориентированная на обеспечение привилегий столичной аристократии, требовала радикальных реформ.

Однако Тайра-но Киёмори, возвысившийся в борьбе за личную власть, в сущности, не боролся против сложившейся раннефеодальной политической организации, а попытался приспособиться к ней. Вассалы Тайра базировались в западных провинциях (Исэ, Ига, Бидзэн, Биттю и др.), где свободных земель было мало, владения были разбросаны и раздроблены, вследствие чего отношениям господства и подчинения не доставало прочности. Самурайство же восточных провинций не видело оснований для поддержания дома Тайра. Все это ослабляло его режим.

Конечно, Киёмори пытался укрепить свою власть, но его мероприятия не выходили за рамки сложившейся организации государственного управления и не дали большого эффекта. В частности, дом Тайра монополизировал феодальное владение провинциями (тигёкоку) и посты губернаторов, усилив, таким образом, контроль над периферией. Кроме того, Киёмори назначил во все вотчины уполномоченных (дзито) из числа своих вассалов в качестве награды [388, с. 16—23]. Прежде такие уполномоченные назначались губернаторами и ведали сбором налогов; эта функция у них сохранилась, что создавало перспективы обогащения, однако их положение при Киёмори еще не было достаточно прочным.

Другим мероприятием Киёмори было развитие торговли с сунским Китаем, использовавшейся, однако, главным образом в целях его личного обогащения. Дом Тайра торговал с Китаем и в предшествующие десятилетия. Официальных связей с материком с IX в., как известно, не осуществлялось, но в Японию (в Хаката и на Кюсю) приходило много торговых кораблей из Китая и Кореи, привозивших предметы роскоши для знати. С конца XI в. вотчин-

ники вели непосредственную торговлю с иностранными купцами в своих владениях.

В 1168 г. Киёмори построил в Фукухара (провинция Хёго) дом, намереваясь впоследствии перенести сюда столицу, а еще раньше начал ремонт порта Хёго (ныне — Кобэ), основанного в VIII в. монахом Гёки, а также порта Оndo-но Сэто (нынешняя префектура Хиросима). Вопреки сопротивлению высших сановников (кугё) Киёмори пытался завязать и официальные связи с сунским Китаем, откуда неоднократно приходили письма на имя японского императора. Однако непосредственная торговля с китайскими купцами приносила больше выгоды. В памятниках литературы говорится, что в доме Киёмори имелись золото, жемчуг, драгоценные камни [364].

Обогащение Киёмори, но еще больше — его властолюбие вызвало недовольство экс-императора Госиракава, не менее властолюбивого. С 1176 г. он стал препятствовать назначению Киёмори на должности, стремился обострить его отношения с буддийскими храмами, а в 1177 г. попытался организовать заговор против Тайра. Однако Киёмори удалось раскрыть заговор и арестовать его участников. После этого Госиракава попытался сблизиться с домом Фудзивара. В 1179 г. умерла Морики — дочь Киёмори, унаследовавшая большую часть вотчин Фудзивара. Госиракава их конфисковал, а когда спустя месяц умер Тайра-но Сигэмори (сын Киёмори), было конфисковано и его владение — провинция Этидзэн.

Эти события явились поводом для государственного переворота и установления диктатуры Киёмори. 14-го числа 11-го месяца 1179 г. с несколькими тысячами конных самураев он вступил в столицу, а на другой день лишил должностей 38 членов дома Фудзивара и назначил на эти посты представителей Тайра. Попытки Госиракава договориться с диктатором к успеху не привели. Киёмори посадил экс-императора под домашний арест, а через три месяца возвел на трон своего малолетнего внука Антоку [382, с. 442—449].

Установление диктатуры Киёмори было в то же время и началом агонии его режима. Хотя Тайра контролировали почти половину провинций, в этих провинциях и в столице имелось немало противников диктатора, недовольных усилением его личной власти. Раздавая должности своим родственникам, Киёмори не сумел упрочить отношения с вассалами. В Канто постепенно восстанавливал позиции дом Минамото — наиболее опасный соперник Тайра. Безусловно, нашлись противники Киёмори и среди членов императорского дома, не располагавшего реальной властью и военной силой, но опиравшегося на укрепившийся в течение столетий религиозный авторитет.

Начало решающей борьбе против режима Тайра, а вместе с ним — и за власть и привилегии самурайства положил заговор Минамото-но Ёримаса (из провинции Сэцу) и принца Мотихито (второго сына Госиракава) в 4-м месяце 1180 г. Ёримаса не под-

держивал тесных отношений с Минамото из Канто; после событий 1156 г. он продолжал служить при дворе, имел 3-й ранг, хотя и не получил больших наград за верность Госиракава. Но, как придворный, он не мог не видеть слабых сторон деспотической власти дома Тайра, не имевшего достаточно широкой социальной опоры, стремившегося заставить повиноваться себе путем устрашения и с презрением относившегося и к самурайству, и к аристократии. Мотихито же, вступив в заговор, рассчитывал занять трон.

От имени императорского дома Мотихито издал указ, предписывавший всем Минамото выступить против Тайра, что означало признание законными вооруженных действий Минамото. Доставка указа в Канто была поручена Минамото-но Ёсинори, сыну Ёситомо (одному из младших братьев Ёритомо). Однако заговорщики допустили ошибку, не собрав прежде всех Минамото из центральных провинций. Планы их стали известны Тайра. Мотихито и Ёримаса сначала укрылись в храме Ондзёдзи, а затем, преследуемые Тайра, бежали в Нара. 26-го числа 5-го месяца 1180 г. при р. Удзикава произошло сражение, в котором Ёримаса и его сыновья погибли [376]. Мотихито удалось скрыться.

Спустя несколько дней Тайра-но Киёмори, гонимый беспокойством, перевез императора и экс-императора в Фукухара. Однако предотвратить разгоравшуюся войну он был бессилён.

Политическая борьба, начавшаяся с дворцовых интриг и переворотов, в конце 70-х годов XII в. вылилась в многолетнюю гражданскую войну, в ходе которой решались судьбы государственной власти в Японии. Разумеется, эта борьба не выходила и не могла выйти за рамки феодальных общественных отношений и сама по себе была не причиной, а следствием развития этих отношений в предшествующие столетия, созревания японского феодализма и началом его перехода в развитую стадию.

О ТИПОЛОГИИ ЯПОНСКОГО
РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Системный анализ общества с позиций марксистско-ленинского историзма включает в себя и выявление качественных структур, взаимно изменяющихся в процессе внутрiformационного развития, и рассмотрение этапов исторического развития. В этом — одно из принципиальных отличий марксистского исторического познания и от позитивистского эволюционизма, и от противостоящей ему пространственной «истории без развития», реализуемой ныне в японской историографии «новой социальной историей».

Типологизация исторических обществ, начатая в марксистской науке задолго до того, как системно-структурный подход стал распространяться в буржуазной историографии, может рассматриваться в разных плоскостях и на различных уровнях выявления общего и особенного: во всемирно-историческом, региональном, страноведческом масштабе; на уровне общественно-экономической формации, периодов ее развития и их отдельных этапов. В раннее средневековые характерные черты феодального общества только еще формируются, постепенно приобретая все большую степень зрелости. Вот почему целесообразно выделить этапы этого формирования — в известной мере, конечно, условные, поскольку исторический процесс не может быть втиснут в жесткие рамки фиксированных дат, но тем не менее отличающиеся своеобразием и уровнем развития явлений.

В кажущемся потоке разрозненных фактов прослеживаются вполне отчетливые соответствия друг другу этапов эволюции социально-экономических отношений в японском раннефеодальном обществе, права, идеологии, политики, духовной культуры, разумеется с учетом хронологических отклонений. Безусловно, эти соответствия нельзя трактовать формально и вульгаризованно.

Неправомерно, например, искать прямую связь между началом развития арендных отношений в вотчинах и хронологически совпадающим с ним составлением поэтических антологий на японском языке. Однако оба факта относятся к структурообразующим элементам японского раннефеодального общества как системы и порождены его прогрессом. Арендным отношениям предшествовало укрупнение вотчин, а развитию поэтического творчества на японском языке — изобретение и распространение слоговых азбук. Вотчины расширялись вследствие захвата земель, а азбука была изобретена благодаря усвоению китайской иероглифической письменности. Вместе с тем аренда обуславливалась бесправием крестьян и разложением надельной системы, необходимость принуждения крестьян к труду являлась одной из причин вооружения землевладельцев и в то же время — усиления идеологического воздей-

ствия на народ, социальной роли буддизма, использовавшего в этих целях искусство и литературу.

Случайные на первый взгляд хронологические совпадения фактов из различных областей человеческой деятельности являются внешним выражением действия исторических закономерностей, а соответствующие друг другу в пределах отрезков исторического времени социально значимые явления диалектически взаимосвязаны. При этом определяющая роль производительных сил в прогрессе общества не означает синхронности развития экономики, идеологии, культуры.

Приводимые ниже поэтапно развивавшиеся типологические черты японского раннефеодального общества сгруппированы в четыре раздела: социально-экономические отношения и право, идеология, духовная культура, политика.

VII в. (процесс социальной революции).

Развитие феодального уклада в господствующий способ производства. Переход общинной земли в руки государства. Прикрепление крестьян к земле. Бенефиции знати. Административные реформы. Попытки составления свода законов.

Превращение синтоистского культа в государственный. Государственный буддизм.

Изучение вэньяня, китайской поэзии и литературы. Попытки составления официальной истории.

Политическая борьба и переворот. Складывание раннефеодальной государственности.

VIII — первая половина X в.

Гражданское, административное и уголовное право (по китайской модели) и дополнения к нему. Государственная феодальная собственность на землю. Двухступенчатая иерархия (монарх — знать). Бенефиции и земли знати. Надельная система крестьянского землепользования. Различные виды продуктовой и отработочной ренты-налога. Формирование ранних вотчин. Отработочная рента. Распад надельной системы. Бегство крестьян с земли, петиции, начало вооруженной борьбы. Начало феодальных усобиц и мятежей.

Государственный буддизм Нара. Распространение буддизма в провинциях. Секты Тэндайсю и Сингонсю. Пропаганда единой синто-буддийской религии.

Вэньянь и распространение слоговых азбук. Составление официальных историй по китайскому образцу. Танский стиль в скульптуре и живописи. Поэзия на вэньяне. С конца IX в. начало развития японского сюжета в светской живописи, составление поэтических антологий на японском языке.

Управление государством на основе гражданского и административного права. Поощрение земледелия и попытки приостановить распад надельной системы. Монополизация государственного управления домом Фудзивара.

Середина X—XI в.

Укрупнение вотчин. Аренда. Продуктовая рента. Складывание

трехступенчатой феодальной иерархии. Юридическое оформление вотчин (иммунитеты). Коллективные вооруженные нападения крестьян на феодалов. Формирование самурайских дружин.

Идеология конца буддизма. Новые формы верований: вера в буддийский рай, в буддийские мощи, в бодхисаттву Майтрею, паломничество в храмы. Усиление социальной роли буддизма.

Дневники аристократов (на ваньяне). Жанр моногатари в художественной литературе. Дневники на японском языке как литературные произведения. Повести и живописи (моногатариэ). Картины с пояснительным текстом (этоки).

Государственное регулирование вотчин.

XII в. (до начала 80-х годов).

Завершение становления вотчинной системы (первая половина XII в.). Превращение арендных земель в держания крестьян. Смешанная рента. Усиление зависимости крестьян от феодалов. Формирование самурайских корпусов.

Вера в чудеса и легенды. Рост самостоятельности и усиление политического влияния буддийских храмов.

Жанр сэцува в литературе. Рост числа эмакимоно (живопись в свитках).

Монастырское правление экс-императоров (с последних десятилетий XI в.). Обострение политической борьбы.

Формирование крупной феодальной собственности протекало в Японии в своеобразной — государственной — форме, что в немалой степени было обусловлено преобладанием общинного землевладения над частным на этапе становления классового общества. После политического переворота 645 г., решившего исход борьбы за землю и власть в Ямато в пользу княжеского дома, государство экспроприировало общинные земли, а вместе с ними и владения знати. Последние, однако, фактически сохранились в виде бенефициев, а позднее — и должностных, ранговых и прочих наделов, предоставлявшихся столичной аристократии и местным чиновникам.

Нельзя упускать из виду, что территориальная база центральной власти ко времени введения государственного землевладения ограничивалась преимущественно столичным районом. Здесь же — вокруг Асука — находилась и значительная часть пахотных земель и амбаров, принадлежавших императорам и знати. Поэтому потребовалось по меньшей мере несколько десятилетий, прежде чем наделная система крестьянского землепользования была распространена на большую часть о-вов Хонсю и Сикоку. Вместе с тем ее введение облегчалось существовавшим обычаем подвального распределения общинной земли (за исключением части о-ва Кюсю). На севере — северо-востоке Хонсю (провинции Дэва и Муцу) жили племена айну, которые постепенно были подчинены центральной власти путем вооруженной борьбы.

Объявление земли и людей собственностью государства было связано с формальным освобождением ранее закрепощенных земледельцев (бэмин), обрабатывавших поля князей Ямато

и знати. Фактически же зависимость от государства была распространена на все крестьянство, обязанное работать на наделной земле, платить натуральную ренту-налог и выполнять отработки в пользу столичных и местных властей.

Переход земли в руки государства лишь на короткое время пресек наметившуюся еще до VII в. тенденцию возникновения частнофеодальной собственности. Знать всячески стремилась расширить свои владения и за счет крестьянских наделов, и за счет свободных неразработанных земель. Экономическая политика властей и действовавшее законодательство VIII в. (своды законов «Тайхо рицурё» и «Ёро рицурё») также создавали возможности для концентрации земли в руках крупных собственников.

Как известно, моделью для японского законодательства конца VII — начала VIII в. послужило китайское право. Совершенно естественно, что более развитые цивилизации Китая и Кореи оказали на данном этапе ощутимое влияние на идеологию и право, духовную культуру и быт господствующего класса Японии. Из Китая, в частности, был заимствован и конфуцианский тезис о поощрении земледелия, отвечавший стремлениям японской правящей верхушки, заинтересованной в увеличении налоговых поступлений в казну.

Политика поощрения земледелия способствовала увеличению площади пахотных полей, но большая часть вновь разработанных земель оставалась в руках столичной и местной знати, буддийских храмов, зажиточной верхушки крестьянства, что облегчалось и постепенным снятием правовых ограничений на частные земельные владения. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, уже в начале второй половины VIII в. стали формироваться ранние вотчины.

Борьба феодалов за земли и, как следствие, возникновение вотчин явились непосредственной причиной начавшегося разложения государственной собственности на нее, что ускорялось и упадком наделной системы крестьянского землепользования. Даже официальные источники позволяют судить о том, что закон о наделении земель не соблюдался. Крестьяне нередко получали земли меньше, чем он предписывал, далеко от дома; знать под разными предлогами вымогала у крестьян плодородные земли и продукты натурального хозяйства — рис, овощи, ткани. В деревне усиливалось имущественное неравенство, крестьяне вынуждены были покидать землю. Если бежавшие от тяжести отработок в столице, как правило, возвращались домой, то бежавшие с земли нередко стремились заниматься земледелием на новом месте, осваивать целину [268, с. 81] либо уходили в буддийские храмы, где вопреки запретам властей становились монахами и таким образом освобождались от фискальных обязанностей. Со второй половины IX в. участились вооруженные нападения крестьян на губернаторства, происходили восстания айну и переселенцев из корейского государства Силла, дискриминируемых властями [268, с. 88—91]. Классовая борьба крестьянства и связанные с ней

выступления корейцев и айну подрывали основы наделной системы, переставшей существовать в начале X в., а следовательно, расшатывали и государственное землевладение.

В поисках средств к существованию и в надежде избавиться от тяжести государственных повинностей беглые и бродячие крестьяне вынуждены были уходить в вотчины, где, однако, попадали в зависимость от собственника земли. Вотчина как форма присвоения земельной ренты — типично феодальное явление. В Японии вотчины создавались на землях, юридически принадлежавших государству, поэтому власти так или иначе препятствовали переходу земли в частные руки, и процесс становления вотчинной системы растянулся на четыре столетия (середина VIII — середина XII в.). Те же причины обусловили относительное разнообразие путей создания вотчин. Формы ренты, структура вотчин, их правовое положение менялись на протяжении раннесредневекового периода; не были они единообразны и в пределах одного этапа. Вместе с тем на каждом этапе можно выделить наиболее типичные черты формирования вотчинной системы в Японии.

В ранних вотчинах (до середины X в.), создававшихся преимущественно на разработанной целине и захваченных у крестьян землях, в целом преобладали доменальные владения, отработочная рента и, по существу, крепостническая зависимость крестьян. На втором этапе (середина X — XI в.) значительно возросло и число вотчин, и их площади. Широко распространились пожертвования земель высшестоящим феодалам, прежде всего в целях обеспечения иммунитета — территориальной неприкосновенности и освобождения от налогов. Признание иммунитетов, тождественное признанию частной собственности на землю и распространявшееся на все большие площади, означало фактический отказ от принципа государственного землевладения и от ключевых положений законодательства VIII в. Но поскольку свод «Еро рицурё» не был отменен никаким формальным актом, власти вплоть до XII в. использовали его положения для того, чтобы заставить крестьян (за исключением работавших в признанных государством вотчинах) платить налоги.

Именно против государственной зависимости была направлена борьба крестьянства в IX—XI вв. — и бегство с земли, и жалобы центральным властям на злоупотребления губернаторов, и вооруженные выступления. По этой же причине в конфликтах властей с вотчинниками крестьяне, как правило, выступали на стороне последних. В целом классовая борьба крестьянства в раннефеодальной Японии объективно способствовала становлению вотчинной системы и тем самым — развитию производительных сил. Об этом же свидетельствует и переход к продуктовой ренте в вотчинах на втором этапе их формирования.

Завершение становления вотчин в первой половине XII в. было связано прежде всего с усилением зависимости крестьян от землевладельцев, передачей арендных земель в постоянное дер-

жание крестьян, повлекшее за собой увеличение объема и видов феодальной ренты. В целом к середине XII в. вотчинное землевладение повсеместно сменило государственную собственность на землю, что явилось главным признаком, определившим вступление японского общества в стадию развитого феодализма.

Изложенное не означает, разумеется, что во второй половине XII—XIII в. и позднее не создавались новые вотчины — как вследствие перераспределения земельного фонда после установления в конце XII в. военно-феодального режима, так и за счет продолжавшегося освоения целины.

Одним из существенных социальных последствий становления вотчинной системы явилось почти полное исключение рабского труда из сферы земледелия. Тенденция ослабления роли рабов в общественном производстве была явной по меньшей мере с VIII в. В целях увеличения числа налогоплательщиков власти фактически постепенно освобождали рабов, юридически считавшихся имуществом своих владельцев и потому не облагавшихся податями. Рабовладение, как отмечалось, было источником увеличения земельных держаний знати, поскольку на раба полагался надел. Часть рабов работала на полях знати и государственных ведомств, другая часть была слугами в домах знати и в правительственных учреждениях. Однако в процессе становления вотчинной системы эта функция перешла к крестьянам, рабы же, упоминаемые, в частности, и в законодательных актах XIII в., занимались главным образом отдельными презируемыми видами ремесла (выделкой кож и т. п.) и перешли впоследствии в разряд касты париев — эта и хинин (букв. не люди).

Наиболее заметным изменением в структуре господствующего класса стало формирование слоя военных феодалов (самураев), связанное с борьбой за земли, необходимостью охраны вотчин и принуждения крестьян к труду. Самурайские дружины создавались со второй половины X в., на втором этапе становления вотчинной системы, одновременно с процессом пожертвования вотчин, вследствие которого частнофеодальная земельная собственность приобрела нерархический характер.

Развитие этого процесса привело к формированию в XII в. крупных самурайских корпусов и притязаниям военных феодалов на реальную политическую власть, удерживать которую столичная аристократия, располагавшая экономической базой в виде вотчин, но не имевшая прочной социальной опоры и военных сил, была уже не в состоянии. Переход власти к самураям в конце XII в. был связан с перераспределением земельного фонда и усложнением структуры феодальной собственности. Хотя значительная часть вотчин осталась в частном владении гражданских феодалов, существовала явная тенденция увеличения собственности самураев за счет земель столичной аристократии. Последние, кроме того, контролировались вассалами самурайского правительства, к которым перешла и часть ренты. И наконец, нерархическая собственность военных феодалов приобрела условный характер:

она зависела от службы сюзерену, что, в сущности, означало формирование военно-ленной системы.

В процессе становления вотчинной системы количественно вырос также слой духовенства, особенно буддийского. Храмы превратились в крупных собственников, владевших большим числом вотчин, имевших вассалов, в том числе самураев, и господствовавших над зависимым крестьянством — держателями храмовых земель, арендаторами, крепостными. Одновременно возросла роль буддизма как господствующей идеологии феодалов общества, поскольку местные верования, позднее названные «путь богов» (синто), не представляли собой развитой религиозной системы, хотя и оказывали существенное влияние на духовную жизнь всех общественных классов, обычаи и политические церемонии при дворе.

До середины VIII в. буддизм был религией преимущественно господствующих кругов — двора и столичной знати. Власти старались не допускать вмешательства храмов в управление государством, контролировали деятельность монашеских организаций вплоть до регламентации численности монахов. Вместе с тем правящие круги сознавали возможность использования религиозной идеологии как одного из средств господства над народными массами, чему, бесспорно, способствовала и активная деятельность крупных монахов. Особенностью восприятия буддизма аристократией была надежда на получение благ в этом мире, тогда как от крестьян — и в раннее средневековье, и на последующих стадиях развития феодализма — требовали аскетизма, соблюдения запрета уничтожать все живое, т. е. максимальных ограничений в повседневной жизни.

Начало широкому распространению буддизма в провинциях было положено строительством провинциальных храмов в VIII в., но наибольшую роль в вовлечении трудящихся масс в буддизм сыграли сами монахи, ходившие по деревням, помогавшие крестьянам строить дороги, мосты, ирригационные сооружения. В сущности, вера крестьян в спасение в мире Будды началась с их доверия монахам. Особенно усилилось влияние буддизма на народ с X—XI вв., когда распространилась вера в буддийский рай, непрерывные моления Будде, которые можно было совершать в любом месте, паломничество в храмы. Для усиления религиозного воздействия на верующих стали использоваться живопись, музыка, литература. Именно в это время буддизм начал превращаться в неотъемлемый элемент структуры обыденного сознания японцев. Вместе с тем для господствующей верхушки общества буддизм был не только верой, но и своего рода интеллектуальным развлечением, в то время как синтоистские святыни внушали лишь почтение, трепет, страх перед гневом богов.

Поскольку японские монахи осваивали учения новых для Японии буддийских сект, как правило, в Китае, храмы на протяжении всего средневековья были одним из главных проводников влияния китайской культуры на японское общество, а монахи

являлись одной из наиболее образованных групп господствующего класса и играли заметную роль в литературном процессе, писали стихи, прозу, литературоведческие трактаты и исторические сочинения. Буддийское же мировоззрение стало существенным элементом не только религиозной, но и светской литературы и искусства.

Китайское влияние на духовную культуру японской аристократии было особенно ощутимым до конца IX в. Заимствование иероглифической письменности в Китае, бесспорно, стимулировало развитие литературы в Японии, а китайский письменный язык *вэньянь* (камбун) использовался в повседневной практике господствующего класса Японии вплоть до конца XIX в. Официальные исторические анналы и хроники VIII—IX вв. также писались на *вэньяне*. Буддийская скульптура, получившая заметное развитие в VIII в., изготавливалась в китайском стиле.

Если влияние более развитой китайской культуры на японское общество было естественным, то не менее естественной являлась и материализация возникших в дофеодалный период этических представлений, фольклорной традиции в литературе и искусстве. Особенно заметным этот процесс стал на рубеже IX—X вв. Распространение слоговой азбуки на иероглифической основе и смешанного письма (иероглифы и азбука) усилило стремление столичной аристократии к поискам новых форм изображения собственной жизни и окружающего мира. Проза X—XI вв. наряду с поэзией танка предшествующих столетий содержит богатый материал о жизни, быте и мировоззрении господствующего класса Японии.

К концу раннефеодалного периода аристократическая проза исчерпала свои возможности, что было связано с узостью отображаемого объекта, пессимизмом, углубившимся вследствие утраты столичной знатью политической власти, неспособностью знати подняться над кастовыми предрассудками. Одновременно усилилась роль буддийских монахов в литературном творчестве, в художественных произведениях вместе с реальными явлениями все большее место стали занимать чудеса и легенды, вместе с тем заметно расширился круг героев литературы, в который наряду с аристократами вошли самуран, а также крестьяне.

Характерным явлением рубежа IX—X вв. стало развитие японского сюжета в светской живописи, постепенно отходившей от эстетических канонов китайского искусства. Это не означало, конечно, полного разрыва с освоенной китайской традицией, к тому же новые школы китайской живописи и в последующие столетия неизбежно распространялись в Японии. Однако живопись, как и литература, стала выражать представления, порожденные социальными условиями японского раннефеодалного общества. В X, XI и последующих столетиях значительное развитие получили также синтетические виды искусства — повести в живописи, картины с пояснительным текстом, свитки (*эмакимоно*), сочетавшие живопись, литературу и каллиграфию.

Разумеется, художественное творчество, образование, грамотность были привилегией господствующего класса, хотя литера-

тура, музыка, архитектура, с одной стороны, имели народные истоки, а с другой — использовались для укрепления господства над народом. Резко контрастными были материальная культура и быт феодалов и крестьянства. Вместе с тем у различных классов и социальных групп раннефеодального общества формировались и развивались обычаи, составившие позже некоторые отличительные черты японского этноса, например сезонные любования природой. Степень устойчивости других обычаев определялась их характером: преобладание легких деревянных построек зависело не только от материальных, но и от естественно-географических условий, поэтому лес и до сих пор является важнейшим строительным материалом в Японии.

Сравнительно долгое, вплоть до периода развитого феодализма, существование в Японии дислокального и матрилокального брака объяснялось прежде всего социально-экономическими причинами, длительностью и сложностью перехода от первобытного общества к феодальному, завершение которого привело затем к абсолютному возобладанию патрилокальной формы брака.

Относительно устойчивой оказалась политическая культура правящего класса и его верхушки, не отделявшей управление государством от церемоний и праздников и верившей в вечность своего господства. Забота о собственном материальном благополучии и выгодах была главной целью всех политических мероприятий властей. Даже поощрение земледелия и увеличение посевных площадей, объективно способствовавшие развитию производительных сил, диктовались стремлением увеличить собственные доходы путем пополнения казны. С точки зрения сущности общественно-политического развития никаких значительных различий в правлении императоров, экс-императоров или дома Фудзивара не прослеживается. На последующую политическую историю оказала влияние только попытка монашествующих экс-императоров опереться на самурайство, способствовавшая обострению политической борьбы.

Сама же политическая борьба, как уже отмечалось, усилилась в середине XII в. вследствие завершения формирования вотчинной системы, обострившегося противоречия между новой формой землевладения и политическим строем, рассчитанным на эксплуатацию государственного крестьянства.

Установление военно-феодального режима в конце XII в. разрешило это противоречие, сыграло регулирующую роль в системе феодальных социально-экономических отношений. Не самураи создали феодализм в Японии, как до сих пор считают многие японские буржуазные историки позитивистской ориентации: сами самураи появились вследствие процесса генезиса феодализма и, захватив в сложившихся конкретно-исторических условиях политическую власть, стали господствовать на его следующем, развитом этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ С помощью системы условных обозначений, разработанной японскими лингвистами, камбун может читаться по-японски.

² Мураками — литературный псевдоним; сикибу — термин, общее наименование аристократов, служивших при императорском дворе в феодальной Японии.

Историография

³ Например, иероглиф хо в названии Закона о наделении земель (Хандэн сюдзюхо) — составной части свода «Тайхо риншю» — имеет значение «закон», наиболее употребимое и в современном языке. Тот же иероглиф в буддийских текстах означает только «учение». Название известного произведения японской литературы XI в. — «Макура-но соси», написанного придворной дамой Сэй сёнагон, обычно переводят на русский язык как «Записки у изголовья». Однако слово макура кроме исходного и наиболее распространенного ныне значения «подушка» в феодальной Японии обозначало «обыденное, повседневное». «Соси» — собирательное наименование литературных произведений всех жанров, написанных японской слоговой азбукой, в отличие от произведений, писавшихся на камбуне или смешанным письмом (азбукой и иероглифами). Поэтому более точный перевод названия упомянутого произведения — «Повседневные записки [азбукой]». Слова же «у изголовья» не вызывают у читателя ассоциации с «повседневным, обыденным».

Глава I

¹ В китайских источниках и ряде исследований японских авторов японские князья (до VII в.) именуются китайским термином ван, обозначающим правителя небольшой территории (уезда, области, провинции), независимого либо подчиненного главе государства — монарху (императору). Русский термин «князь», указывающий на главу племени, а затем — раннефеодального государства, представляется более уместным для обозначения правителей Ямато, чем употребляемый в работах советских историков термин «царь» (например, [82, с. 74, 116 и др.]): правители Ямато не были самодержцами, их власть не распространялась на всю территорию Японских островов. Кроме того, существовало несколько очагов возникновения государства в Японии.

Термин «принц» используется ниже для обозначения княжеских (а затем — императорских) сыновей, положение которых соответствовало положению членов семьи западноевропейских монархов.

² В комментариях ко всем японским изданиям китайского источника «Вэйчжи», содержащего описание японцев в III в., говорится, что иероглиф ити ошибочно употреблен в названии страны Яматой вместо тай. Комментарий добавляет лишь, что яма означает «гора», а иероглиф тай якобы использован (автором «Вэйчжи») для обозначения столицы японцев — по аналогии с Китаем, где этот иероглиф указывал на местонахождение правительств [22, с. 445]. Никакого объяснения причины вышеуказанной ошибки либо доказательства правомерности замены ити на тай не приводится. Тем не менее в японской историографии наименование Яматой стало общепотребительным. На изложенные обстоятельства обратил внимание Фурута Такэхико, справедливо подчеркивавший отсутствие каких-либо оснований для замены ити на тай и использовавший в своих исследованиях упомянутое в «Вэйчжи» название Яманти (например, [416, т. I, с. 11]).

² Умая — конюшня; «Анналы Японии» и позднейшие источники сообщают, что мать принца, обходя дворец, разрешилась от бремени у конюшни [31, с. 136].

³ В переводе данного документа на русский язык К. А. Попов называет его «термином „конституция“, вполне сознавая, что это модернизация» [18, с. 133]. Действительно, ни содержание самого документа, ни уровень развития государства и права в Японии начала VII в. не позволяют говорить о возможности издания основного закона. Поэтому в данных очерках употреблен более уместный термин «наставление».

⁴ Документ VI в. не сохранился. Упоминаемые в ряде работ советских историков «Анналы событий прошлого» [«Куданки»] написаны после перенесения столицы в Хэйан, т. е. после 794 г. [325, с. 105].

⁵ Как сообщает «Анналы Японии», Икаруганомия сгорел в 643 г.

⁶ Сётоку был сыном князя Емэй, а Осаканохихито — сыном князя Бидацу, правившего до Емэй. Бидацу и Емэй — родные братья.

⁷ По своду «Тайхо ринцурэ» (701 г.), за этими чиновниками (кун-но цукаса) были закреплены функции губернаторов провинций с широкими полномочиями, включавшими судебную власть. Указанным термином, читавшимся также кокус, могли обозначаться все чиновники провинциального управления. Их должности делились на пять разрядов: ками², сукэ¹, дзё¹, сакан², сидзё. Писались названия этих должностей другими иероглифами, чем одноименные должности в уездном управлении. Кокус формально существовали до XV в.

⁸ Точно установлено, что с конца VIII в. в столичный район входили провинции Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзуми и Сэтцу.

⁹ Оми — тогдашняя столица Японии. Своды законов именовались либо по названию столицы, либо по девизу годов правления императоров, поэтому в тексте очерков приводится только транскрипция.

¹⁰ Асука — местность, где находилась столица; Киёмыхара — название императорского дворца.

¹¹ Еро — девиз годов правления императора.

¹² Дзинсин — наименование 672 г. по 60-летнему циклу.

¹³ Должности в уездном управлении делились на четыре разряда: ками, сукэ, дзё, сакан.

Глава 2

¹ Позднее, однако, выяснилось, что никакого месторождения золота на о-ве Цусима открыто не было, а Ицусэ, видимо, получил его из Кореи.

² В X—XI вв. этот термин стал обозначать земли императорского дома в отличие от вотчин феодалов.

³ Савада Гонтэ — известный японский математик, автор учебников. После выхода в отставку (обязательного по достижении 60 лет) поступил учиться на кафедру национальной истории Токийского императорского университета и вскоре после окончания подготовил докторскую диссертацию по указанной проблеме [207, с. 12].

⁴ 1 тан равен 360 бу.

⁵ Действительно, 1,5 снопа (1 сноп — 10 связок), помноженные на 5 сё и на 0,72 л, дают 5,4 л, или 3 % от 180 л — объема урожая с 1 тана на лучших полях.

⁶ 1 го = 0,18 л, 1 сяку = 0,018 л.

⁷ Храм трижды сгорал во время войн. Ныне существующие постройки выполнены после XII в. В храме сохранилась скульптура VIII в. из пальме-маше.

⁸ Ямато-но орити, согласно легенде, — восьмиголовая и восьмизвостая змея, которую победил бог Сусаноо, извлекая из ее хвоста меч, одну из трех императорских регалий.

⁹ Критика Цуда рационализации мифов не утратила значения и до настоящего времени. Однако Цуда полагал, что мифы были сочинены в V—VI вв. придворными Ямато в политических целях обоснования господства императорского дома. Такой вывод сам по себе не объясняет фантастичности мифов, многочисленных расхождений и противоречий между мифами «Хроники древних событий» и «Анналов Японии», не позволяет выявить их истоки. В 70—80-х годах Фурута Такэхико предложил новый подход к проблеме происхождения японской мифологии (см.

[416, т. 1—2]). Фурута, в частности, полагает, что многие мифы имели реальную основу, возникли до нашей эры, отражали исторические события, происходившие на Кюсю и в Кансай, и лишь после того, как в конце VII в. кансайский режим смог подчинить себе другие княжества (в частности, Кюсю), были использованы им в политических целях. Необходимо подчеркнуть, что реальную историческую основу могли иметь не мифы, а легенды, изложенные в указанных выше письменных памятниках, т. е. следует четко разграничить фантастические мифы и легенды, содержащие и подлинные факты, и вымысел. Концепция Фурута по многом гипотетична, но приводимые им многочисленные доказательства создают основу для последующих исследований и японских мифов, и легенд, в ранней истории Японии в целом.

Глава 3

¹ Добросовестных, преданных властям местных чиновников в источниках именуют специальным термином «рёнсинзэки», заимствованным из китайской династийной истории «Хань шу», где говорится, что годовое жалованье начальников уездов составляло 2 тыс. коку риса (нисинзэки).

² Иероглиф «гэ» указывает на доклад низшего высшему.

³ Средняя урожайность в XI в. составляла 1 коку 5 то (270 л) с 1 тана земли [46, с. 275, примеч. сост. сб.].

⁴ Налоговый иммунитет Ояма был признан в 924 г. (Это — первый упоминаемый в письменных источниках факт освобождения вотчин от налогов и повинностей в пользу государства.)

⁵ Ватанабэ Сумио в середине 50-х годов первым связал возникновение равных именных полей с увеличением бремени крестьян. Его предшественники (Нисиока Тораносукэ, Тома Сэйтэ и др.) полагали, что раннее распределение именных полей восходило исключительно к обычаю подушного наделения земель и возникло по меньшей мере в VIII в. — на самом раннем этапе существования вотчин.

⁶ Данные по вотчине Ояма относятся к XIII в.

⁷ С конца XI в. японские императоры, отрекаясь от престола в пользу наследного принца, удалялись в монашескую резиденцию, но сохраняли за собой реальную политическую власть. Это явление известно в японских источниках и историографии как «монашеское правление».

⁸ Маки, правда, называет отмеченную выше общепринятую точку зрения концепцией Исэи — Есиэ, но в действительности раньше этих источников ее высказал Такэутти Ридзо [382, с. 320—321].

Глава 4

¹ Памятник ему установлен на площади перед императорским дворцом в Токио в 1940 г. в связи с празднованием 2600-летия со дня начала мифического правления мифического императора Дзимму.

² Ныне в Киото ежегодно 22 октября (по европейскому календарю) отмечается «праздник веков» («дзидай мацури»). В честь годовщины основания города устраивается театрализованное шествие в костюмах разных эпох с изображением реальных исторических персонажей.

³ В настоящее время Едогава является границей Осаки.

⁴ Такие же дома были построены в Наинва и на Кюсю, при управлении о-вами Кюсю, Ики и Цусима.

⁵ Сакура — японская вишня с несъедобными плодами, считается национальным цветком Японии. Растет в стране повсеместно. В дни цветения устраиваются пикники. Татибана — вид альпийского.

⁶ Первый иероглиф термина «кампаку» означает «вести дела», «брать на себя дела», второй — «говорить, докладывать (высшему)». Термин впервые употреблен в китайской династийной истории «Хань шу», а фраза из «Хань шу» почти дословно повторена в указе императора Уда (888 г.) о пожаловании должности «кампаку» Фудзивара-но Мотоцуна [283, с. 274].

⁷ На должность советника обычно назначались чиновники не ниже 4-го ранга из числа старших и средних докладчиков Государственного совета.

⁸ «Хакасэ» соответствует европейскому термину «профессор». С конца XIX в.

те же иероглифы, но с другим чтением — «хакус» используются для обозначения ученой степени доктора наук.

⁹ Конин, Дзетан, Энга — девизы годов правления императоров, поэтому названия этих сводов даны только в транскрипции.

¹⁰ Чтения иероглифов в Китае исторически менялись, и Япония заимствовала их поэтапно. Ханьскими называют чтения, пришедшие в Японию из Северного Китая, в отличие от чтений, ранее пришедших из Южного Китая.

¹¹ Санронсю возникла в Индии, в конце VI в. распространилась в Китае. В начале VII в. учение этой секты через Корею проникло в Японию. В настоящее время ему следуют лишь храмы Тодайдзи (г. Нара) и Хорюдзи (префектура Нара). Учение Хоссосю также возникло в Индии и проникло в Японию через Китай. В VIII в. эта секта пользовалась наибольшим влиянием среди японских правящих кругов. Учение Хоссосю, как и одной из сект хинаяны — Гуссю, проповедовалось в Хэйдзэй в храме Кофукудзи. Дзёдзиссю, одна из самых первых буддийских сект в Японии, была распространена преимущественно в VI—VII вв. и ранее других сект утратила влияние. С учением секты Риссю японцев познакомил китайский монах Гандзин, приехавший в Японию в 754 г. и проповедовавший в нескольких храмах Хэйдзэй, в том числе в Тодайдзи и Якусидзи. Учение Кэонсю (букв. секта украшения цветами; название связано с легендой, согласно которой Будда на пути просветления совершает много добрых дел, украшает себя ими, подобно тому как украшаются цветами) распространилось в Японии с 30-х годов VIII в. и проповедовалось главным образом в храме Тодайдзи.

¹² Ныне — граница префектур Нара и Вакаяма. На Коисане находятся 121 буддийский храм, буддийский университет и кладбище, где похоронены многие поэты, писатели, политические деятели средневековой, нового и новейшего времени.

¹³ Ниниэдзи построен в конце IX в. императором Удэ на Западной горе (Нисияма) в Хэйан.

¹⁴ Впоследствии Энрякудзи стал крупным землевладельцем, имел войско, часто вмешивался в политику. В XVI в. храм был сожжен феодалным объединителем Японии Ода Нобунага за отказ покориться последнему. Восстановлен в XVII в. Сохранилась буддийская скульптура IX в. — в частности, статуя стоящей бодхисаттвы Каннон.

¹⁵ Статуя Коя установлена в храме Рокухара Мицудзи (бывший Сайкодзи). Монах изображен славящим Будду, из его рта вылетают маленькие буддийские статуи.

¹⁶ В настоящее время наиболее известным является шествие в храме Таймадзи (префектура Нара), которое проводится ежегодно 14 мая.

¹⁷ Киемидзудэра находится в восточной части Киото. Основан в начале IX в. Саканоуэ-но Тамурамаро, предводителем карательной экспедиции против айну, после его возвращения из похода. Нынешний главный зал храма восстановлен в 1633 г. военно-феодалным правителем Токугава Иэмицу.

Глава 5

¹ Определение «хэйанская» применительно к аристократии здесь и ниже указывает лишь на географический пункт, столицу Японии, где жила эта социальная группа господствующего класса. В сочетании с термином «культура» определение «хэйанская» также обозначает лишь место, где развивалась аристократическая культура, и само по себе не содержит качественной характеристики последней и указания на хронологические рамки ее существования. Автор очерков считает неприемлемым употребление традиционных для японской историографии терминов «период Хэйан», «эпоха Хэйан», «период Камакура» и др., выражающих средневековые представления об истории.

² В дни праздников, пиров в императорском дворце и домах знати тондзюки, а также вареный клейкий рис раздавали народу.

³ В древности намасу готовили из сырого мяса диких животных. Постепенно стали использовать главным образом сырую рыбу, поэтому ключевой элемент иероглифа намасу — «мисо» — был заменен на элемент «рыба». В XV—XVI вв. с рыбой стали употреблять уксус и соевый соус, который начали готовить в то время.

Оформившееся в XV—XVI вв. блюдо из тонко нарезанной сырой рыбы, которую едят, обмакивая в соевый соус, стало называться сасими. Поскольку же на кансайском диалекте глагол «резать рыбу» произносится цукуру, то в Осаке за этим блюдом закрепилось название о-цукуру. Термин намасу в настоящее время относится в основном к салату из тонко нарезанных овощей — редьки, моркови, огурцов и др., которые заправляются уксусом и сахаром.

⁴ В XVI в. для ускорения процесса брожения стали использовать вареный рис, а затем добавлять сакэ и уксус. В XVIII—XIX вв. рыбу стали употреблять с рисом. В настоящее время суси — блюдо из сырой рыбы с рисом, овощами, яйцом и специями. Имеется ряд его разновидностей: так, нигирисуси (здосуси) — колобок, слепленный из риса, на который кладут японский хрен (васаби), а сверху — тонкий ломтик сырой рыбы. Едят, обмакивая рыбу в палуду с соевым соусом, тирасидзуси — на рис, лежащий в тарелке, «разбрасывают» ломтики рыбы, овощей, жареное яйцо, специи и др.

⁵ Термин «госиттинти» означает «вторые семь дней» — в отличие от первой, синтоистской, недели Нового года. Настоятель молился о благолепии императора и знати, процветании государства, хорошем урожае и радости народа.

⁶ Это не означает, что аристократки не знали иероглифов. Домашнее образование предусматривало изучение китайской классики, а дамы, служившие при дворе, были обязаны знать камбун.

⁷ Это наименование дал дереву император Сёму, при котором был построен храм Тодайдзи. Каждый из трех иероглифов рандзятэй последовательно включает в себя в качестве составной части три иероглифа Тодайдзи.

⁸ Мака — калька санскритского «маха» — большой, выдающийся, значительный (отсюда — махаяна — «большая колесница» — одно из двух основных направлений буддизма). Си — чистая душа, сосредоточенный дух как основа истинного понимания явлений (кан).

⁹ Сохранилось только 10 свитков из 40. В составлении принимали участие докладчики Государственного совета Фудзивара-но Оцуру, Фудзивара-но Футоцу и Кихара-но Нануно, советник Оно-но Минэмири, «профессор» истории Саканоуэ-но Имацуру, секретарь Государственного совета Симата-но Киёта.

¹⁰ Пятая из шести официальных историй. Состоит из 10 свитков. Написана под руководством Фудзивара-но Мотоцунэ и Минабути-но Тосина. Среди авторов-составителей — ученые Оэ-но Отондо, Ёсибути-но Тиканари, Мияко-но Ёсика, Симата-но Ёсиоми, Сугавара-но Корёси и его сын Митидзанэ.

¹¹ Описывается время правления императоров Сэйва, Ёдэй и Коко. Составители — докладчики Государственного совета Фудзивара-но Токихира, советник Сугавара-но Митидзанэ, секретари Окура-но Ёсиюки и Мимуэ-но Масахира.

¹² Перевод автора.

¹³ Насицубо-но гонин буквально означает «пятеро из грушевого павильона». Кроме названных поэтов в эту группу входили Онакатоми-но Ёсинобу, Ки-но Токибуни и Саканоуэ-но Мотики. Грушевый павильон — одно из зданий дворца императрицы в Хэйан, получившее свое название от того, что перед павильоном были высажены грушевые деревья. Именно здесь размещалось учреждение, собиравшее стихи на японском языке.

¹⁴ Один из восьми департаментов. Основные функции — составление проектов императорских указов и подготовка официальной истории, поэтому на должности в канцелярию назначались наиболее образованные чиновники. Канцелярия была, кроме того, своего рода придворным «отделом кадров» — ведала делами чиновников выше 5-го ранга, а также отбором аристократов на придворные должности.

¹⁵ Это название ошибочно переводят на русский язык как зал или храм Феникса (например, [72, с. 46]). Хоо (чтение — японское) в представлении китайцев, а затем и японцев — фантастическая птица с головой курицы, шеей змеи, клювом ласточки, спиной черепахи и хвостом рыбы; крылья окрашены в пять цветов. Символизирует высшую буддийскую добродетель — беспредельную веру в Будду Амиду. Зал Хоо был построен специально для молений будде Амиде. Нет никаких оснований для отождествления птицы хоо с фениксом. Одной из причин этой ошибки послужило, видимо, то, что те же иероглифы хоо используются в названии созвездия, известного европейцам как «феникс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма *

1. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. — Т. 13.
2. Маркс К. Капитал. Т. 3. — Т. 25. Ч. 1—2.
3. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Т. 46. Ч. 1.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Т. 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4.
6. Энгельс Ф. Маркс. — Т. 19.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21.
8. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Т. 3.
9. Ленин В. И. Карл Маркс. — Т. 26.
10. Ленин В. И. Государство и революция. — Т. 33.
11. Ленин В. И. О государстве. — Т. 39.

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

12. Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972. Т. 2. М., 1973.
13. Древние фудоки. М., 1969.
14. Идзумо-фудоки. М., 1966.
15. Изз моногатар. Повесть древней Японии. Пер. и предисл. Н. Конрад. Пг., 1923.
16. Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975.
17. Кодекс Тайхорэ. Раздел 9. Раздел 15. — Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
18. Конституция Сётоку. Вступит. ст. и коммент. К. А. Попова. — Народы Азии и Африки. 1980, № 1.
19. Манъёсю. Пер., вступит. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. Т. 1—2. М., 1971. Т. 3. М., 1972.
20. Повесть о доме Тайра. Пер. со старояп. И. Львовой. М., 1982.
21. Ямато-моногатар. М., 1982.

На древнекитайском языке

22. Вэйчжи важэньчуань (Описание японцев в «Вэйчжи»). — Харада Дайроку. Яматайкоку ронсо (Дискуссия о государстве Яматай). Токио, 1969.
23. Вэньсюань (Литературный сборник). Т. 1. Лян Чжаоми дацзычжуань (сост. принц Лян Чжаоми). — Шанхай, 1959.
24. Дайнихон комондзё (Древние документы Великой Японии). Т. 1—25. — Токио, 1901—1940.
25. Дзёгу Сётоку хоотэй сэнэ (Житие великого будды Сётоку). Под ред. Наката Норико. Токио, 1981.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

26. Кокавасики. Конинисики. Энгисики (Установления годов Кокав, Конин и Энгв). Т. 1—3. Токио, 1979.
27. Кокубулзэ бунсё (Документы провинциальных храмов). Токио, 1964.
28. Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио, 1980.
29. Нихон Монтоку тэно дзицуоку (Хроника японского императора Монтоку). Токио, 1979.
30. Нихон сандай дзицуоку (Хроника трех императоров Японии). Т. 1. Токио, 1978. Т. 2. Токио, 1979.
31. Нихон сёки (Анналы Японии). Т. 2. Токио, 1979.
32. Рё-но гингэ (Толкование административного и гражданского права VIII в.). Токио, 1979.
33. Рё-но сюгэ (Комментарии к административному и гражданскому праву VIII в.). Т. 1. Токио, 1978. Т. 2. Токио, 1980. Т. 3—4. Токио, 1977.
34. Рицу (Толкование уголовного права VIII в.). Токио, 1978.
35. Руйдзю кокусэ (Тематическая национальная история). Т. 1—4. Токио, 1979.
36. Руйдзю сандайкяку (Систематизированные указы трех периодов). Т. 1—2. Токио, 1980.
37. Сёку Нихонги (Продолжение анналов Японии). Т. 1—2. Токио, 1979.
38. Сёку Нихон коки (Продолжение поздних анналов Японии). Токио, 1980.
39. Сёмонки (Хроника Тайра-но Масакадо). Токио, 1963.
40. Сёюки (Записки правого министра). — Дайнихон кокироку (Древние хроники Великой Японии). Т. 10. Токио, 1971.
41. Тодайдзи ёроку (Хроника храма Тодайдзи). Токио, 1944.
42. Хонтё сэйки (Династийные анналы). Токио, 1964.
43. Хэйан ибун (Документы хэйанского периода). Сост. Такзутэ Ридзё. Т. 1—4. Токио, 1962.
44. Цзю Тан шу ваго жибэньчуань. Сун ши жибэньчуань (Описание страны японцев в Японии в «Цзю Тан шу». Описание Японии в «Сун ши»). — Токио, 1956.

На древнекитайском и японском языках

45. Игакоку Куродасё сирё (Источники по истории вотчины Курода провинции Ига). Т. 1. Сост. Такзутэ Ридзё. Токио, 1975.
46. Сирё-ни ёру Нихон-но акюми (Поступь Японии в исторических источниках). Кодай (Древний период). Токио, 1979.
47. Сирё-ни ёру Нихон-но акюми (Поступь Японии в исторических источниках). Тюсэй (Средние века). Токио, 1980.

На японском языке

48. Кодзика. Манъёсю. Кокин вакасю (Хроника древних событий. Манъёсю. Сборник старых и новых японских стихотворений). Токио, 1968.
49. Куродасё гэнти тёса гайхо (Краткий доклад об исследовании местности вотчины Курода). Токио, 1973.
50. Хэйдзэй-но мин хаккуцу тёса хококу (Доклады о раскопках дворца в Хэйдзэй). Т. 1. Токио, 1961. Т. 2. Токио, 1962. Т. 3. Токио, 1963.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, КАРТЫ

51. Нихон тёхокусэ хисо сирё сюсэй (Собрание материалов по истории японской скульптуры). Т. 1—2. Токио, 1966.
52. Нихон эмачимонэ дзёсю. 1. Гэндзи моногатарэ эмачи (Полное собрание японской живописи в свитках. Кн. 1 «Свитки к „Повести о принце Гэндзи“»). Токио, 1958.
53. Сёэн бумпузу. Дзё (Карты размещения вотчин). Т. 1. Под ред. Такзутэ Ридзё. Токио, 1975.

54. *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитый феодализм. — ИСССР. 1981, № 2.
55. *Адаев Л. Б.* К типологии феодализма на Востоке. — НАА. 1977, № 4.
56. *Адаев Л. Б.* Опыт типологии средневековых обществ Азии. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
57. *Адаев Л. Б.* Проблема сельской общины в классовых обществах. — ВИ. 1977, № 2.
58. *Арутюнов С. А.* Жилище народов Японии. — Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
59. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
60. *Афанасьев Ю. Н.* Историзм против эклектики. М., 1980.
61. *Ашрафян К. З.* Феодализм в Индии: особенности и этапы развития. М., 1977.
62. *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма XI—XIII вв. М., 1962.
63. *Барг М. А.* Категории «всемирно-исторический» и «локально-исторический» в марксистско-ленинском историзме. — ВИ. 1980, № 1.
64. *Барг М. А.* О категории «историческое время» (Методологический аспект). — ИСССР. 1982, № 6.
65. *Барг М. А.* О природе феодальной собственности. — ВИ. 1978, № 7.
66. *Барг М. А.* Принцип системности в марксистском историческом исследовании. — ИСССР. 1981, № 2.
67. *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной средневековедения. М., 1973.
68. *Березный Л. А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая. Л., 1968.
69. *Березный Л. А.* Теория «политической культуры» и некоторые вопросы изучения Китая. — НАА. 1978, № 4.
70. *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
71. *Борокина И. А.* Классический японский роман («Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу). М., 1981.
72. *Бродский В. Е.* Японское классическое искусство. М., 1969.
73. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
74. *Буганов В. А., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980.
75. Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сб. ст. М., 1982.
76. *Ванин Ю. В.* Аграрный строй феодальной Кореи. XV—XVI вв. М., 1981.
77. *Виноградова Н. А.* Иконографические каноны японской космогонической картины Вселенной — мандала. — Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
78. *Виноградова Н. А.* Скульптура Японии III—XIV вв. М., 1981.
79. *Волобуев О. В.* Художественно-исторический образ и познание прошлого. — Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечайной. М., 1976.
80. *Воробьев М. В.* О праве раннесредневековой Японии (к вопросу о типологии восточного права). — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1982.
81. *Воробьев М. В., Соколова Г. А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976.
82. *Воробьев М. В.* Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.
83. *Глушкина А. Е.* Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам «Манъёсю»). — Индийская культура и буддизм. Памяти акад. Ф. И. Щербатского. М., 1972.
84. *Глушкина А. Е.* Заметки о японской литературе и театре. Древность и средневековье. М., 1979.
85. *Глушкина А. Е.* К вопросу о толковании некоторых песен «Манъёсю» («Гимн вину» Отомо Табито). — НАА. 1971, № 1.
86. *Глушкина А. Е.* Проблема авторства в «Манъёсю». — Историко-филологические исследования. К семидесятилетию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.
87. *Гольдберг Д. И.* Япония в III—XII вв. — История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
88. *Гореглад В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе X—XIII вв. М., 1975.
89. *Гореглад В. Н.* Ки-но Цураюки. М., 1983.
90. *Гринин В. С.* Влияние китайской книги на развитие книгопечатания в Японии (VII—XIV века). — Книга. Исследования и материалы. Сб. 6. М., 1962.
91. *Григулевич И. Р.* О социальной роли религии. — СЭ. 1980, № 6.
92. *Гулыга А.* Искусство истории. М., 1980.
93. *Гулыга А. В.* Эстетика истории. М., 1974.
94. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
95. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
96. *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1974.
97. *Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX в. М., 1958.
98. *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
99. *Жуков Е. М.* История Японии. Краткий очерк. М., 1939.
100. *Жуков Е. М.* О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей. — ВФ. 1977, № 4.
101. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980.
102. *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973.
103. *Иофан Н. А.* Из истории японской музыки VII—IX вв. — Искусство Японии. М., 1965.
104. *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974.
105. *Иофан Н. А.* О буддийской иконографии в Японии в VII—VIII веках н. э. (смысл и язык изображений). — Индийская культура и буддизм. Памяти акад. Ф. И. Щербатского. М., 1972.
106. История Индии в средние века. М., 1968.
107. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
108. История стран зарубежной Азии в средние века. Гл. 10. М., 1970.
109. *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972.
110. *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.
111. *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981.
112. *Ковальченко И. Д.* Исторический источник в свете учения об информации. — ИСССР. 1982, № 3.
113. *Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — ИСССР. 1976, № 5.
114. *Конрад Н. И.* Древняя история Японии. — Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
115. *Конрад Н. И.* Надельная система Японии. — Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
116. *Конрад Н. И.* О театральном искусстве Японии VII—VIII вв. — Театр и драматургия Японии. М., 1965.
117. *Конрад Н. И.* Очерки истории культуры средневековой Японии. VII—XVI вв. М., 1980 г.
118. *Конрад Н. И.* Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века. — Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
119. *Конрад Н. И.* Очерки японской литературы. М., 1973.
120. *Конрад Н. И.* Японская литература. От «Кодзика» до Токтоми. М., 1974.
121. *Корнев В. И.* Буддизм. — ВИ. 1970, № 12; 1971, № 2.
122. *Корнев В. И.* Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М., 1983.
123. *Корсунский А. Р.* Об иерархической структуре феодальной собственности. — Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979.
124. *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М. — Л., 1947.

125. Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.
126. Кочетов А. И. Буддизм. М., 1968.
127. Кочетов А. И. Вселенная, время, пространство в мировоззрении буддистов. — Ф. Н. 1978, № 2.
128. Крапивинский С. Э. К анализу категории «социальная революция». М., 1971.
129. Лазарев Г. З. Из истории японского жилища. — СЭ. 1972, № 1.
130. Лазарев Г. З. Основные особенности развития архитектуры Китая и Японии в период раннего и развитого феодализма (VI—XII вв.). — НАА. 1972, № 4.
131. Леваш И. Я. Содержание и критерий общественного прогресса. Саратов, 1973.
132. Лисевич Н. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979.
133. Лукинов С. Б. К вопросу о методике анализа японской традиционной музыки в инструментальных композициях кангэн. — Некоторые актуальные проблемы искусства и искусствоведения. М., 1981.
134. Лысаккин Е. Н. Соотношение теории общественно-экономических формаций и реального исторического процесса. — ФН. 1980, № 3.
135. Ляхович Е. С., Подгорных Л. Б. К вопросу об искусстве как историческом источнике. — Вопросы методологии науки. Вып. 5. Томск, 1975.
136. Мацуока Хисао. Особенности японского феодализма. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук).
137. Мачоги М. Распространение книгопечатания в мире. — «Культуры». 1982, № 3.
138. Мецгеряков А. Н. Буддизм и синтоизм в общественной жизни Японии VI—VIII вв. (по материалам официальных хроник). — НАА. 1979, № 1.
139. Мецгеряков А. Н. Легенды из «Нихон рёнки». — НАА. 1981, № 3.
140. Миронец Н. И. Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса). — ИСССР. 1976, № 1.
141. Могилянский Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978.
142. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
143. Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974.
144. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.
145. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
146. Николаева Н. С. Декоративное искусство Японии. М., 1972.
147. Новосельцев А. Н., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
148. Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981.
149. Пасков С. С. Методологические проблемы исторической науки в современной японской буржуазной историографии. — ИСССР. 1980, № 6.
150. Петров Ю. В. Практика и историческая наука. Томск, 1981.
151. Пинус Е. М. Японский миф о рыбаке и охотнике (по древнейшему памятнику «Кодзики», VIII в.). — Историко-филологические исследования. К семидесятилетию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.
152. Подпадова Г. И. О типологии японского феодализма. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
153. Поздняков И. Г. Прогрессивная японская историография о характере феодализма в Японии. — НАА. 1962, № 3.
154. Попов К. А. Восемь песен Хитати. — Историко-филологические исследования. К семидесятилетию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.
155. Попов К. А. Фудоки. (К истории изучения японского памятника VIII века). — Китай, Япония. История и филология. М., 1961.
156. Поршнев Б. Ф. Роль социальных революций в смене формаций. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
157. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник. — Вестник ЛГУ. История, язык, литература. Вып. 3, 1964.
158. Проблемы теории социальной революции. Сб. ст. М., 1976.

159. Производительные силы как философская категория. Материалы круглого стола. — ВФ. 1981, № 4, 9.
160. Радудь Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947. Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.
161. Ракитов А. И. Историческое познание. М., 1982.
162. Сахаров А. М. Методология истории и историография. М., 1981.
163. Свиридов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности в древней Руси. — ВИ. 1978, № 8.
164. Свиридов Г. Г. Японская средневековая проза сэцува. М., 1981.
165. Селазнев М. А. Социальная революция (Методологические проблемы). М., 1971.
166. Сисаури В. Японская инструментальная музыка гагаку (генетические связи и процесс становления). — Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 14. Л., 1975.
167. Сисаури В. Японская музыка гагаку. — СМ. 1975, № 1.
168. Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
169. Соколова В. К. Фольклор как историко-этнографический источник. — СЭ. 1960, № 4.
170. Соколова М. Н. Современная французская буржуазная историография. М., 1979.
171. Слепачковский А. Б. Самурай — военное сословие Японии. М., 1981.
172. Сырицын И. М. К вопросу об изучении феодализма в Японии. — Историография стран Востока. М., 1969.
173. Сырицын И. М. Реформы Тайка и проблема общины в освещении послевоенной японской историографии. — Вестник МГУ. Серия 14. Востоковедение. 1973, № 2.
174. Сырицын И. М. Современная историография генезиса японского феодализма. — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.
175. Сырицын И. М. Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства. — Вестник МГУ. Серия 14. Востоковедение. 1970, № 2.
176. Терентьев-Катанский А. П. Из истории книги и книгопечатания в странах Дальнего Востока и Центральной Азии. — Страны и народы Востока. Вып. 23. М., 1982.
177. Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
178. Тихвинский С. Л. Академик Н. И. Конрад как историк стран Дальнего Востока. — Проблемы истории и теории мировой культуры. Памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974.
179. Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства. — ВФ. 1982, № 4.
180. Тюрин А. Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980.
181. Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.
182. Удальцова З. В., Гутнова Е. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.
183. Файнберг Э. Я. Академик Н. И. Конрад — историк Японии. — Китай, Япония. История и филология. М., 1961.
184. Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
185. Хани Гора. История японского народа. М., 1957.
186. Хондзэ Эйциро. Социальная история Японии. М., 1935.
187. Черевко К. Е. К вопросу об изучении «Кодзика». — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977.
188. Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сб. ст. М., 1981.
189. Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю. — ВИ. 1969, № 12.
190. Шевеленко А. Я. К типологии генезиса феодализма. — ВИ. 1971, № 1.

191. Шелике В. Ф., Потоцкий В. А. Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. — ФН. 1979, № 5.
192. Шмидт С. О. Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения. — Общество и природа. М., 1981.
193. Эйдуэ Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М., 1968.
194. Янин В. Д. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

На японском языке

195. Абэ Эсихира. Хэйдэй-но мия, дайри, тукё сайкё ко (Заметки об императорском дворце, центральном и западном дворцах Хэйдэй). — Кэнкю ронсю, Нара кокуринцу бункадэй кэнкюсё (Сборник исследовательских работ Института исследования культурных ценностей Нара). Вып. 2. 1974.
196. Абэ Такэси. Мё-но хассэй-ни цунтэ (О возникновении именных полей). — Нихон сёэн сэйрицуси-но кэнкю (Исследования истории становления вотчин в Японии). Токио, 1960.
197. Абэ Такэси. Нихон сёэнси (История вотчин в Японии). Токио, 1972.
198. Абэ Такэси. Сёэн сёэн-ни цунтэ (О ранних вотчинах). — Нихонси-но кэнкю. 1973, № 5.
199. Абэ Такэхико. Сисэй (Удзи и кабанэ). Токио, 1960.
200. Акаги Сидзукэ. Хэйан кидзюку-но сэйкацу-то бунка. (Жизнь и культура хэйанской аристократии). Токио, 1964.
201. Акияма Тэрукадзу. Фудзивара бунка (Культура Фудзивара). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
202. Акияма Тэрукадзу. Хэйан дзидай сэдзюкка-но кэнкю (Исследование светской живописи хэйанского периода). Токио, 1964.
203. Аmino Эсихико. Тюсэй Тодзи-то Тодзирё сёэн (Храм Тодзи и его вотчины в средние века). Токио, 1978.
204. Аоки Кацую. Киёмихарарё-то кодай хэнрёсэй. (Киёмихарарё и древняя бюрократическая система). — Кодайгаку. 1954, № 2.
205. Аоки Кацую. Кокисэй-но сэйрицу (Становление системы принудительных оплачиваемых отработок). — Сигаку дзасси. 1958, № 3, 4.
206. Аоки Кацую. Кэйтё-то ёсэн (Учетные книги, повинности и деньги). — Сёку Нихонги кэнкю (Исследования «Продолжения анналов Японии»). Токио, 1961, № 3.
207. Аоки Кацую. Нара-но минко (Столица в Нара). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1965.
208. Аоки Кацую. Рицурё дзайсэй (Финансы при системе рицурё). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1967.
209. Асака Тосики. Нихон кодай сюкогёси-но кэнкю (Исследование истории ремесла в древней Японии). Токио, 1971.
210. Вакамори Таро. Нихон-но рэкиси (История Японии). Токио, 1965.
211. Ватанабэ Кацую. Адзумаута-то сакимори-но ута-но анда (Песни востока и песни воинов пограничной охраны). — «Кокуго-то кокубунгаку». 1972, № 8.
212. Ватанабэ Сумио. Кидай сёэн-но кисо кодзо (Основная структура вотчин столичного района Кидай). Токио, 1956.
213. Гэндай Нихон-но сэйдай бунка (Политическая культура современной Японии). Токио, 1975.
214. Гэндай моногатари эмэки (Живопись в свитках к «Повести о принце Гэндаи»). — «Бидзюцу кэнкю». Спец. вып. Токио, 1954.
215. Есида Такаси. Коти комин-ни цунтэ (О государственной собственности на землю и людей). — Сёку Нихон кодайси ронсю, Сакамото Таро хакусен коки кинэн (Продолжение сборника статей по истории древней Японии. К 70-летию доктора Сакамото Таро). Т. 2. Токио, 1972.
216. Есида Такаси. Нити, Тан рицурё-ни окурэ дзэцү-но хикаку (Сравнение отработочной повинности в японском и танском законодательствах). — Рэки-сигаку кэнкю. 1962, № 5.
217. Есида Такаси. Рицурё-ни окурэ дзэцү-но китэй-то соно кайсёку (Определение отработочной повинности в японском законодательстве VIII в. и его толко-

- вание). — Сакамото Таро хакусен энрёки кинэн (Сборник статей по истории древней Японии. В честь 60-летия доктора Сакамото Таро). Т. 2. Токио, 1962.
218. Есида Такаси. Хассэйки «рицурё кокка»-но тотти сэйсаку-но нихонтэйки сэйкаку. Котисэй-э-но тэнкай-ни кайсё (Коренной характер аграрной политики «правового государства» в VIII в. К вопросу о развитии государственной собственности на землю). — Сигаку дзасси. 1972, № 10.
219. Есикура Сигэки. Куни-но цукаса сэйдо (Система губернаторов провинций). Токио, 1962.
220. Есино Ютака. Сакимори-но ута-но кисо кодзо (Основная структура песен воинов пограничной охраны). Токио, 1943.
221. Есиэ Акио. Тэнканки-то ситэ-но инсэйки (Период монастырского правления как период перемен). — Нихонси-о манабу. 2. Тюсэй (Изучение истории Японии). Т. 2. Средние века). Токио, 1975.
222. Идзумитани Ясую. Дзурё кокусё-но нинтё кокусё (Фактические и номинальные губернские чиновники). — Нихон рэкиси. 1974, № 9.
223. Идзумитани Ясую. Кодэн-ни цунтэ (Об общественных землях). Сири. 1960, № 4.
224. Идзумитани Ясую. Нинтё кокусё-ни цунтэ (О номинальных губернских чиновниках). Кодай бунка. 1974, № 5.
225. Имаи Ринтаро. Нихон сёэнсэйрон (Вотчинная система в Японии). Токио, 1939.
226. Икэми Хадзимэ. Дзёдай-но тотти сэйдо (Земельная система в ранний период). Токио, 1957.
227. Инаэки Ясучико. Сёэн мёэн-но кодзо (Структура ранних именных полей). — Тюсэй-но сёкай-то кэйдэй (Общество и хозяйство в средние века). Токио, 1962.
228. Инаэки Ясучико. Сёэн кайхацу-но ато-о сагору. Яматоко ку Икэдасё (Исследование следов развития вотчин. Вотчина Икэда провинции Ямато). — Сёэн-но сёкай (Мир вотчин). Токио, 1973.
229. Иноуэ Каору. Нара-тё бункёси-но кэнкю (Исследование истории буддизма в период Нара). Токио, 1966.
230. Иноуэ Мицусадэ. Гуидзё сэйдо-но сэйрицу тэндай-ни цунтэ (О времени становления системы начальников уездов). — Кодайгаку. 1952, № 2.
231. Иноуэ Мицусадэ. Куни-но мияцукосэй-но сэйрицу (Становление системы куни-но мияцукэ). — Сигаку дзасси. 1951, № 11.
232. Иноуэ Мицусадэ. Нихон дзёдокё сэйрицуси-но кэнкю (Исследования истории становления веры в буддийский рай в Японии). Токио, 1956.
233. Иноуэ Мицусадэ. Нихон кодай кокка-но кэнкю (Исследование древнеяпонского государства). Токио, 1965.
234. Иноуэ Мицусадэ. Синва-кара рэкиси-э (От мифов к истории). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 1. Токио, 1965.
235. Иноуэ Мицусадэ. Тайка кайсин (Реформы Тайка). Токио, 1954.
236. Иноуэ Мицусадэ. Тэйки-кара мита Канкураги-си (Род Канкураги с точки зрения императорских анналов). — Кодзика тайсэй (Составление «Хроник древних событий»). Токио, 1956.
237. Иноуэ Мицусадэ. Футатаби Тайка кайсинсё-но симбёсэй-ни цунтэ (Еще раз о подлинности эдикта о реформах Тайка). — Рэкиси тири. 1952, № 2.
238. Иноуэ Тацуо. Миякэсэй-но сэйдзисэйки иги дзёсёцу (Предисловие к историко-политическому значению системы миякэ). — Рэкисигаку кэнкю. 1959, № 4.
239. Исигами Эйити. Каннухи-ни цунтэ (О рабах правительственных учреждений). — Сигаку дзасси. 1971, № 10.
240. Исида Сигэсаку. Тодайдзи-то кокубундзи (Тодайдзи и провинциальные буддийские храмы). Токио, 1959.
241. Иси Сусуму. Инсэй дзидай (Период монастырского правления). — Кодза Нихонси. 2. Хокэн сёкай-но сэйрицу (Курс истории Японии. Т. 2. Становление феодального общества). Токио, 1970.
242. Исимода Сё. Кодай маки-но сэйдэн катэй оёби сэйдэн кэйтай (Политический процесс и формы правления в конце древнего периода). — Сёкан косэйси тайкэй (Серия истории общественных структур). Вып. 6—7. Токио, 1950.
243. Исимода Сё. Нихон-но кодай кокка (Древнеяпонское государство). Токио, 1971.

244. *Исимода Сё*. Тайра-но Тадацуна-но ран-ни цунтэ (О мятеже Тайра-но Тадацуна). — Кодай макки сэйдзиси дзёсэцу (Введение в политическую историю конца древнего периода). Т. 1. Токио, 1956.
245. *Исио Есихиса*. Нихон кодайхоси (История права древней Японии). Токио, 1964.
246. *Исогоши Масайе*. Унэмэ сэйдо-но итикэнкио (Исследование системы унэмэ). — Сигаку дзэссэн. 1958, № 6.
247. *Итида Хироаки*. Хэйан коки-но сёэн сэйрирё. Дзэнкокурё-но ханпу кэйки-о тосин-ни (Указы об упорядоченности вотчин во второй половине хэйанского периода. Об обстоятельствах издания указов, касающихся всех провинций). — Сигаку кэнкио. 1981, № 9.
248. *Ито Санэтэцу*. Хэйан дзёдоке сэнкёси-но кэнкио (Исследование истории веры в буддийский рай в Хэйан). Токио, 1974.
249. *Ийнага Тайдзо*. Мантё дзидай-но кидзоку (Центральная знать периода «Мантёсю»). — Мантёсю тайсэй (Завершение «Мантёсю»). Вып. 5. Токио, 1954.
250. *Ийнага Тайдзо*. Нара дзидай-но кидзоку-то номин (Аристократия и крестьянство периода Нара). Токио, 1956.
251. *Ийнага Тайдзо*. Нихон кодай сёкай кэйдайси-но кэнкио (Исследования по социально-экономической истории древней Японии). Токио, 1980.
252. *Ийнага Тайдзо*. Рицурёсэйтэки тоти сёю (Землеуладение при системе рицурё). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1967.
253. *Кавагути Хисао*. Моногатариз-то моногатару бунгаку. Этоки-но тэнкай (Повести в живописи и повести в литературе. Развитие живописи с пояснительным текстом). — Бунгаку. 1974, № 3, 5.
254. *Кавагути Хисао*. Хэйантё-но камбунгаку (Литература на древнекитайском языке в хэйанский период). Токио, 1981.
255. *Кавасаки Ясуюки*. Тэмпе-но бунка (Культура Тэмпе). — Нихон бунка кэнкио (Исследование японской культуры). Т. 3. Токио, 1959.
256. *Кадоваки Тэйдзи*. Иваюру «Нанива сэнто-ни цунтэ» (О так называемом «переносе столицы в Нанива»). — Акамацу Тосихидэ кёдо тайкан кинэн кокусэн ронсю (Сб. статей по национальной истории в память отставки профессора Акамацу Тосихидэ). Токио, 1972.
257. *Кадоваки Тэйдзи*. Иваюру Тайка-но Тогоку «куни-но цукаса»-ни цунтэ (О так называемых куни-то цукаса восточных провинций в годы Тайка). — Нихонси кэнкио. 1973, № 1.
258. *Кадоваки Тэйдзи*. Миякэ-но ситэки тин (Историческое положение миякэ). — Сири. 1953, № 3.
259. *Кадоваки Тэйдзи*. Нихон кодай кёдотай-но кэнкио (Исследование древнеяпонской общины). Токио, 1960.
260. *Кадоваки Тэйдзи*. Унэмэ (Исследование унэмэ). Токио, 1965.
261. *Камэда Такаюки*. Дзинсин-но ран (Мятеж дзинсин). Токио, 1961.
262. *Камэда Такаюки*. Нихон кодай ёсуйси-но кэнкио (Исследование истории иригации в древней Японии). Токио, 1973.
263. *Камэи Сёитиро*. Хэйдзэй-но мия (Дворец в Хэйдзэй). Токио, 1963.
264. *Канада Акихиро*. Нара, Хэйан-тё-но сонраку кэйтай-ни цунтэ (О типах деревни в периоды Нара и Хэйан). — Сири. 1971, № 3.
265. *Канно Сэйити*. Нихон кодай каннухион (Рабы правительственных учреждений в древней Японии). — Кодайгаку. 1971, № 1.
266. *Касаи Масатаки*. Ситсан энги эмэки-но кэнкио (Исследование живописи в свитках «Легенда горы Сиги»). Токио, 1971.
267. *Катано Тацуро*. Хэйанки бёбука-но сётё (Расцвет и упадок японских стихов на ширмах в хэйанский период). — Тохоку дайгаку кёбё киё (Ученые записки педагогического факультета университета Тохоку). Вып. 19. 1974.
268. *Кидо Кидэки*. Нихон кодай дзиммин тососи кэнкио-но гэндзё-то кадай. Хати, кюэяки-о тосин-то сурё бёацутэки ното (Состояние и задачи исследований истории народной борьбы в древней Японии. Предварительные заметки о VIII—IX вв.). — Рэкиси хёрон, 1983, № 11.
269. *Киси Тосио*. Вани-си-ни кансуру кисотэки косацу (Исследование основ рода Вани). — Рицурё кока-но киси кодо (Основная структура правового государства). Токио, 1960.

270. *Киси Тосио*. Нихон кодай сэкитё-но кэнкио (Исследование книг подворных переписей и учетных книг древней Японии). Токио, 1973.
271. *Киси Тосио*. Рицурё тайсэйка-но кодоку-то номин (Местная знать и крестьянство при системе рицурё). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1967.
272. *Кисимото Фумиаки*. Хэйанкё тиси (Топографическое описание Хэйан). Токио, 1974.
273. *Китаяма Сигэо*. Дзинсин-но ран (Мятеж дзинсин). — Нихон кодай сэйдзиси-но кэнкио (Исследование политической истории древней Японии). Токио, 1959.
274. *Китаяма Сигэо*. Дзинсин-но ран дзэнго (До и после мятежа дзинсин). — Мантё-но сэйки (Век «Мантёсю»). Токио, 1953.
275. *Китаяма Сигэо*. Дзито тэннорон (Императрица Дзито). — Нихон кодай сэйдзиси-но кэнкио (Исследование политической истории древней Японии). Токио, 1959.
276. *Китаяма Сигэо*. Мантё-ни окэру Кёун-но сёмондай (Проблемы годов Кёун в «Мантёсю»). — Мантё-но сэйки (Век «Мантёсю»). Токио, 1953.
277. *Китаяма Сигэо*. Мантё-но дзидай (Период «Мантёсю»). Токио, 1956.
278. *Китаяма Сигэо*. Мантё-но сэйки (Век «Мантёсю»). Токио, 1953.
279. *Китаяма Сигэо*. Сэкан сэйдзи (Регентское правление). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
280. *Китаяма Сигэо*. Тайка-но кэйсин (Реформы Тайка). Токио, 1961.
281. *Китаяма Сигэо*. Тэмпе бунка (Культура Тэмпе). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1967.
282. *Китаяма Сигэо*. Хандэн номин-о мэгуру сёмондай (Проблемы наделного крестьянства). — Мантё-о содзотэки сэйсин (Творческий дух «Мантёсю»). Токио, 1960.
283. *Китаяма Сигэо*. Хэйанкё (Столица Хэйан). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1965.
284. *Кобалси Таитиро*. Яматэ сирон (История живописи яматэ). Токио, 1946.
285. *Кодэй-но Нихон* (Древняя Япония). Т. 1. Ёсэцу (Общая характеристика). Т. 2. Фудо-то сэйкацу (Окружающая среда и жизнь). Под ред. Такэути Ридзо. Токио, 1971.
286. *Кониси Дзингити*. Кукай-но сибун (Поэзия монаха Кукай). — Кокуго-то кокубунгаку. 1973, № 10.
287. *Кояма Ясунори*. Сёэн кэйсэйки-но рёсю-то номин. Игакоку Куродасё (Землеуладельцы и крестьяне в период формирования вотчин. Вотчина Курода провинции Ига). — Сёэн-но сёкай (Мир вотчин). Под ред. Инагаки Ясуюки. Токио, 1973.
288. *Куно Такэси*. Кодай тёкокурон (Древняя скульптура). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 3. Токио, 1967.
289. *Куно Такэси*. Тохоку кодай тёкокуси-но кэнкио (Исследования по истории древней скульптуры района Тохоку). Токио, 1971.
290. *Куно Такэси*. Хэйан сёэн тёкокуси-но кэнкио (Исследование истории скульптуры в начале хэйанского периода). Токио, 1974.
291. *Курата Ясuo*. Кодай кока-то дзингурё-но тэнкай (Древнее государство и развитие владений синтоистских храмов). Токио, 1973.
292. *Куроода Тосио*. Рэкисигаку-но сэйсэй-то хаттэн (Возрождение и развитие исторической науки). — Дзиммин-но рэкисигаку. 1981, № 9.
293. *Куроода Тосио*. Сёэнсэй-но кихонтэки сэйкаку-то рёсюсэй (Основной характер вотчинной системы и система землеуладельцев). — Тосэй сёкай-но кихон кодо (Основная структура средневекового общества). Токио, 1958.
294. *Куроода Хидэо*. Сирё-то ситэ-но эмакимоно-то тосэй мибунсэй (Эмакимоно как исторический источник и словесная система средневековья). — Рэкиси хёрон. 1982, № 2.
295. *Кусида Есихиро*. Сингонсю миккё сэйрицу катэй-но кэнкио (Исследование процесса становления учения секты Сингонсю). Токио, 1964.
296. *Маки Митио*. Тоба инсэйки-ни окэру сёэн сэйри (Упорядочение вотчин в период монастырского правления Тоба). — Нихон рэкиси. 1982, № 6.
297. *Маруяма Юкихико*. Дзисэйки-ни окэру сёэн-но кэйсэй-то тэнкай. Тодайдзи Итахэносома-о тосин-ни (Становление и развитие вотчин в X в. О владениях храма Тодайдзи в Итахэносома). — Сири. 1973, № 6.

298. *Матида Коити*. Нихон кодай тэкокуси гайсэцу (Очерк истории древней японской скульптуры). Токио, 1974.
299. *Мацубара Сабуро*. Тэмпубуцу-то тангёсикки (Буддийская скульптура Тэмпё в танский стиль). — Кокка. Токио, 1974, № 967, 969.
300. *Мацубара Сигэру*. Эмаки-ни окурэ 3-то сисё-то (Живопись и текст в эмакимоно). — Museum. 1974, № 11.
301. *Мацумото Синхатиро*. Кодай. Тосэй (Древность. Средние века). — Нихон рэкиси кодза (Курс истории Японии). Токио, 1956.
302. *Мацуока Хисато*. Хякусёмё-но сэйрицу-то соно сэйкаку (Образование крестьянских именных полей и их характер). — Нихон хокэн сэйрицу-но кэнкю (Исследования становления феодального строя в Японии). Под ред. Такэути Ридзо. Токио, 1955.
303. *Миягава Мицую*. Сацума Яно-но сё (Вотчина Яно в провинции Сацума). — Сэйи сонраку-но кодзо (Структура деревни при вотчинной системе). Токио, 1955.
304. *Миямото Тасуку*. Рисэй-но сэйрицу-ни цунтэ (О становлении системы деревень). — Нихон рэкиси. 1953, № 58.
305. *Миямото Тасуку*. Рицурёсэй сонраку сикай-но кодзо-ни кансуру сёмондай (Проблемы структуры деревенского общества при системе рицурё). — Нихон кодайси ронсю. Сакамото Таро хакуси эрэкки кинэн (Сборник статей по истории древней Японии. В честь 60-летия доктора Сакамото Таро). Т. 2. Токио, 1962.
306. *Миямото Тасуку*. Рицурёсэйтэки тоти сэйдо-но хэнсёцу, хакай-то ситэки тоти сёсёй-но хаттацу (Изменение и упадок государственной собственности на землю и развитие частного земледелия). — Тотти сэйдоси (История аграрного строя). Т. 1. Токио, 1973.
307. *Мияхара Такэо*. Нихон кодай-но дзиммин тосо, канно сэйсаку, сюкё идзороги (Народная борьба, политика поощрения земледелия и религиозная идеология в древней Японии). — Сэкайси нинсикки-то дзиммин тососи кэнкю-но кодай (Познание всемирной истории и задачи исследования народной борьбы). — Рэкисигаку кэнкю. 1971, спец. вып.
308. *Мияхара Такэо*. Нихон кодай-но кокка-то номин (Государство и крестьяне в древней Японии). Токио, 1973.
309. *Моно Хироюки*. Дзёдай-ни окурэ кокугакусэй (Система провинциальных школ в ранний период). — Дзёдай гакусэй-но кэнкю (Исследование системы образования в ранний период). Токио, 1947.
310. *Мураи Ясучико*. Отё-но кидзоку (Аристократия императорского периода). Токио, 1974.
311. *Мураи Ясучико*. Сёэнсэй-но хаттэй-то кодзо (Развитие и структура вотчинной системы). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
312. *Мурао Дзиро*. Рицурё дзайсэйси-но кэнкю (Исследование истории финансов при системе рицурё). Токио, 1957.
313. *Муранума Сюити*. Хэйанкё (Столица Хэйан). Токио, 1957.
314. *Мэдзакэ Токуэ*. Ки-но Цураюки (Биография Ки-но Цураюки). Токио, 1961.
315. *Мэдзакэ Токуэ*. Отё-но юки (Снег императорского периода). — Яманака рэкиси ронсю (Сборник статей по истории. Университет Яманака). Яманака, 1981.
316. *Нагасима Фукутаро*. Нара. Токио, 1963.
317. *Нагахара Кэйдзи*. Нихон хокэнсэй сэйрицу катэй-но кэнкю (Исследование процесса становления феодального строя в Японии). Токио, 1961.
318. *Нагахара Кэйдзи*. Тосэй найранки-но сикай-то минсю (Общество и народные массы в период средневековых мятежей). Токио, 1977.
319. *Наката Каору*. Рицурё дзидай-но тотти сюкээн (Право частной собственности на землю в период рицурё). — Наката Каору. Хосэйси ронсю (Сборник работ по истории права). Т. 2. Токио, 1938.
320. *Наката Каору*. Хосэйси ронсю (Сборник работ по истории права). Т. 1. Токио, 1926. Т. 2. Токио, 1938.
321. *Накаяма Таро*. Мангёсю-но миндзокугакутэки кэнкю (Этнологическое исследование «Мангёсю»). Токио, 1962.
322. *Наоки Кодзиро*. Бэминсэй-но иккосуцу (К вопросу о системе бэмин). —

- Нихон кодай кокка-но кодзо (Структура древнеяпонского государства). Токио, 1958.
323. *Наоки Кодзиро*. Дзинсин-но ран (Мятеж дзинсин). Токио, 1961.
324. *Наоки Кодзиро*. Дзито тэнно (Императрица Дзито). Токио, 1960.
325. *Наоки Кодзиро*. Кодай кокка-но сэйрицу (Становление древнего государства). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 2. Токио, 1965.
326. *Наора Синобу*. Кодайнини-но сэйкану (Жизнь древних людей). Токио, 1963.
327. *Наора Синобу*. Нихон кодай ногё хаттацуси (История развития земледелия в древней Японии). Токио, 1956.
328. *Нарига Есинари*. «Тююки»-ни окурэ «кундай»-но ими-ни цунтэ (О смысле «нового времени» в «Тююки»). — Кодай бунка. 1981, № 5.
329. *Нисибэппу Мотоаки*. Наратё дзэмпан-но кондэнхо-ни цунтэ (К вопросу о законе об освоении целины в первой половине периода Нара). — Нихонси кэнкю. 1981, № 11.
330. *Нисида Наодзиро*. Нихон бункаси дзёсэцу (Введение в историю японской культуры). Токио, 1932.
331. *Нисида Наодзиро*. Кёто сисэки-но кэнкю (Исследование исторических остатков в Кёто). Токио, 1961.
332. *Нисино Хисадзи*. Кукай ([Биография монаха] Кукай). Токио, 1963.
333. *Нисиока Тораносукэ*. Минсю сэйкацуси-но кэнкю (Исследование истории жизни народных масс). Токио, 1948.
334. *Нисиока Тораносукэ*. Сёэнси-но кэнкю (Исследования по истории вотчин). Т. 1. Токио, 1953. Т. 2, кн. 1—2. Токио, 1956.
335. *Нисиока Тораносукэ*. Сёэнсэй-но хаттацу (Развитие вотчинной системы). — Иванами кодза Нихон рэкиси (История Японии, курс Иванами). Т. 2. Токио, 1934.
336. *Нисиока Тораносукэ*. Тосэй каё-ни араварэта номин-но сэйкацу (Жизнь крестьянства в средневековой поэзии и песнях). — Бунгаку. 1939, № 4.
337. *Нихон-но рэкиси* (История Японии). Т. 1—6. Токио, 1965—1966.
338. *Нихон-но тэкоку* (Японская скульптура). Под ред. Куно Такэси. Токио, 1959.
339. *Нихон рэкиси* (История Японии). Т. 2—4. Токио, 1967.
340. *Нихон рэкиси* три сосэцу. Кодайхэн. (Историческая география Японии. Древний период). Токио, 1975.
341. *Нихонси эмпё* (Хронологические таблицы по истории Японии). Токио, 1966.
342. *Нома Сэйроку*. Асука, Хакухо, Тэмпё-но бидзёцу (Искусство периодов Асука, Хакухо и Тэмпё). Токио, 1958.
343. *Номура Тадао*. Кэнноси Тайка кайсёи (Историография реформ Тайка). Токио, 1973.
344. *Оги Мицую*. Нихон кодай онгакусирон (История древней японской музыки). Токио, 1978.
345. *Окада Масаюки*. Нихон камбунгакусси (История литературы на древнекитайском языке в Японии). Токио, 1954.
346. *Окада Масаюки*. Оми, Нара-тё-но камбунгаку (Литература на древнекитайском языке в периоды Оми и Нара). Токио, 1946.
347. *Окуно Накахико*. Рицурё гундансэй-но хэнсёцу. Хассэйки мацу кюсэйки-но гунсэй-ни цунтэ (Изменение системы военных дружин, установленных рицурё. О военной системе конца VIII—IX вв.). — Минсюси кэнкю. Вып. 12. 1974.
348. *Окуно Накахико*. Хэйан дзидай-но Исэ дзингу-ни цунтэ. Соно кэйдзайтэки сикай-но токутё-то идзорогидзё-но мондай-то-ни цунтэ (О храме Исэ дзингу в хэйанский период. Об особенностях экономического господства и идеологических проблемах). — Минсюси кэнкю. Вып. 11, 1973.
349. *Оно Тацunosукэ*. Дзёдай-но дзёдокё (Вера в буддийский рай в ранний период). Токио, 1972.
350. *Осидэ Еситика*. Тайхо рицурё-но сэйрицу (Становление Тайхо рицурё). — Хистория. 1972, № 60.
351. *Ота Акира*. Нихон дзёдай-ни окурэ сикай сосики-но кэнкю (Исследование социальной организации Японии в ранний период). Токио, 1955.
352. Рицурё кокарон (Государство рицурё). — Симпозиум Нихон рэкиси (Симпозиум по истории Японии). Т. 4. Токио, 1972.
353. *Сава Рюкэн, Тамура Такатэру*. Косан. Осака, 1963.

354. *Сава Такааки*. Нихон-но буцудзо (Буддийские статуи в Японии). Токио, 1963.
355. *Савада Гонти*. Наратэ дэндай-но минсэй кэйдзай-но сутэки кэнкю (Количественное исследование социальной политики и хозяйства периода Нара). Токио, 1927.
356. *Сакамото Таро*. Кодай. 1. (Древний период. Т. 1). — Нихон дзэнси (Полная история Японии). Т. 2. Токио, 1960.
357. *Сакамото Таро*. Нихон кодайси-но кисотэки кэнкю (Исследование основ древней истории Японии). Т. 1—2. Токио, 1964.
358. *Сакамото Таро*. Сугавара-но Мити дзанэ (Биография Сугавара-но Мити дзанэ). Токио, 1962.
359. *Сакамото Таро*. Тайка кайсин-но кэнкю (Исследование реформ Тайка). Токио, 1938.
360. *Сакамото Таро*. Тайка кайсинсё-но симбёсэй-ни цунтэ (О подлинности эдикта о реформах Тайка). — Рэкиси тири. 1952, № 1.
361. *Сато Такэтоси*. Тёан. Кодай Тюгоку-то Нихон (Чаньань. Китай и Япония в древности). Токио, 1974.
362. Сёэн эдзу-но кисотэки кэнкю (Фундаментальное исследование рисунков вотчин). Токио, 1973.
363. Сягисан энги эмаки (Живопись в свитках «Легенды горы Сиги»). — Буккё гэйдоку (Буддийское искусство). Спец. вып. № 27—28. Токио, 1956.
364. *Симада Дзиро*. Хэйдзи сэйкан-но тайсун бокки-но рэкиситэки дзэнтэй-то соно тэнкай (Исторические предпосылки торговли режима Тайра с сунским Китаем и ее развитие). — Рэкиси кэнкю-то кокусайтэки кэйки (Историческое исследование и международное положение). Токио, 1974.
365. *Сонода Кою, Тамура Энтё*. Хэйан буккё (Хэйанский буддизм). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
366. *Сонода Таккаки*. Суйко (Суды). — Рицурё кокка-но кисо кодзо (Структура оснований правового государства). Токио, 1960.
367. *Сугиэма Хироси*. Кодай-но кайдзоку-ни цунтэ (О морском пиратстве в древний период). — Кайдзиси кэнкю. 1971, № 16.
368. *Сэки Акира*. Иваюру синабэ хайси-но сё-ни цунтэ (Об эдикте об отмене синабэ). — Сёку Нихон кодайси ронсю. Сакамото Таро хакусэи коки кинэн (Продолжение сборника статей по истории древней Японии. К 70-летию доктора Сакамото Таро). Т. 1. Токио, 1972.
369. *Сэки Акира*. Тайка кайсин (Реформы Тайка). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 2. Токио, 1967.
370. *Сэки Акира*. Тайка кайсин-то тэнно кэйрёку. (Реформы Тайка и императорская власть). — Рэкисигаку кэнкю. 1959, № 4.
371. *Сэки Акира*. Тайка-но гундзисэй-ни цунтэ (О системе гундзи в годы Тайка). — Нихон кодайси ронсю. Сакамото Таро хакусэи энрэки кинэн (Сборник статей по истории древней Японии. В честь 60-летия доктора Сакамото Таро). Токио, 1962.
372. *Сэки Акира*. Тайка-но кайсин. Кайсин-но микотонори-но симбёсэй-ни цунтэ (Реформы Тайка. О подлинности эдикта о реформах). — Нихонсё-но мондайтэн (Дискуссионные проблемы истории Японии). Токио, 1966.
373. *Сэкигути Хироко*. «Тайка кайсин» хихан-ни ёру рицурёсэй сэйрицу катэй-но сэйкосэй (Пересмотр процесса становления системы рицурё на основе критики «реформ Тайка»). — Нихонсё кэнкю. 1973, № 132—133.
374. *Сэкино Тадасу*. Хэйдзёкё оёби дайдайри ко (Исследование Хэйдзёкё и территории императорского городка). Токио, 1907.
375. *Сэра Тэрусио*. Рэкисигаку хохорон-но сёмондай (Проблемы методологии истории). Токио, 1977.
376. *Тага Мунэхая*. Минамото-но Еримаса ([Биография] Минамото-но Еримаса). Токио, 1973.
377. *Такамурэ Ницү*. Сёсэйкон-но кэнкю (Исследование матрилокального брака). Токио, 1953.
378. *Такасигэ Сусуму*. Кодай тусэй-но кангай-то Кукай-но Манноикэ сютукю (Орошение в древности и средневековье и строительство монахом Кукай озера Манно). — Тиригаку-но сёмондай (Проблемы географической науки). Токио, 1972.

379. *Такахаси Масааки*. Исэ Хэйдзи-но сэйрицу-то тэнкай (Становление и развитие ветви дома Тайра в Исэ). Статья первая. — Нихонсё кэнкю. 1975, № 9.
380. *Такигава Масадаиро*. Рицурё-но кэнкю (Исследование рицурё). Токио, 1931.
381. *Такигава Масадаиро*. Хосэй сидэ-ёри митару Нихон номин-но сэйкацу. Рицурё дэндай (Жизнь японского крестьянства с точки зрения истории права. Период рицурё). Т. 2. Токио, 1927.
382. *Такэути Ридзо*. Буси-но тодзё (Выход на арену самурайства). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 6. Токио, 1966.
383. *Такэути Ридзо*. Дзайтё каннин-но бусика (Превращение местных чиновников в самураев). — Нихон хокэнсэй сэйрицу-но кэнкю (Исследование становления феодального строя в Японии). Токио, 1955.
384. *Такэути Ридзо*. Дзэн-но хокэнка (Феодализация буддийских храмов). — Рицурёсэй-то кидзоку сэйкэн (Система рицурё и аристократический режим). Т. 2. Токио, 1958.
385. *Такэути Ридзо*. Дзирё сёэн-но кэнкю (Исследование вотчин буддийских храмов). Токио, 1942.
386. *Такэути Ридзо*. Инсэй-но сэйрицу (Становление монастырского правления). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
387. *Такэути Ридзо*. Интё сэйкэн-то сёэн (Режим монастыствующих императоров и вотчины). — Рицурёсэй-то кидзоку сэйкэн (Система рицурё и аристократический режим). Т. 2. Токио, 1958.
388. *Такэути Ридзо*. Кодай-кара тусэй-э. Хэйдзи сэйкэн-ко ситэки нти (От древности к средневековью. Историческое место режима Тайра). — Нихон рэкиси. 1963, № 1.
389. *Такэути Ридзо*. Нихон дэдай дзэнн кэйдзайси-но кэнкю (Исследование экономики японских буддийских храмов в ранний период). Токио, 1934.
390. *Такэути Ридзо*. Рицурёсэй-то кидзоку сэйкэн (Система рицурё и аристократический режим). Т. 1. Токио, 1957; Т. 2, 1958.
391. *Такэути Ридзо*. Фудзивара сэйкэн-но кэйдзайтэки кихан (Экономическая база режима Фудзивара). — Рицурёсэй-то кидзоку сэйкэн (Система рицурё и аристократический режим). Т. 2. Токио, 1958.
392. *Такэути Ридзо*. Фудзивара сэйкэн-то сёэн (Режим Фудзивара и вотчины). — Рицурёсэй-то кидзоку сэйкэн (Система рицурё и аристократический режим). Т. 2. Токио, 1958.
393. *Тамура Энтё*. Кукай ([Биография монаха] Кукай). Токио, 1978.
394. *Тамура Энтё*. Нихон буккё сисоси кэнкю. Дзёдохэн (Исследования истории буддийских идей в Японии. Вера в буддийский рай). Токио, 1959.
395. *Танака Тадамаса*. Хэйан дэндай-но дзёдохё (Вера в буддийский рай в хэйанский период). — Буккёсё кэнкю. 1971, № 12.
396. *Тода Есидзанэ*. Тусэй сёки ногё-но нти токусёцу (Об одной особенности земледелия в начале средневековья). — Кокусэи ронсю (Сборник статей по национальной истории). Вып. 1. Киото, 1959.
397. *Тода Хидэнори*. Хэйан дэндай-но табэмоно (Пища в хэйанский период). — Кодай бунка. 1973, № 5.
398. *Тодэда Такэси*. Нихон-но хокэнсэй сёкай (Японское феодальное общество). Токио, 1980.
399. *Тома Сэита*. Нихон сёэнси (История вотчин в Японии). Токио, 1947.
400. *Тожимурэ Такафуми*. Нара Хэйан сёки-ни окэру хэйсэй-но хэнсэн (Изменение военной системы в период Нара и в начале периода Хэйан). — Сисё. 1975, вып. 4.
401. *Торао Тосия*. Нихон кодай тоти хосирон (Проблемы истории аграрного права древней Японии). Токио, 1981.
402. *Торао Тосия*. Хандэн сюдзюко-но кэнкю (Исследование закона о наделении земель). Токио, 1961.
403. *Тосимицу Мицүо*. Рицү-но кэнкю (Исследование уголовного права VIII в.). Токио, 1961.
404. *Тосимицу Мицүо*. Рицурё оёби рёсэй-но кэнкю (Исследование рицурё и системы рё — административного и гражданского права VIII в.). Токио, 1959.
405. *Умэсао Тадао*. Буммэй-но сэйтай сикан (Экологическое понимание истории цивилизации). Токио, 1967.

406. *Утида Гиндзо*. Вага куни тюко-но хандзи сюдзюхо (Закон о наделении земель в нашей стране в средней древности). — Нихон кэйдзайси-но кэнкю (Исследования по экономической истории Японии). Т. 1. Токио, 1921.
407. *Утида Гиндзо*. Нихон кэйдзайси гайё (Очерк экономической истории Японии). — Нихон кэйдзайси-но кэнкю (Исследования по экономической истории Японии). Т. 1. Токио, 1921.
408. *Уэда Масааки*. Гундзисэй тэнкай-но сёкэйтэй (Формы развития системы уездных чиновников). — Сири. 1963, № 2.
409. *Уэда Масааки*. Сётоку тайси (Принц Сётоку). Токио, 1978.
410. *Уэда Масааки*. Тайка кайсинрон (Реформы Тайка). — Нихон кодай кокка сэйрицуси-но кэнкю (Исследование истории становления древнеяпонского государства). Токио, 1959.
411. *Уэма Сюмпэй*. Кукай ([Биография монаха] Кукай). Токио, 1981.
412. *Фудзика Кунихико*. Кодай. 2 (Древний период. Т. 2). — Нихон дзэнси (Полная история Японии). Т. 3. Токио, 1959.
413. *Фудзика Кунихико*. Хэйан дзидай кидзоку-но сэйкацу (Жизнь аристократии в хэйанский период). Токио, 1960.
414. *Фукуда Тоёхико*. Тайра-но Масакадо-но ран (Мятеж Тайра-но Масакадо). Токио, 1981.
415. *Фукума Тосио*. Наратё дзини-но кэнкю (Исследование буддийских храмов периода Нара). Токио, 1948.
416. *Фурута Такэхико*. Кодай-ва кагаянтэ ита (Блестящая древность). Т. 1. Токио, 1984. Т. 2—3. Токио, 1985.
417. *Хамада Такаси*. Мандара-но сёкай. Миккё эга-но тэнкай (Мир мандала. Развитие живописи Сингонсю). Токио, 1971.
418. *Ханэда Минору*. Сандзэ иссинхо-ни цунтэ (О законе «три поколения и одна жизнь»). — Хистория. 1961, № 6.
419. *Хара Кацуро*. Нихон тосэйси (История Японии в средние века). Токио, 1969.
420. *Хара Кацуро*. Нихон тосэйси-но кэнкю (Исследование истории Японии в средние века). Токио, 1929; 1978.
421. *Харадзима Рёйдзи*. Мазукими сёрон обозэки (Заметки о мазукими). — Рэкиси хёрон. 1960, № 1.
422. *Харадзима Рёйдзи*. «Нихон сёки»-но мякё сэтти кидзи (Записи о введении мякё в «Нихон сёки»). — Кодай бунка. 1974, № 1.
423. *Харахидэ Сабуро*. Хати, кюсэйки-ни окэру номин-но доко (Тенденции крестьянства в VIII—IX вв.). — Нихонсэ кэнкю. 1963, № 3.
424. *Хасимото Есихико*. Инсэйрон (Монастырское правление). — Нихон рэкиси. — 1975, № 8.
425. *Хаттори Тосиёси*. Хэйан дзидай игаку-но кэнкю (Исследование медицины хэйанского периода). Токио, 1955.
426. *Хаяси Тэцусабуро*. Инсэй сэйкэн-то бусидан (Режим монастырского правления и самурайские дружины). — Кодай кокка-но кайтай (Распад древнего государства). Токио, 1955.
427. *Хаяси Тэцусабуро*. Хэйанкё-ни окэру дзурё-но сэйкацу (Жизнь фактических губернаторов провинций в хэйанский период). — Кодай кокка-но кайтай (Распад древнего государства). Токио, 1955.
428. *Хирано Куню*. Тайка дзидай-но сёкай кодзё (Социальная структура до Тайка). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 2. Токио, 1967.
429. *Хирако Куню*. Хата-си-но кэнкю (Исследование рода Хата). — Сигаку дзасси. 1961, № 3—4.
430. *Хондзё Эйджиро*. Нихон сёкай кэйдзайси (Социально-экономическая история Японии). Токио, 1928.
431. *Хори Итиро*. Коя ([Биография монаха] Коя). Токио, 1963.
432. *Хориуги Хидзакэ*. Хэйан сёки-но дайгакурё. Мондзёдо-о тосин-ни (Университет в начале хэйанского периода. О филологическом курсе). — Кокуго-то кокубунгаку. 1973, № 10.
433. *Хосино Рёсаку*. Кэнкюси дзинсин-но ран (Историография мятежа дзинсин). Токио, 1973.
434. Хэйан дзидай-но рэкиси-то бунгаку. Рэкисинхэн (История и литература хэйанского периода. История). Под ред. Яманака Ютака. Токио, 1981.
435. *Цуда Нобукацу*. Хэйан тюки-ни окэру номин тосё. Игакоку Курода-сё-но

- «Тэнги дзикэн»-о мэгуттэ (Борьба крестьян в середине хэйанского периода. О «событиях годов Тэнги» в вотчине Курода провинции Ига). — Нихонсэ кэнкю. 1972, № 125.
436. *Цуда Сокичи*. Бунгаку-ни араварэтару вага кокумин сисо-но кэнкю. Кидзоку бунгаку-но дзидай (Исследование проявлений идей нашего народа в литературе. Период аристократической литературы). Токио, 1916.
437. *Цуда Сокичи*. Дзедай-но бэ-но кэнкю (Исследование бэ в ранний период). — Нихон дзедайси-но кэнкю (Исследование ранней истории Японии). Токио, 1973.
438. *Цуда Сокичи*. Кодзика обби Нихон сёки-но синкэнкю (Новое исследование «Кодзика» и «Нихон сёки»). Токио, 1919.
439. *Цуда Сокичи*. Нихон дзедайси-но кэнкю (Исследование ранней истории Японии). Токио, 1973.
440. *Цуда Сокичи*. Нихон котэн-но кэнкю (Исследование японских древностей). Т. 1. Токио, 1948. Т. 2, 1950.
441. *Цуда Сокичи*. Тайка кайсин-но кэнкю (Исследование реформ Тайка). — Нихон дзедайси-но кэнкю (Исследование ранней истории Японии). Токио, 1973.
442. *Цудзи Дзэнносукэ*. Нихон буккёси (История буддизма в Японии). Т. 1. Токио, 1944.
443. *Цумура Тэйдзо*. Нихон дзедоке-но кэнкю (Исследование веры в буддийский рай в Японии). Токио, 1980.
444. *Цугида Наосигэ*. О-тё-но кидзоку (Столичная знать императорского периода). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 5. Токио, 1965.
445. *Яги Мицуро*. Кодай Нихон-но мякё (Столицы древней Японии). Токио, 1974.
446. *Ямада Сёко*. Курода хонсё-но сэйрицу (Возникновение основной части вотчины Курода). — Нихонсэ ронсо (Сборник статей по истории Японии). Вып. 9. Токио, 1981.
447. *Яманака Ютака*. Сэй сёнагон-но сэйтан (Жизнь Сэй сёнагон). — Кодай бунка. 1975, № 5.
448. *Яманака Ютака*. Хэйан дзимбуцуси (Хроника деятелей хэйанской эпохи). Токио, 1974.
449. *Яманака Ютака*. Хэйантё бунгаку-го ситэки кэнкю (Историческое исследование художественной литературы хэйанского периода). Токио, 1981.
450. *Яманака Ютака*. Хэйантё-но энто гёдзи (Ежегодные церемонии в хэйанский период). Токио, 1972.
451. *Ясуда Мотохиса*. Бусидан (Самурайские дружины). Токио, 1964.
452. *Ясуда Мотохиса*. Бусидан-но кэйсэй (Формирование самурайских дружин). — Нихон рэкиси (История Японии). Т. 4. Токио, 1967.
453. *Ясуда Мотохиса*. Буси сёкай-но дзёмаку (Пролог к миру самураев). Токио, 1973.
454. *Ясуда Мотохиса*. Инсэй-то Хэйдзи (Монастырское правление и дом Тайра). — Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 7. Токио, 1974.
455. *Ясуда Мотохиса*. Кодай макки-ни окэру Канто бусидан (Самурайские дружины Канто в конце древнего периода). — Нихон хокэнсэй сэйрицу-но сёдзэнтэй (Предпосылки становления феодального строя в Японии). Токио, 1960.
456. *Ясуда Мотохиса*. Нихон сёзиси гайсацу (Введение в историю японских вотчин). Токио, 1957.
457. *Ясуда Мотохиса*. Тосэй. 1. (Средние века. Т. 1.) — Нихон дзэнси (Полная история Японии). Т. 4. Токио, 1958.

На западноевропейских языках

458. An Introduction to Japanese Civilization. N. Y.—L., 1974.
459. Duus P. Feudalism in Japan. 2 ed. N. Y., 1976.
460. Eliseff D., Eliseff V. La civilisation japonaise. P., 1974.
461. Hall J. W. Feudalism in Japan. A Reassessment. — Comparative Studies in Society and History. Vol. 5, № 1. The Hague, 1962.
462. Hall J. W. Government and Local Power in Japan, 500 to 1700. — Princeton, N. Y., 1980.

463. *Historians of China and Japan*. L., 1961.
464. *Hurst G. C. Insei. Abdicated Sovereigns in the Politics of late Heian Japan. 1086—1185*. N. Y.—L., 1976.
465. *Mass J. P. The Kamakura Bakufu. A Study in Documents*. Stanford (Calif.), 1976.
466. *Mass J. P. Warrior Government in early Medieval Japan. A Study of the Kamakura bakufu, shugo and jito*. New Haven—L., 1974.
467. *McCullough W. H. Japanese Marriage Institutions in the Heian Period*. — HJAS, vol. 27, 1967.
468. *Medieval Japan. Essays in institutional History*. — New Haven—L., 1974.
469. *Reischauer E. O. Japan. Past and Present*. Tokyo, 1964.
470. *Sansom G. B. Japan. A Short Cultural History*. L., 1976.
471. *Walker R. L. Ancient Japan and its Influence in Modern Times*. N. Y., 1975.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	— Вопросы истории. М.
ВФ	— Вопросы философии. М.
ИСССР	— История СССР. М.
НАА	— Народы Азии и Африки. М.
СМ	— Советская музыка. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
ФН	— Философские науки. М.
HJAS	— Harvard Journal of Asiatic Studies

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЯ ДАТ
НАЧАЛА ГОДА ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ
И ЯПОНСКОМУ (КИТАЙСКОМУ)
КАЛЕНДАРЮ
(601—1180 гг.) [341, с. 315—320]

В левой колонке указан год по европейскому календарю, в правой — соответствующий ему день и месяц начала года по китайскому лунно-солнечному календарю, т. е. 1-й день 1-го месяца приходился в Китае и Японии на 11 февраля 601 г., 1 февраля 602 г., 19 февраля 603 г. и т. д. Расхождения составляют до двух месяцев. Обычный год состоял в Китае и Японии из двенадцати месяцев, большой месяц — из 30 дней, малый — из 29. Високосный год (они выделены в таблице) повторялся один раз в два или три года и удлинялся на один (високосный) месяц из 29 или 30 дней. Таблица доведена до 1180 г., которым заканчивается изложение событий в последней главе данных очерков.

601	11.02	640	1.02	679	19.02	718	9.02	757	29.01
602	1.02	641	19.02	680	9.02	719	29.01	758	17.02
603	19.02	642	8.02	681	28.01	720	17.02	759	6.02
604	9.02	643	29.01	682	16.02	721	5.02	760	27.01
605	28.01	644	16.02	683	5.02	722	26.01	761	14.02
606	16.02	645	5.02	684	26.01	723	14.02	762	2.02
607	5.02	646	25.01	685	12.02	724	4.02	763	21.02
608	26.01	647	13.02	686	2.02	725	23.01	764	11.02
609	13.02	648	2.02	687	21.02	726	11.02	765	30.01
610	2.02	649	20.02	688	10.02	727	31.01	766	18.02
611	21.02	650	10.02	689	29.01	728	19.02	767	8.02
612	10.02	651	30.01	690	17.02	729	7.02	768	28.01
613	30.01	652	18.02	691	7.02	730	27.01	769	15.02
614	18.02	653	6.02	692	27.01	731	15.02	770	4.02
615	7.02	654	27.01	693	14.02	732	5.02	771	25.01
616	2.01	655	15.02	694	3.02	733	25.01	772	12.02
617	14.02	656	4.02	695	24.01	734	12.02	773	1.02
618	4.02	657	23.01	696	12.02	735	2.02	774	20.02
619	24.01	658	11.02	697	31.01	736	20.02	775	9.02
620	12.02	659	1.02	698	19.02	737	8.02	776	30.01
621	31.01	660	19.02	699	9.02	738	29.01	777	17.02
622	19.02	661	8.02	700	29.01	739	17.02	778	6.02
623	8.02	662	28.01	701	17.02	740	6.02	779	26.01
624	29.01	663	16.02	702	6.02	741	26.01	780	15.02
625	16.02	664	5.02	703	26.01	742	14.02	781	3.02
626	5.02	665	25.01	704	14.02	743	3.02	782	22.01
627	25.01	666	13.02	705	3.02	744	24.01	783	10.01
628	13.02	667	2.02	706	23.01	745	10.02	784	31.01
629	2.02	668	21.02	707	11.02	746	30.01	785	18.02
630	21.02	669	9.02	708	1.02	747	18.02	786	8.02
631	10.02	670	30.01	709	18.02	748	8.02	787	27.01
632	30.01	671	18.02	710	7.02	749	27.01	788	16.02
633	17.02	672	7.02	711	27.01	750	15.02	789	4.02
634	7.02	673	26.01	712	15.02	751	5.02	790	24.01
635	27.01	674	14.02	713	4.02	752	25.01	791	12.02
636	15.02	675	4.02	714	25.01	753	12.02	792	1.02
637	3.02	676	24.01	715	13.02	754	1.02	793	19.02
638	24.01	677	11.02	716	2.02	755	20.02	794	9.02
639	12.02	678	31.01	717	20.02	756	9.02	795	30.01

796	18.02	857	3.02	918	19.02	979	5.02	1040	22.02
797	6.02	858	23.01	919	9.02	980	26.01	1041	10.02
798	26.01	859	11.02	920	29.01	981	13.02	1042	31.01
799	13.02	860	31.01	921	16.02	982	1.02	1043	19.02
800	3.02	861	18.02	922	5.02	983	21.02	1044	8.02
801	22.01	862	7.02	923	25.01	984	10.02	1045	27.01
802	10.02	863	27.01	924	13.02	985	29.01	1046	15.02
803	31.01	864	15.02	925	1.02	986	17.02	1047	4.02
804	19.02	865	4.02	926	20.02	987	6.02	1048	24.01
805	7.02	866	25.01	927	10.02	988	27.01	1049	11.02
806	28.01	867	13.02	928	31.01	989	14.02	1050	1.02
807	16.02	868	2.02	929	18.02	990	4.02	1051	20.02
808	4.02	869	19.02	930	7.02	991	24.01	1052	10.02
809	24.01	870	9.02	931	27.01	992	12.02	1053	29.01
810	12.02	871	29.01	932	14.02	993	31.01	1054	17.02
811	1.02	872	17.02	933	3.02	994	18.02	1055	6.02
812	20.02	873	6.02	934	23.01	995	8.02	1056	26.01
813	9.02	874	27.01	935	11.02	996	28.01	1057	13.02
814	29.01	875	14.02	936	1.02	997	15.02	1058	2.02
815	17.02	876	3.02	937	19.02	998	5.02	1059	21.02
816	6.02	877	22.01	938	8.02	999	25.01	1060	11.02
817	15.01	878	10.02	939	28.01	1000	13.02	1061	30.01
818	13.02	879	30.01	940	16.02	1001	4.02	1062	18.02
819	3.02	880	18.02	941	4.02	1002	21.02	1063	7.02
820	23.01	881	7.02	942	25.01	1003	10.02	1064	27.01
821	10.02	882	27.01	943	13.02	1004	31.01	1065	14.02
822	31.01	883	15.02	944	2.02	1005	18.02	1066	4.02
823	19.02	884	5.02	945	20.02	1006	7.02	1067	24.01
824	8.02	885	24.01	946	10.02	1007	28.01	1068	12.02
825	27.01	886	12.02	947	30.01	1008	16.01	1069	1.02
826	14.01	887	1.02	948	18.02	1009	4.02	1070	20.02
827	4.02	888	20.02	949	6.02	1010	24.01	1071	9.02
828	24.01	889	8.02	950	26.01	1011	12.02	1072	29.01
829	12.02	890	29.01	951	14.02	1012	1.02	1073	16.02
830	1.02	891	17.02	952	4.02	1013	19.02	1074	5.02
831	20.02	892	6.02	953	23.01	1014	9.02	1075	26.01
832	10.02	893	26.01	954	11.02	1015	29.01	1076	14.01
833	29.01	894	14.02	955	1.02	1016	17.01	1077	2.02
834	16.02	895	3.02	956	20.02	1017	6.02	1078	21.02
835	6.02	896	23.01	957	8.02	1018	26.01	1079	11.02
836	26.01	897	10.02	958	28.01	1019	14.02	1080	31.01
837	13.02	898	30.01	959	16.02	1020	2.02	1081	18.02
838	3.02	899	18.02	960	5.02	1021	21.02	1082	7.02
839	23.01	900	8.02	961	25.01	1022	10.02	1083	27.01
840	11.02	901	28.01	962	13.02	1023	31.01	1084	15.02
841	30.01	902	16.02	963	2.02	1024	19.02	1085	4.02
842	18.02	903	6.02	964	21.02	1025	7.02	1086	24.01
843	7.02	904	26.01	965	10.02	1026	28.01	1087	12.02
844	27.01	905	12.02	966	30.01	1027	16.02	1088	2.02
845	14.02	906	2.02	967	17.02	1028	5.02	1089	20.02
846	4.02	907	20.02	968	7.02	1029	24.01	1090	9.02
847	25.01	908	10.02	969	26.01	1030	11.02	1091	29.01
848	13.02	909	30.01	970	14.02	1031	1.02	1092	16.02
849	1.02	910	18.02	971	4.02	1032	20.02	1093	5.02
850	20.02	911	7.02	972	24.01	1033	9.02	1094	25.01
851	9.02	912	27.01	973	11.02	1034	29.01	1095	14.02
852	29.01	913	14.02	974	31.01	1035	17.02	1096	3.02
853	16.02	914	3.02	975	19.02	1036	6.02	1097	22.01
854	5.02	915	23.01	976	8.02	1037	25.01	1098	10.02
855	27.01	916	11.02	977	27.01	1038	13.02	1099	30.01
856	14.02	917	31.01	978	15.02	1039	2.02	1100	18.02

1101	7.02	1117	11.02	1133	14.02	1149	17.02	1165	20.02
1102	28.01	1118	31.01	1134	3.02	1150	7.02	1166	10.02
1103	16.02	1119	19.02	1135	22.02	1151	27.01	1167	30.01
1104	6.02	1120	8.02	1136	11.02	1152	15.02	1168	18.02
1105	25.01	1121	28.01	1137	30.01	1153	3.02	1169	6.02
1106	13.02	1122	16.02	1138	18.02	1154	21.02	1170	26.01
1107	2.02	1123	5.02	1139	8.02	1155	11.02	1171	14.02
1108	21.02	1124	26.01	1140	29.01	1156	31.01	1172	3.02
1109	9.02	1125	12.02	1141	16.02	1157	19.02	1173	21.02
1110	29.01	1126	1.02	1142	5.02	1158	8.02	1174	11.02
1111	17.02	1127	20.02	1143	25.01	1159	28.01	1175	31.01
1112	7.02	1128	10.02	1144	13.02	1160	16.02	1176	19.02
1113	27.01	1129	29.01	1145	1.02	1161	4.02	1177	8.02
1114	15.02	1130	17.02	1146	20.02	1162	24.01	1178	28.01
1115	4.02	1131	7.02	1147	9.02	1163	12.02	1179	16.02
1116	24.01	1132	27.01	1148	30.01	1164	1.02	1180	5.02

Абэ 148
Абэ-но Ериёси 148
Абэ-но Курахасимаро 36
Акияма Тэрукадзу 21, 140, 141
Антоку 151, 152
Аоки Кадзуо 56, 57, 64
Арихара-но Нарихира, Нарихира 135, 136
Арихара-но Юкихира 129
Асикага 146
Атаэ-но Урануси 99

Барг М. А. 15
Березный Л. А. 23
Бидяцу 164
Боронина И. А. 13
Бродский В. Е. 14

Вакэ 111
Вакэ-но Киёмаро 101, 104
Вани 29
Ватанабэ Сумио 95, 165
Вебер М. 19
Виноградова Н. А. 14
Воробьев М. В. 12—14
Вань-ди 133

Гандзин 113, 166
Гёки 110, 152
Глускина А. Е. 14
Гольдберг Д. И. 11, 12
Горегляд В. Н. 13, 14, 119, 137
Горэдзэй 90
Госандзё 92, 93
Госиракава 96, 117, 149—153
Гулыга А. В. 15
Гэммё (императрица) 73
Гэммё см. Фудзивара-но Гэммё
Гэндзи 104, 126, 128, 137, 141, 142
Гэнсин 115

Дзёмэй, Тамура 33—35
Дзинму 32, 73, 165
Данто 31, 43, 70
Дэнцугаку 117
Дзюнна 103
Дильтей В. 16, 17
Додан 68

Ермакова Л. М. 14

Едзэй 167
Емэй 164

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Еримаса см. Минамото-но Еримаса
Еримити (Фудзивара-но Еримити) 104
Еринага см. Фудзивара-но Еринага
Еринобу см. Минамото-но Еринобу
Еритомо см. Минамото-но Еритомо
Есибути-но Тиканари 167
Есинэ см. Минамото-но Есинэ
Есиканэ (Тайра-но Есиканэ) 85
Еситомо см. Минамото-но Еситомо

Жуков Е. М. 10, 13, 15

Инахи 74
Иноуэ Мицусадэ 39
Иофан Н. А. 12, 14
Ирука см. Сога-но Ирука
Исикава-но Тоситори 104
Итидзё 126
Ицусэ см. Мита-но Ицусэ
Иэнага Сабуро 70
Иянага Тэйдзо 20, 21, 48, 53

Кадовани Тэйдзи 37, 48
Каки-но Мотохитомаро 72
Камако см. Фудзивара-но Каматари
Каматари см. Фудзивара-но Каматари
Камипуко-но Удзинага 99
Камму 78—80, 82, 85, 97, 101, 110, 135
Камэда Такаюки 21
Канкэн 113
Канси (Фудзивара-но Канси) 90
Кару см. Котоку
Кацураги 29
Келле В. Ж. 15
Ки 86, 135
Ки-но Есихито 86
Ки-но Токитомо 167
Ки-но Цураюки, Цураюки 6, 13, 135, 136
Киёвара-но Мотосукэ 136
Киёкими см. Сугавара-но Киёкими
Киёмори см. Тайра-но Киёмори
Киёхара-но Нацуно 167
Киси Тосио 62
Китаяма Сингэо 69
Ковальзон М. Я. 15
Ковальченко И. Д. 15
Когёку 34, 35
Коко 167
Конрад Н. И. 10, 11, 14, 28, 36

Корэтика см. Фудзивара-но Корэтика
Корэхира см. Тайра-но Корэхира
Корэхито 135
Косалапов В. В. 15
Косэ 29
Косэ-но Налэмаро 19
Котоку, Кару 35
Коя 115
Кояма 146
Кукай, Сэзги-но Маюо 110—113, 138
Кумэ 32
Куни-но Кимимаро 70, 71
Куно Такэси 20, 70

Лазарев Г. З. 14
Лупинос С. Б. 14
Львова И. Л. 14
Лян Чжаоми, Сяо Тун 133

Маки Митио 96, 165
Маркова В. Н. 14
Масакадо см. Тайра-но Масакадо
Масамори (Тайра-но Масамори) 147
Мацубара Сабуро 70
Мещеряков А. Н. 14
Мяёси-но Киёцура 74, 85
Мимунэ-но Масахира 167
Минабути-но Тосина 167
Минамото 85, 97, 104, 147—150, 152, 153
Минамото-но Ериёси 148
Минамото-но Еримаса, Еримаса 149, 152, 153
Минамото-но Еринобу, Еринобу 147
Минамото-но Еритомо, Еритомо 153
Минамото-но Есинэ, Есинэ 148
Минамото-но Есинори 153
Минамото-но Еситомо, Еситомо 148—150, 153
Минамото-но Ситаго 136
Минамото-но Тамэёси, Тамэёси 149, 150
Минамото-но Тамэёси 130
Минэмори см. Оно-но Минэмори
Мита-но Ицусэ, Ицусэ 45, 164
Мити-но Обитона 61
Митинага см. Фудзивара-но Митинага
Митинори см. Фудзивара-но Митинори
Миура 146
Мияко-но Есика 167
Могильницкий Б. Г. 15
Монтоку 103, 132, 134, 136
Морики (Тайра-но Морики) 150—152
Мотихито 152, 153
Мотоцунэ см. Фудзивара-но Мотоцунэ
Мурасаки сикибу 6, 119, 126, 137

Нагаёси (Фудзивара-но Нагаёси) 86
Нагахара Кэйдзи 17
Наканосэ, Тэндзи 35—37, 39, 41, 42
Наката Каору 16

Накатоми-но Камако см. Фудзивара-но
Каматари
Наоки Кодзиро 41
Нарихира см. Арихара-но Нарихира
Нечкина М. В. 15
Николаева Н. С. 14
Ниммё 103, 135
Нисида Наодзиро 17
Нисиока Тёраносукэ 20, 76, 165
Нитта 146
Нобуёри см. Фудзивара-но Нобуёри
Нукада-но Иматари 104
Нукада-но Окими 72

О-но Ясумаро 72, 73
Оама см. Тэмму
Оба Ивао 64
Ода Нобунага 166
Окура-но Есиюки 167
Онакатоми-но Есинобу 167
Оно 86
Оно-но Есифуру 87
Оно-но Комати 135, 136
Оно-но Минэмори, Минэмори 133, 134, 167
Оно-но Такамура, Такамура 134—136
Осакабэ 46
Осаканохикохито 33, 164
Отомо 42, 142
Отомо-но Миюки 45
Отомо-но Якамоти 72
Оэ-но Отодзо 167

Подпалова Г. И. 13
Попов К. А. 14, 164

Ракитов А. И. 15
Ранке Л. 16
Рёгэн 115

Савада Гонтэ 54, 164
Сага 103, 105, 112, 122, 133, 134
Садамори см. Тайра-но Садамори
Сайтэ 110, 113
Сакамото Таро 39
Саканоуэ-но Имацугу 167
Саканоуэ-но Мотики 167
Саканоуэ-но Тамурамаро 166
Сахаров А. М. 15
Сэзги-но Маюо см. Кукай
Свиридов Г. Г. 13
Сёму 68, 89, 91, 167
Сётоку, Умаядо 8, 30—33, 35, 38, 50, 141, 165
Симада-но Есиоми 167
Симада-но Киёта 167
Симоцука-но Комаро 61
Синдзэй, ученик Кукай 112
Синдзэй см. Фудзивара-но Митинори

Сиракава 93, 96, 116, 117, 148, 150
Сисаури В. И. 14
Сога 26, 29, 32—36
Сога-но Ирука, Ирука 34, 35
Сога-но Кураймада-но Исикавамаро,
Сога-но Исикавамаро 35, 36
Сога-но Умако, Умако 30—33, 35
Сога-но Эмиси, Эмиси 33—35
Соколова Г. А. 14
Спеваковский А. Б. 14
Сугавара-но Киёкими, Киёкими 133, 134
Сугавара-но Корёёси 167
Сугавара-но Митидзанэ 132, 134, 167
Сугано-но Мамити 74
Суйко 29, 33
Сумитомо см. Фудзивара-но Сумитомо
Сутоку 149
Сыма Цянь 130
Сырицын И. М. 11, 18
Сэй сёнагон 163
Сэйва 99, 167
Сэки Акира 34, 40
Сэкигунти Хироко 37
Сэкино Тадасу 66
Сэра Тэрусиро 18
Сяо Тун см. Лян Чжаоми

Тадамаса (Тайро-но Тадамаса) 150
Тадямити (Фудзивара-но Тадямити) 149
Тадямори см. Тайра-но Тадямори
Тайра 85, 104, 147—153
Тайра-но Киёмори, Киёмори 131, 149—153
Тайра-но Корэхира, Корэхира 147
Тайра-но Масакадо, Масакадо 22, 85—87, 97, 145, 147
Тайра-но Наоката 148
Тайра-но Садамори, Садамори 85, 86, 147
Тайра-но Сигэмори 152
Тайра-но Тадямори, Тадямори 147, 149, 150
Тайра-но Тадацунэ 147
Такакура 151
Такамоти 85
Такамура см. Оно-но Такамура
Такэути Ридзо 5, 6, 20, 89, 95, 117, 165
Тамба-но Ясуёри 128
Тамура см. Дзёмэй
Тамэеси см. Минамото-но Тамэёси
Татибана 104
Татибана-но Мотоцунэ 91
Тацуно-но Масаминэ 99
Тиба 145, 146
Тоба 96, 117
Токива-но Мицунага 142
Токугава Иэмицу 166
Тома Сайта 165
Томоё-но Каватимаро 38

Томохира см. Фудзивара-но Томохира
Тонэри 73
Торао Тосия 20, 55
Тэмму, Оама 31, 42, 43, 69, 72, 73
Тэндзи см. Наканосэ

Уда, император 83, 84, 165, 166
Умако см. Сога-но Умако
Умаядо см. Сётоку
Утида Гиндзо 15, 17, 27
Утико 134

Фудзивара 36, 84, 85, 92, 93, 97, 103, 104, 108, 113, 116, 130, 135, 137, 142, 146, 149—152, 155
Фудзивара-но Акихира 138
Фудзивара-но Гэммё, Гэммё, 85, 86
Фудзивара-но Еринага 131, 149
Фудзивара-но Есифуса 103
Фудзивара-но Каматари, Камако, Каматари, Накатоми-но Камако 35, 36, 39, 40, 61, 103
Фудзивара-но Кинто 105
Фудзивара-но Корэтика, Корэтика 85, 86
Фудзивара-но Митинага, Митинага 104, 107, 126
Фудзивара-но Митинори, Митинори, Синдзэй 131, 132, 149, 150
Фудзивара-но Мотоцунэ 150
Фудзивара-но Мотонага 98
Фудзивара-но Мотоцунэ, Мотоцунэ 82, 86, 103, 165, 167
Фудзивара-но Мутимаро 61
Фудзивара-но Нарито 148
Фудзивара-но Нобуёри, Нобуёри 150
Фудзивара-но Норимити 90
Фудзивара-но Оцугу 167
Фудзивара-но Сумитомо, Сумитомо 86, 87, 97
Фудзивара-но Тададзанэ 149
Фудзивара-но Такайко 135, 140
Фудзивара-но Токихира 84, 134, 167
Фудзивара-но Томохира, Томохира 91, 92
Фудзивара-но Фухито, Фухито 45
Фудзивара-но Фуцугу 167
Фудзивара-но Цугутада 74
Фудзивара-но Цунэцугу 108
Фукуда Тёхико 22
Фурута Такэхико, Фурута 25, 163—165
Фурухитоносэ 33, 34
Фухито см. Фудзивара-но Фухито

Хадзи 133
Хань, династия 31
Хара Кацуро 15
Хата-но Титэй 141
Хирано Кунио 29
Хиэда-но Арэ 73

Хэгури 29
Хэйдэй, император 135

Цу 86
Цуда Сокити 15, 16, 28, 29, 31, 32, 37,
39, 73, 164
Цураюки см. Ки-но Цураюки
Цутида Наосигэ 104, 126

Эйдус Х. Т. 11
Эмиси см. Сога-но Эмиси
Эннин 113
Энсэй 117

Ямабэ-но Акахито 72
Яманака Ютака 21
Ямасироноэ 33, 34

Авадзи 99
Асука 10, 32, 33, 59, 156, 164

Бандо см. Канто
Биго 61, 99
Бидзэн 99, 122, 151
Биттю 122, 151
Бохайское царство 108
Бунго 74

Вакаса 98
Вакаяма 166
Восточная Маньчжурия 108

Гифу 54

Далзайфу см. Цусима
Дэва 156

Едо-но Сагамикубо 95
Едогава 96, 102, 165
Екантиба 64
Есино 114

Ивами 99
Ига 6, 91, 92, 98, 99, 151
Идзуми 98, 164
Идзумо, вотчина 95
Идзумо, провинция 58, 74, 98
Иё 86, 87
Ики 80, 87, 99, 165
Ина 89
Исэ 82, 97, 98, 105, 122, 147, 148, 151
Итахаэносима 91, 92

Кавати 50, 139, 143, 147, 164
Кага 98, 99
Кадоно 101
Камакура 148, 166
Камогава 102
Кандзанигава 89
Кансай 25, 33, 165
Канто, Бандо, Тогоку 25, 27, 37, 41, 85,
86, 145, 147—149, 152, 153
Кацурагава 27, 102
Кацураги 29
Кидай 27, 38—40, 57, 62, 77, 82, 95
Кири 98, 99, 112, 122
Кимбусэн 114
Киото 25, 102, 165, 166
Кобэ 152
Когурё 34
Кодзукэ 86, 148

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Коясан 112—114, 138, 139, 166
Кудара 34
Куропа 5, 91, 92, 99
Кюсю, Тикуси 25—27, 32, 52, 54, 59,
61, 68, 77, 80, 87, 99, 108, 112, 127,
134, 146, 151, 156, 165

Манионкэ 112
Мино 98, 105, 122, 133
Миз 6
Мусаси 86
Муцу 82, 134, 147, 148, 156

Набари 6
Нагано 64
Нагасакэ 66, 101, 111, 129
Нагасу 89, 90
Нанива 33, 38, 41, 58, 165
Нара 5, 10, 66, 91, 117, 127, 139, 153,
155, 166
Нисинма 166

Овари 98, 99, 134, 150
Оми 61, 82, 98, 105, 113, 117, 122, 164
Ондэ-но Сэто 152
Осака 25, 33, 165, 167
Ояма 92, 96, 97, 165

Пэкче 28, 32, 34, 70, 72

Сагами 82, 86, 148
Сайкайдо 52
Сануки 87, 98, 112, 135, 149
Сацума 89
Северная Корея 108
Сига 113
Сиги 143
Сики 27
Сикоку 25, 156
Силла 32, 108, 157
Симоса см. Симоуса
Симоуса, Симооса 86
Симоцукэ 147
Синано 98
Со 27
Суо 87
Суруга 98
Сэто (Внутреннее море) 86, 102
Сэцу 50, 89, 90, 149, 152, 164

Таканогата 102
Такэти 27
Тамба 82, 92, 98, 99, 117

Танская империя 108
 Тиба 54, 147
 Тякуто 99
 Тикуси см. Кюсю
 Тогоку см. Канто
 Токио 25, 64, 165
 Тоса 135
 Тотти 27
 Тотоми 98
 Тяньтай 113

Уда 101
 Удзикава 153

Франкское государство 16
 Фудзивара 66
 Фукухара 152, 153
 Фунаока 128
 Фуруити 113

Хаката 87, 151
 Харима 74
 Хёго, порт 152
 Хёго, префектура 89, 152
 Хигасияма 102
 Хидзэн 74
 Хираидзэ 64
 Хиросима 152
 Хитати 74, 85, 86
 Хизёдзэн 113, 115

Хоккайдо 59
 Хокурику 56
 Хонсю 25, 59, 77, 98, 146, 156
 Хорикава 117
 Хэйан 81, 98, 101—104, 108, 111, 112,
 117, 119, 121—129, 131, 134, 139, 140,
 164, 166, 167
 Хэйдзэй 10, 66, 67, 70, 97, 101, 102,
 104, 111, 121, 129, 166

Цусима, Дадзайфу 45, 52, 80, 87, 99,
 164, 165

Чангъань 66, 67, 102, 108, 111, 112, 133

Этиго 61, 99
 Этхидзэн 98, 130, 152

Южное Приморье 108

Ямабэ 27
 Ямайти, Яматай 25, 163
 Яманаси 64
 Ямасиро 50, 82, 83, 90, 95, 139, 164
 Яматай см. Ямайти
 Ямато, княжество 25, 28, 29, 33, 36,
 37, 156, 163, 164
 Ямато, провинция 29, 50, 95, 98, 99, 133,
 139, 143, 164
 Яно 89

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Источники	4
Историография	10
<i>Глава 1. Социальная революция VII в.</i>	25
Японское общество в конце VI—начале VII в.	27
Политический переворот 645 г.	33
Проблема реформ Тайка	37
<i>Глава 2. Общество, государство и культура в VIII в.</i>	45
Землевание и земледельчество	47
Население и его социальная структура	54
Этнос и культура	63
<i>Глава 3. Становление вотчинной системы. Крестьянство во второй половине VIII—первой половине XII в.</i>	75
Развитие вотчин и распад наделной системы (середина VIII—середина X в.)	77
Пожертвование земель. Арендные отношения. Имунитет (вторая половина X—XI в.)	87
Завершение становления вотчинной системы в первой половине XII в.	94
Формы классовой борьбы крестьянства	97
<i>Глава 4. Политическая культура и идеология в IX—XI вв.</i>	101
Хэйан как политический центр	101
Усиление социальной роли буддизма	108
<i>Глава 5. Духовная культура и быт хэйанской аристократии</i>	119
Обычай и материальная культура	120
Образование, история, литература	129
Изобразительное искусство	138
<i>Глава 6. Формирование самурайства и политическая борьба в XII в.</i>	144
Самурайство и вотчинная система	145
Тайра и Минamoto во второй половине X—первой половине XII в.	147
Политическая борьба в 50—70-х годах XII в.	149
Вместо заключения. О типологии японского раннефеодального общества	154
Примечания	163
Список использованных источников и литературы	168
Список сокращений	185
Приложение. Таблица соответствия дат начала года по европейскому и японскому (китайскому) календарю (601—1180)	186
Указатель имен	189
Указатель географических названий	193

Другие книги нашего издательства:

URSS

История культуры

- Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада.
 Муриан И. Ф. Китайская рельефно-бюстная скульптура IV–VIII вв.
 Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды.
 Ольденбург С. Ф. Культура Индии.
 Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».
 Серебряков И. Д., Вашина Е. Ю. (ред.) Голоса индийского средневековья.
 Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта.
 Шестаков В. П. История истории искусства: От Плиния до наших дней.
 Шестаков В. П. История эстетических учений.
 Шестаков В. П. История музыкальной эстетики от Античности до XVIII века.
 Шестаков В. П. Европейский эрос: Философия любви и европейское искусство.
 Шестаков В. П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы?
 Липперт Ю. История культуры.
 Кош-Витер Э. История стилей изобразительных искусств.
 Даркевич В. П. Пути средневековых мастеров.
 Даркевич В. П. Народная культура Средневековья.
 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.
 Даркевич В. П. Художественное ремесло средневекового Запада (X–XIV вв.).
 Чекалова А. А., Даркевич В. П. Культура Византии. IV–XII в.
 Ржевская И. В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси.
 Зотов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры.
 Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.
 Римина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.
 Афанасьев М. Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры.
 Режаибек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ).
 Преображенский П. Ф. В мире античных образов.
 Преображенский П. Ф. Курс этнологии.
 Федосов Д. Г. Андские страны в колониальную эпоху.
 Карпова Т. Л. (ред.) Искусство «золотой середины»: Русская версия.
 Свиридов М. И. (ред.) Западная Европа. XVI век: Цивилизация, культура, искусство.
 Симон К. Р. История иностранной библиографии.
 Хачатуров С. В. Искусство книги в России 1910–1930-х годов. Мастера левых течений.
 Социденко С. (ред.) Старшая Эда. Песнь о богах.
 Сыромятников С. Н. Сага об Эйрике Красном.
 Федосов Д. Г. Андские страны в колониальную эпоху.
 Классическое искусство от Древности до XX века. Сборник статей.
 Малаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).
 Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.
 Попадюк С. С. Неизвестная провинция. Историко-архитектурные исследования.
 Бодз А. Б. Поэзия Русского Севера.
 Бодз А. Б. Архитектурная сокровищница Поонежья.
 Анисимов А. В. Венеция. Архитектурный путеводитель.
 Хан-Магомедов С. О. 100 шедевров советского архитектурного авангарда.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: истории»

- Васильев А. О древнейшей истории северных славян до времен Рюрика.
 Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
 Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык.
 Аксаков К. С. Из истории русской литературы и русского языка.
 Белиев И. Д. История военного дела от воцарения Романовых до Петра Великого.
 Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. В 2 кн.
 Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.
 Кавелин К. Д. Основные начала русского судостроения.
 Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.
 Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.
 Сантловский В. В. Происхождение денег и денежных знаков.
 Сантловский В. В. История экономических идей в связи с историей экономического быта.
 Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени.
 Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.
 Миславский И. Поземельная община в России.
 Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.
 Соколов А. В. О системах земледелия.
 Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований.
 Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России.
 Ефименко А. Я. История Украины и ее народа.
 Ефименко А. Я. Очерки истории правобережной Украины.
 За кулисами паризма: Архив тибетского врача Бадмаева.
 Лемасе М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия.
 Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов.
 Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества: Избранные главы.
 Лавров П. Л. Развитие учения о мифических верованиях.
 Рейснер М. А. Государство и верующая личность.
 Рейнгардт И. В. Женщина перед судом уголовным и судом истории.
 Жид П. Гражданское положение женщины: С древнейших времен.
 Вилье М. де. Женские клубы и легионы амазонок: Из истории феминизма во Франции.
 Шашков С. С. История русской женщины.
 Лермонтов М. Ю. Заметки. Планы. Сюжеты. Письма.
 Серия «Исследования по искусству Востока»
 Соколов-Ремизов С. Н. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте футурологических предположений: Между прошлым и будущим.
 Соколов-Ремизов С. Н. (ред.) Россия–Япония: На путях восприятия и понимания духовной культуры друг друга.
 Морозова Т. Е. (ред.) Искусство Востока: Сравнительное изучение традиций.
 Морозова Т. Е. (ред.) Культура Востока. Индия, Непал, Тибет.
 Кононенко Е. И. Месопотамская глиптика 3-го тысячелетия до н. э.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология»

- Радуй-Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии.
 Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов.
 Михайловский В. М. Шаманство: Сравнительно-этнографические очерки.
 Богораз В. Г. Чукчи. В 3 т.: Социальная организация. Религия. Материальная культура.
 Богораз В. Г. Христианство в свете этнографии.
 Богораз В. Г. USA: Люди и нравы Америки.
 Вениамин И. Записки об атласских алеутах и колошах (коложах, тлинкитах).
 Святский Д. О. Под сводом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии.
 Кареев Н. И. Исследования в области древней мифологии.
 Бонас Ф. Ум первобытного человека.
 Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле.
 Леббок Дж. Доисторические времена, или Первобытная эпоха человечества.
 Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека.
 Шуриц Г. История первобытной культуры: Основы культуры. Общество. Хозяйство.
 Шуриц Г. История первобытной культуры: Материальная и духовная культура.
 Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении.
 Леви-Брюль Л. Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и папуасов.
 Гроссе Э. Происхождение искусства.
 Бюхер К. Работа и ритм: Роль музыки в синхронизации усилий участников трудового процесса.
 Нибуэр Г. И. Рабство как система хозяйства: Этнологическое исследование.
 Ковалевский М. М. Родовой быт: В настоящем, недавнем и отдаленном прошлом.
 Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи.
 Довнар-Запольский М. В. Первобытные формы брака.
 Ефименко А. Я. Южная Русь: Историко-этнографические исследования и заметки.
 Ефименко А. Я. Исследования народной жизни: Обычное право.
 Кавелин К. Д. Быт русского народа.
 Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста.
 Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры.
 Селиванов В. В. Год русского земледельца: Зарисовки из крестьянского быта.
 Срезневский И. И. Исследования о языческом богослужении древних славян.
 Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян.
 Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений.
 Японский язык
 Кизэ М. Грамматика японского языка. В 2 т.
 Фельдман Н. И. Японский язык.
 Сыромятников Н. А. Становление новояпонского языка.
 Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка.
 Сыромятников Н. А. Система времен в новояпонском языке.
 Панковски А. А. Слово в японском языке.
 Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии.
 Куниширо Т. Идеальный толковый словарь (Рисо но кокуто дзитэн).
 Адамото В. М. Категории вежливости в современном японском языке.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Гарнак А. фон. Сущность христианства.
 Иоаннов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых трех веков христианства.
 Штраус Д. Ф. Старая и новая вера: Христиане ли мы еще?
 Герье В. И. Франциск: Апостол нищеты и любви.
 Герье В. И. Очерк развития исторической науки.
 Делач Ф. Библия и Вавилон.
 Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке: Общество иезуитов.
 Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке: Никейский собор.
 Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке: Триентский собор.
 Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы: Очерки современного сектанства.
 Уколова В. И. «Последний римлянин» Бозний.
 Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья.
 Миронов А. М. История античного искусства.
 Миронов А. М. Альбрехт Дюрер: Его жизнь и художественная деятельность.
 Новосадский Н. И. Элевуские мистерии: Исследование в области древнегреческих мистических культов.
 Эйсен Г. История и система средневекового мироздания.
 Майн Г. Древнее право.
 Майн Г. Древнейшая история учреждений.
 Майн Г. Древний закон и обычаи: Исследования по истории древнего права.
 Инграм Дж. К. История рабства от древнейших до новых времен.
 Фостель де Куланж Н. Л. Римский колонат: Происхождение крепостного права.
 Фостель де Куланж Н. Л. Древняя гражданская община.
 Брейтано Л. Народное хозяйство Византии.
 Бернгейм Э. Введение в историческую науку.
 Фриман Э. Методы изучения истории.
 Лакомб П. Социологические основы истории.
 Карсаялов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век.
 Карсаялов В. В. Свержение монголо-татарского ига.
 Карсаялов В. В. Конец ордынского ига.
 Миндов Н. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:
 +7 (499) 724-25-45
 (многоканальный)

E-mail:
 URSS@URSS.ru
 http://URSS.ru

«НАУКА — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мысльная, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полинка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0382)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «100 000 книг» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13. Тел. (343) 22-12-979)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Автома Валера, 12. Тел. (343) 253-50-10)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке к изданию — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.

Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества.

Петрушевский Д. М. (ред.) Памятники истории Англии XI—XIII вв.

Петрушевский Д. М. Общество и государство у Гомера.

Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии.

Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки.

Тарле Е. В. История Италии в Средние века.

Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.

Митрофанов П. П. История Австрии.

Кудрявцев А. Е. Испания в Средние века.

Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века.

Афанасьев Г. Е. История Ирландии.

Канторович Я. А. Процессы против животных в Средние века.

Остроумов Н. П. Исламоведение: Аравия, колыбель ислама.

Ле Шателье А. Ислам в XIX веке.

Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.

Тураев Б. А. Древний Египет.

Кинк Х. А. Египет до фараонов: По памятникам материальной культуры.

Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды.

Кинк Х. А. Древнеегипетский храм.

Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху.

Кинк Х. А. Художественное ремесло Древнейшего Египта и сопредельных стран.

Кагаров Е. Г. Прошлое и настоящее египтологии: От Шампольона к Масперо.

Аландский П. И. История Греции.

Хвостов М. М. История Греции. Курс лекций.

Гончарова Т. В. Эпикур.

Гончарова Т. В. Плутарх.

Лурье С. Я. Геродот.

Юревич В. А. Астрономия доколумбовой Америки.

Морган Ж. де. Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода.

Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры: Первобытное общество.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе.

Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
или электронной почтой URSS@URSS.ru
Полный каталог изданий представлен
в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Станислав Соломонович ПАСКОВ

(1945–1986)

Историк-востоковед, специалист по истории Японии. Родился в Ленинграде. В 1969 г. окончил японское отделение Дальневосточного государственного университета (ДВГУ). Читал курсы истории японского феодального общества и историографии Японии на восточном факультете ДВГУ. Кандидат исторических наук (1977), доцент (1981). Автор монографий «Современная японская буржуазная историография. Проблемы политики Японии в Китае в конце XIX – первой четверти XX в.» (М., 1982) и «Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки» (М., 1987), а также ряда статей, в числе которых: «Методологические проблемы исторической науки в современной японской буржуазной историографии» (1980), «Зарождение буржуазной исторической мысли в Японии» (1982), «Проблема всемирной истории в современной японской философии и методологии истории» (1983), «Проблемы истории Японии в трудах японского историка Утида Гиндзо (1872–1919)» (1985).

Наше издательство предлагает следующие книги:

10289 ID 123131

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS

**НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56